

Annotation

С героем романа «Огонь, гори!» происходят чудеса. Не ведая как, он, сыщик Скотленд-Ярда, переносится в давно прошедшие времена и там попадает в переделку, едва не закончившуюся для него трагически.

- [Джон Диксон Карр](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Примечания для любознательных](#)
 -
 - [Манеры, обычаи, речь](#)
 - [Скотленд-Ярд против воров и мошенников. Места и события](#)
 - [Исторические личности](#)
- [notes](#)

- 1
 - 2
 - 3
-

Джон Диксон Карр
Огонь, гори!

Посвящается сэру Аллену Лейну

Глава 1

«Кого пошлешь ты привести его?»

Невозможно совершить убийство в просторной, ярко освещенной галерее на глазах у трех свидетелей. И тем не менее одну женщину убили именно так.

По словам Чевииота, самое непостижимое преступление в его практике относится к 1829 году — то есть оно было совершено за восемь лет до вступления на престол королевы Виктории. Тогда в последний раз расцвели щеголи-денди. В своих комнатах, битком набитых драгоценными безделушками, загадочно улыбались красавицы куртизанки с белой кожей, а старый, тучный Георг Четвертый мучился одышкой в Виндзорском замке.

Но поскольку сейчас, в середине двадцатого века, суперинтендент уголовного розыска Джон Чевииот жив-здоров и его даже нельзя назвать пожилым человеком, предыдущие слова нуждаются в некоторых разъяснениях.

Однажды октябрьским вечером — было около десяти часов — Чевииот поймал такси на Юстон-роуд.

— В Скотленд-Ярд, — бросил он шоферу, усаживаясь на сиденье и захлопывая дверцу.

Чевииот — суперинтендент отделения «С-1» уголовного розыска, которое в Просторечии именуют «убойным отделом». Своим продвижением по службе Чевииот обязан заместителю главы столичной полиции, который считает, что повышать следует за способности, а не за выслугу лет.

В наши дни служба в полиции не считается зазорной даже для выпускника Винчестера и Тринити-колледжа в Кембридже. А если данный выпускник хорошо справляется со своими основными обязанностями, никто не станет возражать против его невинной причуды — рыться в Центральном архиве Скотленд-Ярда и читать о преступлениях, совершенных в древности.

За годы службы в полиции Чевииот приучился сдерживать слишком пылкое воображение. На вид он казался таким же бесстрастным, как и все остальные. Аскетическая обстановка

привилегированной частной школы неплохо подготовила его к полувоенной дисциплине, принятой в полиции. И за то, что он не сошел с ума после произошедших с ним необычайных событий, ему следует благодарить женщину и собственное чувство юмора.

Итак, Чевииот сел в такси на Юстон-роуд и велел отвезти его в Скотленд-Ярд.

На улице было сыро и душно, хотя и не слишком тепло; постепенно сгущался туман. Чевииот не следил за дорогой, так как размышлял об одном деле, не имеющем отношения к нашему рассказу. Он уверяет, что не испытывал никакого дурного предчувствия. Когда такси остановилось почти в том самом месте, где ему и следовало остановиться, он даже не понял, что некие темные силы уже пронзили толщу веков и затянули его в омут прошлого.

«Если поденщица говорит правду...» — размышлял Чевииот, наклоняясь влево.

Он открыл дверцу, собираясь выйти из машины, но ударился головой; шляпа упала на пол.

Оторванный от своих мыслей, Чевииот нагнулся. Странно! Мягкая фетровая шляпа не могла произвести такого стука.

Что-то привлекло его внимание, и он посмотрел вперед. На месте обычного фонарного столба он увидел за пеленой тумана газовый фонарь, накрытый стеклянным колпаком, похожим на гробик.

Чевииот ничего не понял и даже не особенно удивился: многие районы Лондона до сих пор освещаются газом.

Он осторожно нагнулся, поднял свой головной убор за плотное изогнутое поле и полез наружу. Однако нога нащупала не обычную подножку автомобиля, а высокую ступеньку экипажа. По обе стороны экипажа висели медные масляные лампы. И хотя Чевииот ничего не видел в тусклом свете, нос его уловил запах конюшни.

Он ничего не сказал. Выражение его лица не изменилось. Он спрыгнул на землю — и его обдало брызгами грязи, толстым слоем покрывшей булыжную мостовую.

— Сколько с меня? — Чевииоту показалось, что голос его звучит громче обычного.

— Шиллинг, — буркнул кебмен.

Может, все дело было в предательской игре воображения, но Чевииота больше всего поразили ненависть и мстительность в низком

голосе возницы.

— Шиллинг. Понятно, — механически повторил Чевииот. — Где я вас нанял?

Рядом злобно, с ненавистью щелкнул невидимый хлыст.

— На Юстон-роуд, да приказали везти на шотландское подворье, то бишь в Скотленд-Ярд. Ну, вот и приехали, Уайт-холл-Плейс, номер четыре, будь он неладен! — Снова щелкнул хлыст. — Стало быть, платите!

Чевииот оглядел головной убор, который держал в руке. Он напоминал современный цилиндр, только был выше и тяжелее; тускло поблескивал бобровый ворс. Чевииот осторожно дернул себя за волосы. С прической тоже творилось что-то неладное: ему показалось, что волосы стали гуще.

Суперинтендент сунул руку в карман брюк. Оказалось, что на нем длиннополый сюртук тонкого черного сукна и довольно тесные панталоны; он с трудом добрался до кармана и выудил оттуда горсть монет.

В газовом свете тускло блеснуло серебро. Увидев профиль на монетах, суперинтендент Чевииот застыл, точно громом пораженный.

Из темноты снова послышался хриплый голос невидимого кебмена.

— Фу-ты ну-ты, важная шишка! — с ненавистью проговорил он. — Небось подручный Бобби Пиля из этой... как ее... полиции, будь она неладна!

— Что такое?!

— Оглох, что ли? — еще больше взъярился кебмен. — Ишь, как вырядился, весь в пестром, точно попугай! Да вдобавок еще и зубы мне заговаривает. Небось цену хочешь сбавить? Не выйдет!

Чевииот поднял голову.

— А ну-ка тихо, — приказал он.

Когда-то одна женщина-репортер назвала внешность суперинтендента Чевииота из отдела убийств примечательной. Она написала: «У него довольно зловещие светло-серые глаза, хотя мне он показался довольно добродушным».

Разумеется, репортерша преувеличивала. И все же, увидев выражение лица своего пассажира, кебмен словно захлебнулся. Светло-серые глаза резко выделялись на впалом лице, казавшемся еще

тоньше на фоне высокого остроконечного воротника и небрежно повязанного широкого черного атласного галстука.

«Да ну его!» — подумалось кучеру. Ему сразу расхотелось ругаться с «важной шишкой», у которой был такой угрожающий вид.

— Вот, возьми, — негромко сказал Чевиот и сунул кебмену два шиллинга, хотя тот даже не потрудился заранее спрыгнуть на землю и открыть перед пассажиром дверцу.

Если плата за проезд от Юстон-роуд всего шиллинг, то он дал грубияну непомерные чаевые. Кебмен жадно схватил монеты и взмахнул хлыстом. Кренясь на сторону и утопая в грязи, кеб покатило прочь и вскоре скрылся из вида. Странная ночь! Однако невидимый голос еще успел с ненавистью прокричать из темноты:

— Мусор! Шпион!

Джон Чевиот повернулся и зашагал налево. Над входом в кирпичный дом на углу горел свет. Очень неприятно было брести по холодной грязи, доходившей до щиколоток и противно чавкавшей под ногами.

Неужели все это происходит наяву?

Да нет, не может быть!

«Это старый Скотленд-Ярд, — подумал Чевиот. — Именно так он и должен выглядеть. Он находился в нескольких сотнях ярдов от того места, куда мне нужно попасть. И ничуть не изменился. Я вижу его собственными глазами; чувства и мозг меня не обманывают».

Вдруг им овладели ужас и отчаяние.

«Боже мой, неужели я не сплю? Неужели все происходит наяву?... Наверное, я перетрудился...»

Тогда-то он впервые и увидел ее...

Под самые окна дома номер четыре по Уайтхолл-Плейс подкатила черная лакированная коробка на четырех позолоченных колесах — закрытая карета, влекомая лоснящимися гнедыми лошадьми. Чевиот заметил карету не сразу — фонари, висевшие по обе ее стороны, почти погасли. И лишь когда кучер в цилиндре и красной ливрее спрыгнул на землю и подкрутил фитили, фонари загорелись ярко-желтым пламенем.

Дверца распахнулась, и взору суперинтендента предстала женская ножка; ее обладательница махнула рукой кучеру и посмотрела Чевиоту в лицо с расстояния всего десяти футов.

— Мистер Чевииот! — тихо позвала она. Голос у нее был негромкий и мелодичный. В некотором замешательстве дама опустила длинные ресницы и снова села.

Чевииот не сдвинулся с места.

Хуже не придумаешь! Он почти не успел разглядеть даму. Она показалась суперинтенденту знакомой, хотя он никогда раньше ее не видел. Явно не молоденькая девушка — ей лет тридцать, а может, и больше. Выглядит зрелой женщиной, что лишь добавляет ей обаяния.

На незнакомке было платье из белой парчи со светло-желтыми полосками; плечи и грудь обнажены, руки голые. Волосы ее, чистое золото, были разделены посередине пробором и уложены сзади венцом; лоб и уши открыты. Поразительно красивое лицо слегка нарумянено и напудрено. На губах ни следа помады; ротик маленький, однако губы полные и чувственные. Подбородок округлый. Поражали огромные глаза — темные и невинные, как у четырнадцатилетней девочки.

Однако невинной дама не являлась никоим образом.

Чевииот понял, что должен подойти к карете, однако ноги не слушались его. Краем глаза он подметил: кучер в цилиндре и красной ливрее взобрался на козлы, сел прямо, как палка, и уставился вдаль, словно намекая на то, что он ничего не слышит и не видит.

Чевииот снял шляпу, поднялся на ступеньку и заглянул в карету.

Это был не дешевый наемный экипаж. Внутри сладко пахло жасминовыми духами. Женщина сидела, утопая в пурпурно-красных подушках, откинув голову назад, полузакрыв невинные темно-синие глаза. Однако при виде Чевииота она выпрямилась.

— Милый! — произнесла она страстно и так тихо, что он с трудом расслышал ее. Потом подставила губы для поцелуя.

— Мадам, — отозвался Чевииот, — как вас зовут? Синие глаза изумленно раскрылись.

— Ведь ваше имя Флора? Не так ли?

— Как будто ты не знаешь!

— Вы леди Дрейтон. Вы вдова и живете на...

Ему вскоре предстояло узнать: даже в минуты крайнего гнева или страсти она вдруг становилась застенчивой, почти робкой.

— Я живу, — прошептала женщина, — там, где, надеюсь, будешь жить и ты... как всегда.

Внешне невозмутимый Чевиот никак не мог объяснить свое поведение. Упав на одно колено, он обвил руками прелестную талию и прижался щекой к обворожительной груди.

— Не смейся надо мной! — попросил он. — Ради бога, не смейся надо мной!

Флора не пообещала, что не станет смеяться, и не вскрикнула от боли, хотя он сжал ее довольно сильно. Просто обвила шею Чевиота руками и прижалась щекой к его голове.

— Милый! Что случилось? В чем дело?

— Я выжил из ума! Я душевнобольной! Мое место в сумасшедшем доме! Понимаешь...

Примерно полминуты он то шептал, то вскрикивал как безумный. Вряд ли Флора, запомнившая все, что он говорил, и повторявшая ему его же слова позже, поняла хотя бы одну десятую часть его речи.

Однако по мере того, как Чевиот говорил, окутавший его мрак понемногу рассеивался. Щекой он чувствовал мягкую плоть; грудь Флоры то вздымалась, то опускалась.

Вспомнив о том, что он на службе, Чевиот с трудом поднялся, нечаянно наступив на подол бело-желтого парчового платья — узкого в талии, но с широкой, по моде, юбкой. Выпрямиться во весь рост в карете он не мог. Наклонившись к Флоре, он положил руки ей на плечи. Она откинула голову.

Казалось, ее стройная шея вот-вот надломится под тяжестью пышной золотой короны волос. Огромные невинные глаза наполнились слезами, Флора вздрогнула. Она была так осязаема, так чувственна, что у Чевиота голова пошла кругом...

— Ты не душевнобольной, — тихо проговорила она, но тут же скривила губы и отвернулась. — Если не считать того, что ты хочешь стать суперинтендентом центральной компании или центрального отделения — как там они называются? — Она посмотрела на него в упор. — И если ты сошел с ума, то кто же тогда я?

— Ты вышла из картинки в книге!

— Что такое, милый?...

— Точнее, из альбома с рисунками из...

Чевиот вовремя остановился и не добавил: «Из Музея Виктории и Альберта».

— Никто не знает, и никто никогда не узнает, — продолжал он, — как долго я тебя люблю!

— Надеюсь, что нет. — Ее шепот воспламенял его еще больше. — Ах, как бы мне хотелось сейчас оказаться дома! Но... ты не опоздаешь на свою встречу?

— Встречу? С кем?

— С мистером Мейном и полковником Роуэном, разумеется!

Рядом с Флорой на подушках лежали широкополая итальянская шляпа и красная кашемировая шаль. Чевиот разглядывал их в полумраке. Как человек, хорошо знавший историю, он помнил, что Ричард Мейн и полковник Чарльз Роуэн были двумя первыми начальниками — или комиссарами — полиции.

Он читал о них в архиве, видел их портреты. Он знал...

— Ты имеешь в виду... — спросил он, откашлявшись, — сподвижников сэра Роберта Пиля?...

— Как сэра Роберта?! — ошеломленно переспросила Флора. — Я слышала, что старый сэр Роберт очень болен. Говорят, он не жилец. Но неужели он уже умер? И неужели мистер Пиль унаследовал титул баронета?

— Нет, нет еще! — воскликнул Чевиот. — Прости, — добавил он тише. — Я оговорился.

— Ладно, — проворковала Флора. — По-моему, тебе пора. Но прошу, пожалуйста, возвращайся скорее!

И она снова подставила губы для поцелуя.

Умолчим о том, что происходило в течение следующих нескольких минут. Когда Чевиот, покинув карету, уверенно зашагал к двери дома номер четыре по Уайтхолл-Плейс, ужаса он больше не испытывал.

«Ну же! — подхлестывал его насмешливый внутренний голос. — Разве не сбылась еще одна твоя мечта — тайная, заветная мечта? Разве ты не хотел посмотреть, как работал первый в истории Скотленд-Ярд? Тогда на улицах бушевала чернь, тогда совершались самые темные злодеяния, тогда полицейских ненавидели и считали помехой личной свободы. Тогда таинственные преступления — кражи со взломом, убийства — раскрывались лишь благодаря счастливой случайности или в результате доноса... Давай признаем, — продолжал все тот же насмешливый голос, — что убийство всегда омерзительно и совсем

неинтересно; настоящие убийства совсем не похожи на те, что описывают в романах. И все же! Разве тебе не хотелось произвести впечатление на своих знаменитых предшественников, раскрыв какое-нибудь зловещее преступление по отпечаткам пальцев, следам пули или благодаря современной дедукции? Разве в глубине души ты не хочешь поразить их своими способностями?»

— Да! — воскликнул суперинтендент Чевиот.

Дом номер четыре на Уайтхолл-Плейс был красивым кирпичным домом; в окнах по обе стороны от входной двери за плотными шторами горел свет. Чевиот взялся за дверной молоток и громко постучал.

Возможно, у него просто разыгралось воображение или он в самом деле услышал, как рядом кто-то тихо хихикнул? Чевиот круто развернулся на каблуках. Так и есть, ему померещилось. Никого.

Дверь открыл человек... именно такой, какого Чевиот и ожидал увидеть. Среднего роста, краснолицый; судя по военной выправке, явно отставной солдат. Сюртук, достигающий до середины бедра, был синего цвета, сверху до пояса шел ряд металлических пуговиц. Брюки тоже синие. Немногие догадались бы, что его цилиндр изнутри укреплен кожаной тульей и тростниковыми распорками, способными смягчить удар хлыстом или бутылкой.

Хорошенько разглядев Чевиота и его костюм, незнакомец почтительно осведомился:

— Чем могу служить, сэръ?

— Моя фамилия Чевиот, — беззаботно проговорил посетитель. — У меня назначена встреча с полковником Роуэном и мистером Мейном.

— Да, сэръ. Следуйте за мной, сэръ.

Наметанный глаз Чевиота угадал скрытые под полами сюртука полисмена дубинку из прочной древесины и трещотку, введенные в обиход Пилем. Полицейский, по мнению Пиля, не должен был выделяться из толпы — на его профессию указывала лишь сине-белая повязка на левой руке. Она свидетельствовала о том, что ее обладатель находится на дежурстве.

Чевиот не спеша брел за своим провожатым. Из просторного вестибюля они вышли в коридор, который, казалось, вот-вот рухнет — если судить по запаху сырости и по пятнам на алых обоях.

Полисмен с негнущейся спиной прошагал к двери справа и распахнул ее.

— Мистер Чевиот! — хрипло объявил он. Судя по голосу, он был не дурак выпить.

Чевиоту опять стало страшно — так страшно, как никогда в жизни. Сейчас он свяжет себя обязательствами. К добру или к худу, к жизни или к смерти, но он должен шагнуть в неизвестность... Что ж, надо держаться достойно, так чтобы Флора гордилась им.

Он лишь мельком заметил довольно большую комнату, обшитую дубовыми панелями. Все стены сплошь увешаны военными трофеями. Насколько он помнил, здесь жил полковник Роуэн — холостяк. Расправив плечи и небрежно улыбнувшись, Чевиот перешагнул порог.

— Добрый вечер, господа! — сказал он.

Глава 2

Кража из кормушки

В комнате находились трое. Но поскольку один сидел за конторкой в дальнем углу, Чевиот вначале заметил только двоих.

На полу лежал красный турецкий ковер — такой грязный, затоптанный и засыпанный табачным пеплом, что его истинный цвет определить было трудно. В центре комнаты стоял полированный стол красного дерева, прожженный по краям. На нем, среди разбросанных документов и папиросной бумаги, светила масляная лампа под узким красным стеклянным колпаком, плоский фитиль ровно горел в красной колбе.

Не впервые Чевиот задумался: почему масляные лампы не взрываются? Вскоре ему предстояло узнать, что они взрываются, и довольно часто.

Сбоку от стола, в мягком кресле, обтянутом фиолетовым шелком, сидел высокий, худощавый, довольно привлекательный человек лет сорока восьми. Его редеющие и седеющие волосы были зачесаны назад и вились над высоким лбом. Однако прежде всего вы замечали его большие глаза и широкие ноздри. Благодаря им худое лицо казалось одухотворенным.

Разумеется, то был полковник Чарльз Роуэн. Он был в форме, хотя и без сабли и портупей. Алый мундир украшали тяжелые золотые эполеты, темно-желтые обшлага и серебряные галуны 52-го пехотного полка. На ногах — белые лосины. В левой руке полковник держал сигару, в правой у него были белые перчатки, которыми он похлопывал по ручке кресла.

Чевиот посмотрел на второго человека за столом.

Мистер Ричард Мейн также курил сигару. Несмотря на молодость — тридцать с небольшим лет, — он уже являлся известным барристером, то есть адвокатом, имеющим право выступать в высших судах. С первого взгляда казалось, будто лицо у него совершенно круглое; впечатление усиливали блестящие черные волосы и лоснящиеся бакенбарды, которые почти охватывали лицо, словно заключив его в раму — до их полного срастания на подбородке

оставался дюйм-другой. Из такого вот подобия рамки на вошедшего смотрели блестящие черные глаза, острые и пронизательные, далее шел длинный нос и широкий рот.

Платье мистера Мейна, если не считать выделки, напоминало костюм самого Чевииота. На барристере был темный сюртук, узкий в талии, но длиннополый и свободно спадающий почти до колен. Высокий воротничок поднимался над белым шейным платком. Панталоны из коричневого бархата со штрипками были такими же, как у Чевииота.

«Спокойно! — приказал себе Чевииот. — Я совершенно спокоен».

Однако у него почему-то запершило в горле.

— Господа, — произнес он, кланяясь, — я... кхм... должен извиниться за опоздание.

Мужчины встали и поклонились в ответ. Оба выкинули сигары в фарфоровую плевательницу у стола.

— Не стоит извинений, — улыбнулся полковник Роуэн. — Что касается меня, я был очень рад, когда вы подали заявку. Насколько мне известно, вы впервые в Скотленд-Ярде?

Чевииот запнулся и неопределенно взмахнул шляпой.

— Да, да. Прошу садиться — туда, на тот стул. Обсудим, подходите ли вы нам.

Ричард Мейн, севший было, снова вскочил. Выражение круглого лица, обрамленного черными волосами и бакенбардами, вовсе не было недружелюбным, однако демонстрировало неприкрытое недоверие.

— Роуэн, — произнес Мейн низким голосом с легким ирландским акцентом, — мне все это не по душе. Простите меня, мистер Чевииот. — Он сдвинул черные брови и снова повернулся к полковнику: — Но он слишком уж явный джентльмен. Боюсь, это нам не подойдет!

— А я не уверен, — задумчиво возразил полковник.

— Не уверены? Черт побери, да вы идете против приказа самого Пиля! Костяк полиции должны составлять бывшие армейские рядовые, которыми командуют офицеры запаса. Офицеры запаса! Пиль ясно сказал: джентльмены ему ни к чему. — Мистер Мейн закатил глаза, вспоминая. — «Сержант гвардии, получающий двести фунтов в год, — процитировал он, — больше подходит для моих целей, чем капитан, отмеченный многими наградами; он будет служить

либо бесплатно, либо в том случае, если я положу ему жалованье тысячу в год». Что вы на это скажете?

Из-за высокого и тесного черного галстука полковнику Роуэну трудно было вертеть головой; он медленно повернулся к Мейну.

— После первого же смотра, — сказал он, — мы вынуждены были уволить пятерых полицейских за то, что они явились на дежурство пьяными. Я уже не говорю о тех девяти, которых уволили за их жалобы на «удлиненный рабочий день»!

— Пьянство? — усмехнулся молодой адвокат. — Перестаньте! Чего еще можно ожидать от них?

Еще раз вежливо поклонившись, полковник Роуэн направился в дальний угол комнаты. Там он обменялся несколькими словами с человеком, сидевшим за конторкой, и тот (Чевиот не очень хорошо его видел) передал полковнику длинный лист бумаги. Полковник Роуэн вернулся к столу.

— Итак, сэр. — Он внимательно посмотрел на Чевиота. — Вот ваш послужной список!

Он сел. Мейн и Чевиот тоже сели; последний все вертел в руках шляпу. Руки у него сделались ватными.

Под взглядом светло-голубых кротких глаз полковника Роуэна он вдруг почувствовал себя очень маленьким. Он вспомнил, как в тумане, портрет полковника с пятью медалями на мундире. Этот человек участвовал во всех крупнейших битвах Иберийской войны, а в битве при Ватерлоо командовал флангом.

— Насколько я понял, — продолжал полковник, проглядывая записи, — вы участвовали в последних сражениях?

Конечно, он имел в виду наполеоновские сражения.

— Да, сэр.

— Ваше звание?

— Капитан.

Ричард Мейн что-то проворчал.

— Да, — невозмутимо продолжал полковник Роуэн. — Насколько я понимаю, в 43-м пехотном полку. — Потом он заговорил о Чевиоте в третьем лице, как будто того рядом не было. — «Награжден за...» Не станем его смущать.

Чевиот промолчал.

— «Живет, — продолжал полковник Роуэн, — в меблированных комнатах „Олбани“ на Пикадилли. Располагает собственными средствами; эти сведения любезно предоставили его банкиры из конторы Гроллера с Ломбард-стрит. Вращается в... светском обществе. Отличный стрелок, борец и фехтовальщик...» — Полковник окинул одобрительным взглядом широкие плечи Чевиота и посмотрел на мистера Мейна. — «Личные связи...» Хм! Это нас не касается.

В прокуренной, дымной комнате раздался звонкий голос Чевиота:

— Если не возражаете, сэр, мне бы хотелось узнать, что вы накопили о моей личной жизни.

— Настаиваете?

— Прошу.

— «Временами любит предаваться азартным играм, — прочитал полковник Роуэн, — однако потом месяцами не притрагивается к картам или костям. Не является членом общества трезвости, но и пьяным его никто не видел. Общеизвестна его дружба с леди Дрейтон...»

Мистер Мейн громко хмыкнул.

— Повторяю, это нас не касается. Полковник бросил лист на стол.

Выйдя из ступора, вызванного шоком, Чевиот впал в другую крайность. Он ощутил необычайные веселость, легкость и беззаботность. Гори все огнем! Он готов следовать своей мечте.

Не успел он сделать это заключение, как прозвучал красивый, низкий голос мистера Мейна:

— Послушайте, мистер Чевиот! — Адвокат так резко подался к нему, что Чевиот испугался, как бы лампа не опалила пышные бакенбарды. — С вашего разрешения, я спрошу вас о том, о чем собирался спросить Роуэн.

Мейн встал, сунув руки под сюртук и поигрывая фалдами. Под сюртуком оказался бархатный жилет, в котором узоры черного цвета преобладали над зелеными; на животе посверкивала золотая цепочка для часов, с которой свисала связка печаток.

— Сэр, — продолжал адвокат, — вы просите назначить вас суперинтендентом нашего Центрального отделения, именуемого также Отделением внутренних дел. Насколько нам известно, вы — человек обеспеченный. Ваше жалованье здесь будет составлять всего двести фунтов в год. Вам придется дежурить по двенадцать часов в день.

Ваша работа будет трудной, опасной, даже кровавой. Мистер Чевииот, зачем вам все это?

Чевииот вскочил.

— Затем, — парировал он, — что в обязанности полиции входит не только подавление мятежей или растаскивание пьяных драчунов. Вы согласны со мной?

— Допустим...

— В обязанности полиции входит также раскрывать преступления. Грабежи, кражи со взломом, даже убийства! — Последнее слово Чевииот произнес особенно веско.

Мейн нахмурился и оставил в покое фалды. Полковник Роуэн молчал.

— По-моему, подобными преступлениями, — продолжал Чевииот, — сейчас занимаются сыщики. Но сыщики продажны. Их может нанять любой гражданин; или правительство назначает награду в соответствии с уровнем преступления. Ах да! Уголовный полицейский суд на Боу-стрит всегда может отыскать подходящего кандидата на виселицу. Однако часто ли вы вешаете того, кого следует?

Полковник Роуэн перебил его необычно резко.

— Редко, — заявил он. — Чертовски редко! Дайте срок, — продолжал он, — лет двенадцать или более того, и мы покончим с сыщиками. Мы создадим собственные силы, которые будут называться «уголовной полицией».

— Отлично! — звонко ответил Чевииот. — Так почему бы мне, в дополнение к моим обычным обязанностям, не стать первым сотрудником вашей уголовной полиции? И приступить к службе немедленно!

Ответом ему было молчание.

Вид у полковника Роуэна был обескураженный и даже недовольный. Однако Чевииота неожиданно поддержал мистер Ричард Мейн.

— Да, почему бы нет?! — с жаром воскликнул он. — Мы живем в новый век, Роуэн! В век паровых машин, железных дорог, ткацких станков!

— А следовательно, — возразил полковник, — в век все большего обнищания. Призывы к реформе избирательной системы повлекут за

собой бунты; помните об этом. Если мы к следующему году сумеем набрать семнадцать дивизий, нам понадобятся все люди до единого. Вы забегаете вперед, Мейн.

— Неужели? Сомневаюсь! Разумеется, при условии, что мистер Чевиот справится со своей работой. Сэр, с чего вы взяли, будто справитесь?

— Если позволите, я сейчас вам докажу, — с поклоном отвечал Чевиот.

— Докажете? Но как? Чевиот быстро огляделся.

Лампа в кроваво-красной стеклянной колбе отбрасывала тусклые, жутковатые отблески. На стенах поблескивали сабли, пистолеты, мушкетеры, металлические значки — знаки отличия. Напротив, рядом с беломраморным камином, красовалось чучело медведя, изъеденное молью; медведь стоял на задних лапах, выставив когти и, казалось, внимательно прислушивался. Одного глаза у него не было.

— Сэр, — сказал Чевиот, поворачиваясь к полковнику Роуэну и обводя комнату рукой, — найдется ли среди ваших трофеев заряженный пистолет?

— Заряженный пистолет у меня всегда при себе, — серьезно ответил полковник.

Он выдвинул ящик письменного стола и извлек оттуда пистолет средних размеров и среднего калибра. Чевиот с удовольствием отметил, что рукоятка украшена серебряной пластиной, на которой выгравированы инициалы полковника.

С тем же серьезным видом полковник Роуэн поставил оружие на предохранитель и протянул оружие Чевиоту:

— Подойдет?

— Замечательно! С вашего позволения, сэр, я произведу один опыт. А вы, господа, будете свидетелями. Погодите! — Чевиот оглянулся на фигуру за конторкой. — Вас здесь трое. Трое свидетелей осложнят мне задачу.

Полковник Роуэн повернул шею.

— Мистер Хенли! — позвал он.

Послышались глухой стук и звяканье незаправленной лампы; кто-то неуклюже вылезал из-за конторки. Скоро из тени вышел низкорослый, приземистый человечек лет пятидесяти с лишком.

Он прихрамывал на правую ногу вследствие раны, полученной при Ватерлоо, и опирался на тонкую трость черного дерева. У него были живые карие глаза, чуть приплюснутый нос и веселый полный рот. Плешь на затылке окружал густой венчик рыжеватых волос; бакенбарды также были рыжеватыми.

В человеке с такой внешностью нетрудно угадать дамского угодника, неугомонного весельчака, любителя вкусно поесть и выпить. Подобное мнение складывалось, невзирая на черный костюм и важный вид, какой человек напустил на себя, приблизившись к полковнику Роуэну.

— Позвольте представить вам мистера Алана Хенли, нашего старшего клерка.

— Ваш покорный слуга, сэр, — пропел мистер Хенли несколько самодовольно хорошо поставленным голосом, в котором, однако, угадывался намек на то, что его обладатель не происходил из привилегированных слоев.

Чевиоту он адресовал отдельную улыбку, которую не видел полковник Роуэн. Прислонив трость к столу, он напустил на себя сосредоточенный вид и оперся о столешницу обеими руками.

— Но послушайте! — не выдержал мистер Мейн. — Что еще за опыты такие?! Что он намерен делать?

— Наблюдайте, — ответил Чевиот, полируя пистолет извлеченным из кармана пестрым шелковым носовым платком необъятных размеров — так, словно единственной его целью было придать стволу больше блеска. Осторожно, двумя пальцами взяв пистолет за кончик ствола и рукоятку, Чевиот положил оружие на стол, под лампу. — Там, в коридоре, — сказал он, засовывая платок в карман, — дежурит констебль. Сейчас я туда выйду. Попросите констебля чем-нибудь занять меня; в общем, сделайте так, чтобы я не видел, что здесь происходит.

— Так... так... и что?!

— Закройте дверь, запирайте ее на замок. Затем пусть один из вас, господа, возьмет пистолет и выстрелит с любого расстояния в... скажем, вон в то чучело медведя у камина.

Все развернулись и посмотрели на бурого медведя, который злобно косился на них одним глазом.

— Затем, — продолжал Чевииот, — подайте мне знак, что можно возвращаться. И я скажу, кто из вас стрелял, с какого расстояния и что этот человек делал до и после выстрела. Вот и все.

— Все?! — повторил Ричард Мейн, выйдя из оцепенения.

— Да, мистер Мейн.

Адвокат что было сил грохнул кулаком по столу.

— Приятель, да вы безумец! — почти прокричал он. — То, что вы предлагаете, невозможно!

— А все-таки я попробую!

— Бедный старый Том, — не без грусти произнес полковник Роуэн и посмотрел на бурого медведя. — Я подстрелил его в Испании много лет назад. Еще одна пуля ему не повредит... Однако, — воскликнул полковник, — наш гость без труда сумеет определить, с какого расстояния произведен выстрел — по следам пороха.

Чевииоту показалось, что у него переворачивается сердце. Неужели эти люди?...

Его ужас, видимо, разделяли и старший клерк, и адвокат. Мистер Алан Хенли закинул назад крупную лысеющую голову и вытаращил глаза. По его виску медленно скатилась капля пота.

— С-сэр... — начал он.

— Полно, Хенли, вы ведь бывали на войне! Неужели вы никогда не видели, как получают раны?

— Нет, сэр. Сдается мне... — Мистер Хенли закашлялся и тут же поправился: — Едва ли я видел.

— Если выстрел производится с близкого расстояния, на мундире остаются черные следы. Даже если стрелять с десяти — двенадцати футов, а заряд большой, остаются слабые следы. В другом же, мистер Чевииот... простите, но я нахожу ваше предложение невероятным.

— Невероятным?! — возмутился мистер Мейн. — Да это попросту невозможно! — Он посмотрел на Чевииота: — А давайте побьемся об заклад. Ставлю за то, что у вас ничего не выйдет!

— Мистер Мейн, я... — Чевииот замолчал. К горлу подступил ком; ему стало не по себе. Он замыслил ловкий трюк, притом трюк довольно дешевый. Замечательно представлять, как ты одурачишь невежественных людей своими познаниями. Но когда доходит до дела, вдруг сталкиваешься с некоей непреодолимой преградой...

— Пять фунтов! — гнул свое адвокат, извлекая из кармана банкнот. — Поспорим на пять фунтов?

— Мистер Мейн, я не могу взять ваши деньги. Я совершенно уверен в успехе. Видите ли...

Тук-тук-тук. Тук-тук-тук. Тук-тук-тук.

Кто-то громко постучал в дверь — только и всего. Но стук стал сигналом для присутствующих, до них вдруг дошло, насколько они взволнованы. Мейн буквально подскочил на месте. Даже невозмутимый полковник Роуэн дернул подбородком.

— Да, да, что такое? — крикнул он.

Дверь открылась; на пороге появился констебль. В зловещем красном свете он казался огромным. Встав по стойке «смирно», констебль отдал честь. Затем строевым шагом подошел к полковнику Роуэну, держа в вытянутой руке лист бумаги, сложенный вчетверо. Бумага была запечатана крупным желтым восковым гербом.

— Вам письмо, сэр. Персональное, лично в руки.

— Спасибо.

Краснолицый констебль чопорно прошагал назад и застыл у двери по стойке «смирно». Едва взглянув на письмо, полковник Роуэн резко вскинул голову:

— Биллингс!

— Да, сэр?

— Письмо вскрывали. Печать поддета снизу.

— Так точно, сэр! — тут же прохрипел Биллингс. — Думаю, это леди, сэр.

— Леди? Какая леди?

— Та самая, сэр, чья карета стоит прямо под окнами. Рыжеволосая и красивая, как картинка.

— Ага, — прошептал полковник Роуэн и посмотрел на Чевиота.

— С вашего позволения, сэр! — Биллингс снова отдал честь. — Я слышал, как подъехала лошадь. Решил, кто-то из патрульных. Отпер дверь на улицу — что такое? Лакей в ливрее на лошади. На лошади! — добавил он с гримасой отвращения. — В прежние времена, сэр, нас заставляли ножками бегать — и мы, сэр, носились стрелой.

— Биллингс!

— Извините, сэр. В общем, так. Дама высовывается из окошка. Лакей смотрит на нее с самой умильной рожей. Что она ему сказала, я

не слышал; только потом он протянул ей письмо. Вскоре она его вернула. Лакей подлетел ко мне, отдал письмо и ускакал, не дожидаясь ответа. А больше, сэр, я ничего не знаю.

«Только этого не хватало! — подумал Чевит. — Какое отношение имеет Флора ко всему происходящему? И вообще к чему-либо, связанному с полицией?»

Вслух он ничего не сказал. Как только за Биллингсом закрылась дверь, полковник Роуэн молча вскрыл письмо и прочел его. Лицо его помрачнело. Он передал письмо мистеру Мейну.

— Очень жаль, мистер Чевит, — произнес полковник, — но придется отложить ваш опыт с пистолетом. Произошло событие чрезвычайной важности. Кто-то снова украл у леди Корк птичий корм.

Пауза.

Последние слова были настолько нелепыми, настолько неожиданными, что в первую секунду Чевит даже не рассмеялся. Ему показалось, что он чего-то не расслышал.

— Птичий корм? — повторил он.

— Птичий корм! — взволнованно повторил мистер Мейн. Вдруг глаза его зажглись вдохновенным светом, и он ударил по письму. — Ей-богу, Роуэн! Раз наш друг Чевит мнит себя настоящим сыщиком, вот прекрасная возможность его проверить! Мне, разумеется, любопытно было бы узнать, правда ли то, что он утверждал насчет пистолета. Но пока — вот ему проба.

— Честно говоря, — заметил полковник, — мне в голову пришла та же мысль.

На Чевита устремились две пары глаз. Он медленно наклонился.

— Насколько я понимаю, — вежливо отозвался он, — вы хотите, чтобы именно я расследовал сие ужасное преступление?

— Мистер Чевит, неужели вы находите дело настолько забавным?

— Откровенно говоря, да, полковник. Впрочем, мне случалось выполнять и более бессмысленные задания.

— Вот как! — Полковник глубоко вздохнул. — Вот как! — Выждав немного, он продолжил: — Вы знакомы с леди Корк? Или, если именовать ее полным титулом, с графиней Корк и Оррери?

— Нет, сэр.

— Леди Корк — хозяйка одного из светских салонов. В качестве домашних любимцев она держит множество певчих птиц. Всем известен также ее говорящий попугай ара; он клюется и курит сигары. Второй раз за неделю кто-то украл птичий корм из нескольких клеток. Кроме птичьего корма, ничего не пропало. Но леди Корк ужасно разгневана.

Полковник Роуэн, человек сдержанный, помолчав, проговорил:

— Мы... столичная полиция... являемся новым учреждением. Не нужно вам говорить, как всякий сброд ненавидит и боится нас. Если мы хотим добиться успеха, то должны завоевать доверие знати. Сам герцог, будучи премьер-министром, готов снизить до нас и помочь нам. А вы, мистер Чевииот?

— Да, — ответил Чевииот, опуская глаза. — Понимаю. И прошу прощения.

— Не за что. Но действовать нужно немедленно. Сегодня леди Корк дает бал для молодежи. Поскольку вы джентльмен, ваше присутствие не вызовет толков. Теперь вы понимаете его преимущество, Мейн?

— Помилуйте, Роуэн, только не утверждайте, будто я против! — воскликнул адвокат.

— Пожалуй, лучше будет, если мистер Хенли черкнет для вас пару строчек и мы с Мейном подпишемся — дабы подтвердить ваши полномочия. Хенли!

Старший клерк уже ковылял к своей конторке. Масло под стеклянным колпаком горело желтовато-синеватым пламенем. Мистер Хенли взялся чинить перо.

— По-моему, лучше, если с вами пойдет Хенли — вдруг вам понадобится записать чьи-либо показания. Нужно заказать лошадей. Погодите! — Полковник Роуэн как будто смутился. — Верно ли я понял, что карета, стоящая на улице, принадлежит леди Дрейтон?

В комнате стояла тишина, так что было слышно, как старший клерк царапает пером по бумаге.

— Вы правы, — кивнул Чевииот. — Позвольте узнать, где живет леди Корк?

— Нью-Берлингтон-стрит, дом номер шесть... Сюда вы ехали вместе с леди Дрейтон?

— Да.

— Ага! Несомненно, у нее есть приглашение на бал; возможно, вы захотите отправиться туда в ее карете?

— С вашего позволения, сэра.

— Разумеется, разумеется! — Полковник Роуэн отвел глаза. — Что же касается вскрытого письма... оставляю дело на ваше усмотрение. Хенли!

Старший клерк приковылял к столу; на половинке листа писчей бумаги красивым и аккуратным почерком были начертаны четыре строчки. Записку он положил на стол вместе с пером и чернильницей. Мейн и полковник Роуэн торопливо поставили свои подписи. Мистер Хенли посыпал записку песком, свернул ее и передал Чевииоту.

— Поторопитесь, — посоветовал полковник Роуэн, — однако не слишком спешите. Хенли должен опередить вас — он поскачет верхом, чтобы все объяснить. И еще одно!

Джон Чевииот ощутил необъяснимый холодок в сердце. Большие глаза полковника Роуэна и его худое лицо были исполнены спокойной, но непреклонной властности.

— Возможно, происшествие кажется вам пустячным. Однако я повторяю: кража корма — дело чрезвычайной важности. Не подведите нас, мистер Чевииот! Вы постараетесь?

— Постараюсь, — ответил Чевииот, — разгадать тайну пропавшего птичьего корма.

Он шуточно поклонился, прижав шляпу к груди. Последнее, что он успел заметить, — тускло и зловеще блеснувший ствол пистолета на столе под лампой. Чевииот бодро вышел из комнаты. Он и представить себе не мог, что его ждет самое ужасное приключение, которое не могло бы пригрезиться в самом кошмарном сне.

Глава 3

Празднество в газовом свете

До них доносилось пение целой дюжины скрипок, сопровождаемое арфой; быстрая танцевальная мелодия то становилась громче, то затихала. Открытые газовые рожки в плоских стеклянных плафонах подпрыгивали и раскачивались в такт музыки.

Когда карета Флоры Дрейтон завернула на Нью-Берлингтон-стрит — очень короткий и довольно узкий тупичок слева от Риджент-стрит, — музыка была всюду слышна.

Номер шесть по Нью-Берлингтон-стрит представлял собой большой двухподъездный особняк из темно-красного кирпича, с выцветшими белесыми колоннами по обе стороны от парадной двери. На фоне красной стены выделялись белые оконные переплеты. Входная дверь, как ни странно, была закрыта. Однако, несмотря на облако белесого тумана, они увидели, что в доме настоящая иллюминация. Желто-синий газовый свет пробивался из-за плотных штор с кистями, которые были опущены лишь до половины.

Пары то приближались к окнам, то отступали. В окнах второго этажа маячили тени танцующих: появлялись, увеличивались в размерах, а потом расплывались и постепенно таяли.

— Тпру-у! — крикнул кучер норовистым лошадам, на которых скрипела тяжелая сбруя. Копыта цокнули и остановились.

— Флора!

— Что?

— Музыка... Что они танцуют?

— Джек, что с тобой? Это всего лишь кадрили!

Чевиоту показалось, что гости леди Корк исполняют старомодный народный танец — в сущности, так оно и было. Танец был таким быстрым, что он, пожалуй, не решился бы присоединиться к танцующим.

Флора сидела, прижав руки к груди; за короткую поездку ей пришлось слишком много пережить. Она его любит! Глядя на его светло-серые глаза, высокий лоб, обрамленный густыми темно-

каштановыми волосами, на резкие складки у рта, она вдруг со всей ясностью поняла, как глубоко и страстно его любит.

Флора не считала себя собственницей. Она вела себя умно и не тревожила любимого в те минуты, когда он бывал задумчив. Она знала: скоро его, как обычно, начнет мучить совесть; затем затопит волна нежности, покорившая ее с самого начала. Но зачем он смеется и дразнит ее? Зачем притворяется глупцом? Как странно — и как страшно!

А что же сам Чевиот?

С тех пор как он покинул дом номер четыре по Уайтхолл-Плейс и сел в карету с позолоченными колесами, он все гадал, что же сказать даме. Всю дорогу до Нью-Берлингтон-стрит Чевиот вспоминал их разговор у Скотленд-Ярда.

Кучер в красной ливрее спрыгнул на землю и распахнул дверцу. Чевиот немного постоял на подножке с цилиндром в руке. Флора откинулась на винно-красные подушки; она учащенно дышала, но не смотрела на него. На ней не было шляпы. Видимо, ее пышная золотая корона не требовала головного убора. На плечах ее лежала красная кашемировая шаль. Руки, теперь до локтей затянутые в белые перчатки, покоились в большой меховой муфте, желто-бело-полосатой, в тон с платьем.

— Ну что? — тихо спросила Флора, все еще не поднимая глаз. — Ты получил свой гнусный и мерзкий пост, о котором так долго и неприлично мечтал?

— Мерзкий?! — воскликнул Чевиот, по-прежнему стоя на ступеньке.

Флора потрянула головой.

— Скажешь, нет?

— Если я получу назначение, то буду командовать четырьмя инспекторами и шестнадцатью сержантами, каждый из которых, в свою очередь, командует девятью констеблями!

— Что значит «если получишь назначение»?! — Флора наконец соизволила посмотреть на него. — Значит, ты его еще не получил?

— Пока нет. Сначала я должен пройти испытание. Флора, тебя не очень затруднит, если мы поедем к леди Корк? Я... полагаю, у тебя есть приглашение?

Интересно, вскрывала она письмо или нет?

Как правило, Чевиот считал себя неплохим знатоком человеческих характеров.

Однако все существо Флоры, ее псевдоневинный рот и псевдоневинные глаза, сейчас широко раскрытые, смущали его чувства и мешали здраво мыслить. Кроме того, какое имеет значение, вскрывала она письмо или нет? Румянец, которым она залилась, снова опустив глаза, был живым и неподдельным.

— Я еще не настолько низко пала, — очень тихо ответила Флора, — чтобы для меня закрылись двери приличных домов. Да! Мне прислали приглашение — и для тебя тоже. — Она извлекла из муфты две карточки с гравировкой, квадратные и слишком большие и вычурные на его консервативный вкус. Затем снова убрала их. — Но ты поклялся, что не пойдешь, — укоризненно прошептала она, — потому что питаешь отвращение к «синим чулкам». Я тоже от них не в восторге. А леди Корк, небо свидетель, самый синий чулок из всех! Джек! Прошу тебя, садись.

— Мистер Чевиот! — позвал чей-то низкий голос сзади. Флора отпрянула. Чевиот круто обернулся.

На норовистой, глазастой черной лошади сидел мистер Хенли, старший клерк. Он ловко держался в седле и благодаря короткому торсу походил на кентавра. Поводья он небрежно зажал двумя пальцами левой руки. Лоснящийся цилиндр был лихо сдвинут набок.

Лошадь перебирала ногами. Мистер Хенли натянул удила. Видимо, он был привычен к таким поездкам, так как в правой руке держал толстую узловатую палку, а также тонкий шагреновый бювар с письменными принадлежностями.

Он поклонился Чевиоту.

— Я еду, — заявил он. — Но прежде... позвольте словечко на ухо, сэр.

Его карие глаза, обычно весело горящие на широком, полном лице, стали очень серьезными после того, как он посмотрел направо и налево в туман.

— Будьте очень осторожны, разговаривая с леди Корк. Да! И с мисс Маргарет Ренфру тоже... Если, разумеется, вам придется с ней разговаривать.

«Неужели требуется столько мер предосторожности из-за украденного птичьего корма?» — изумился про себя Чевиот.

Однако было ясно, что старший клерк не дурак. Услужливый по природе, мистер Хенли приложил два пальца к цилиндру. Черная лошадь поскакала прочь, разбрызгивая грязь. Возле Адмиралтейства, которое мрачно высилось на другой стороне улицы и в тумане выглядело незнакомым, она пустилась в галоп и затем свернула в сторону Уайтхолла.

— Джек! Влезай же! — тихо взмолилась Флора и, обратившись к бесстрастному кучеру в красной ливрее, приказала: — Роберт, будьте добры, к леди Корк.

Чевиот сел в карету. Дверца закрылась. Карета неуклюже загрохотала по булыжникам.

Значит, ей даже известно его уменьшительное имя. В прежнее время все знакомые, по крайней мере в Скотленд-Ярде, звали его Джеком. Но все выглядело настолько невероятным, что...

— Репутация, — тихо произнесла Флора, словно говоря самой себе. — Как будто она имеет какое-то значение! Да я ее ни в грош не ставлю! Милый...

И она снова очутилась в его объятиях, и все мысли улетучились под действием сладкого яда.

Однако в мозгу Флоры мысли бушевали почти такие же осязаемые, как запах ее духов. Она отдернула голову.

— Джек, кто был тот человек с бюваром?

— Его фамилия Хенли. Он старший клерк в комиссариате полиции.

— Маргарет Ренфру... — начала Флора.

— Да?

— Ты незнаком с леди Корк, — продолжала она. — Я совершенно уверена в том, что ты незнаком с леди Корк. Но Маргарет Ренфру ты, скорее всего, знаешь. Знаешь или нет?

— Флора, я...

— Ты ведь ее знаешь, да?

Внезапно, к собственному изумлению, Чевиот понял, что сжимает в объятиях тигрицу. Нежную, но тем не менее тигрицу. Она извивалась и вырывалась с изумившей его силой.

— Дорогая! — Он не столько рассердился, сколько был ошеломлен. — Дорогая! — повторил он.

Вдруг Флора сникла. Чевиот понял: она вот-вот расплчется.

— Послушай меня, дорогая, — ласково произнес он. — Я в жизни не слышал имени той женщины, пока о ней не упомянул Хенли. Возможно, вскоре я и расскажу тебе, кто я и что со мной происходит. Я могу рассказать, где я некоторым образом впервые тебя увидел и почему твой образ так долго преследовал меня.

Он не увидел, а скорее почувствовал, как ее глаза, обрамленные длинными ресницами, изумленно уставились на него.

— Но сейчас я тебе ничего не скажу. Я не стану тебя пугать; я ни за что на свете не захотел бы испугать тебя. А пока вот что. Мне велено раскрыть совершенно идиотское преступление в незнакомом месте, среди незнакомых людей. И мне нужна твоя помощь.

— Милый, разумеется, я тебе помогу! В чем дело? Чевиот объяснил суть своего задания.

— Да, все очень глупо! — сказал он, хотя Флора вовсе не считала происшествие глупым, раз оно касалось его. — Но я понимаю, почему для них так важно раскрыть дело. Даже тип, которого называют «герцог», кем бы он ни был, считает, что...

Стоп!

Чевиот замолчал как раз вовремя: завеса в мозгу приоткрылась и показала ему зияющую пропасть.

Как он мог забыть? «Герцогом» именовали премьер-министра, герцога Веллингтона. Несмотря на почтенный возраст — герцогу минуло шестьдесят лет, — ему хватило задора, чтобы в марте драться на дуэли с лордом Уинчилси.

(«Ну же, Хардинг, — сказал он своему секунданту, — смотрите в оба, да получше отмерьте расстояние. У меня нет времени, черт побери! Да не ставьте его рядом со сточной канавой. Если я в него попаду, он в нее свалится».)

Ворчливый голос, казалось, эхом отдается в ночи. Герцог, седовласый и носатый ворчун, в двадцатом веке был сердцем музея Апсли-Хаус. Он как будто вынырнул из небытия, таща за собой весь свой век, пока карета, скрипя и кренясь, ехала к дому леди Корк. Сэр Джордж Мюррей возглавлял министерство колоний; лорд Абердин являлся министром иностранных дел. И самое главное, министром внутренних дел был мистер Роберт Пиль.

Флора не заметила оплошности; как и всякая женщина, она пришла в восторг, услышав намек на какую-то тайну.

— Но почему?... — упорствовала она.

— Почему птичий корм? Не могу сказать. Больше ничего не украдено. Ты хорошо знакома с леди Корк?

— Очень хорошо. Слишком хорошо!

— Хм... Не является ли она... Как бы лучше выразиться? Нет ли у нее каких-либо эксцентричных привычек?

— Она не хуже многих. Она, конечно, очень стара; должно быть, ей давно перевалило за восемьдесят. И у нее свои причуды. Леди Корк будет в сотый раз рассказывать тебе, что говорил ей доктор Джонсон, когда она была девочкой, и что она ему ответила. Расскажет, как бедный Босуэлл напился пьяным с лордом Грэмом и, шатаясь, завалился на вечер, который устраивала ее мать, и отпускал самые неприличные замечания о дамах; а потом ему было так стыдно, что он посвятил ей целый сборник покаянных стихов. Она до сих пор хранит их в шкатулке сандалового дерева.

— Правда, правда! — воскликнул Чевиот, живо вспомнивший книгу Босуэлла. — Значит, в девичестве леди Корк звали мисс Мария Монктон?

— Да... Джек!

— Что, дорогая?

— Зачем ты притворялся, будто в жизни о ней не слыхал, ведь тебе известно ее имя? И ты стал таким нервным и напряженным, как будто... как будто ты отправляешься на казнь.

— Извини, Флора. Скажи, леди Корк держит в доме крупные суммы денег?

Флора отпрянула:

— Господи помилуй, нет! Да и зачем?

— У нее есть драгоценности?

— По-моему, есть немного. Но они хранятся в большой железной шкатулке в ее будуаре — розовом будуаре; и ключ от шкатулки только у нее одной. Но при чем здесь?...

— погоди, погоди! Дай подумать! Ты знаешь ее горничную?

— Джек, перестань! С какой стати мне знать горничных моих знакомых?

Взгляд Чевиота оставался настолько требовательным, он так барабанил пальцами по колену, что Флора уступила.

— Правда, — сказала она, вскинув круглый подбородок, — я немного знакома с Соланж... Ну да, с ее горничной! Соланж часто ставит меня в неловкое положение, но она меня определенно обожает.

— Отлично, отлично! Она может нам пригодиться. И наконец, есть ли у леди Корк родственники? Дети? Племянники, племянницы? Близкие друзья?

— Ее муж, — отвечала Флора, — скончался более тридцати лет назад. Дети выросли и умерли. — Вдруг Флора порывисто схватила его за руку. — Не смейся над ней! — тихо попросила она. — Я знаю, другие хозяйки модных салонов высмеивают ее громкий голос и старомодные замашки. Но у кого еще хватит доброты устраивать бал для молодежи, когда сама она предпочитает чаепитие и тихую беседу о книгах? Молодые гости только бьют ее фарфор, пачкают ковры и царапают мебель. Не смейся над ней, Джек, прошу тебя, не надо.

— Обещаю, что не буду, Флора...

Во время поездки он часто бросал пытливые взгляды в окно кареты. Они уже некоторое время ехали в гору; дорога стала как будто шире и была лучше вымощена. Чевииот отодвинулся от Флоры, с громким стуком опустил правое окошко и высунул голову наружу. Но тут же влез обратно и обнял Флору за плечи.

— Послушай! — сказал он с напускной беззаботностью. — Я знаю, еще не существует ни Трафальгарской площади, ни колонны Нельсона, ни Национальной галереи. Но скажи на милость, где мы сейчас? Что это?

— Милый! Всего-навсего Риджент-стрит!

— Риджент-стрит. — Чевииот прижал ладони ко лбу и рассеянно продолжал: — Ах да. Значит, ее... уже проложили?

Карета круто повернула налево, на Нью-Берлингтон-стрит, и Чевииот увидел газовый свет, струящийся из окон, лишь наполовину закрытых шторами.

Он услышал пиликанье скрипок, надрывающихся в быстром танце. Спросил, что за танец исполняют гости. Флора сжалась в комок и забила в угол. А когда карета остановилась, Чевииот беззвучно выругался.

Прежде всего он должен следить за тем, что и как говорит. Но близость Флоры была настолько привычна и даже в некотором смысле

настолько уместна и правильна (интересно, почему?), что в ее присутствии он не трудился задумываться. Без нее он пропал.

— Флора, послушай, — проговорил Чевиот, переведа дух. — Я обещал не пугать тебя. Кажется, больше я ничего не сделал. — Тут в голосе Чевиота проступили вся его искренность и вся серьезность, на которые он только был способен. — Но все дело в том, что ты пока ничего не понимаешь. Когда я объясню то, что должен объяснить, ты поймешь меня и, уверен, посочувствуешь мне. А пока, дорогая моя, ты можешь меня простить? Можешь?

Флора смотрела на него, и выражение ее лица изменилось. Она нерешительно потянулась к нему. Он схватил ее, страстно поцеловал в губы... Над ними плясали и исчезали тени танцующих.

— Ты простишь меня? — снова спросил он. — Простишь?

— П-простить? — изумленно переспросила Флора. — Джек, но за что? Не мучай меня. Пожалуйста! Я этого не вынесу.

Не разглядев, а скорее угадав в темноте фигуру терпеливого кучера, готового распахнуть дверцу, Чевиот отпустил ее.

Флора поправила прическу, одернула платье, как будто находилась в карете одна. Однако щеки у нее порозовели, веки опустились, когда Чевиот спрыгнул на землю и помог ей выйти из кареты. Флора сунула ему в руку два пригласительных билета.

— Ты не во фраке, — укоризненно прошептала она. — Но... ничего! Многие джентльмены столько пьют перед балом, что забывают переодеться.

— Значит, будет уместно изобразить легкую степень опьянения?

— Джек! — В ее голосе послышались новые нотки.

— Я только спросил.

На самом деле Чевиот удивлялся: неужели пьяные джентльмены способны отплясывать кадрили в таком темпе, не падая и не натываясь на других танцующих? Парадная дверь дома номер шесть по-прежнему была закрыта, несмотря на то что к ней по тротуару вела красная ковровая дорожка.

Однако их приезд не остался незамеченным. Когда они с Флорой поднялись на один лестничный пролет, дверь открыл лакей в оранжево-зеленой ливрее. И тут же им в уши ударил оглушительный шум.

Они вошли в довольно узкую прихожую, обшитую панелями, которые расписывал неизвестный подражатель Ватто или Буше; пол был натерт воском и отполирован до блеска. Справа уходила наверх красивая лестница, застеленная безобразным ковром.

Двери слева и справа вели в просторные залы, в которых по случаю званого вечера был накрыт ужин а-ля фуршет. От грохочущей музыки и топота танцующих пар сотрясался потолок, а газовые канделябры мелко подрагивали. Откуда-то, скорее всего из малой гостиной, где, по всей видимости, стояла чаша для пунша, слышался рев более дюжины мужских голосов, горланивших старинную песню:

Посваталась лягушка — Ух ты, вот это да!

— Ух! — воскликнули разом обладатели мощных глоток и бурно заплодировали самим себе. С шумом вылетела пробка. Кто-то разбил стакан.

Флора скинула на руки бесстрастного лакея кашемировую шаль; однако, к удивлению Чевииота, оставила при себе большую меховую муфту. Она начала было говорить: «Мы ужасно опоздали», но шум заглушил ее голос. Во всяком случае, Чевииот ее не услышал.

Чевииот вспомнил, что он полицейский. И приехал сюда не развлекаться. Не важно, какой сейчас век. Ему предстоит работа; он доведет дело до конца, хотя и должен приспособиться к чуждой манере говорить, иначе выдаст себя через десять минут.

Лакею Чевииот вручил цилиндр и пригласительные билеты.

— Я... — начал было он.

Вдруг шум затих. Скрипки и арфа, бравурно взыграв, смолкли, несмотря на крики протеста. Над головой слышалось шарканье многих ног. Певцы в малой гостиной тоже замолчали. Лишь несколько выкриков нарушили общий невнятный гул. В ноздри бил едкий запах светильного газа; от него было душно даже в роскошном вестибюле.

— Я приехал не совсем на бал, — сообщил Чевииот лакею. — Будьте добры, отведите меня к леди Корк.

Лакей в оранжево-зеленой ливрее смерил его слегка презрительным взглядом:

— Боюсь, сэр, ее светлость...

Чевииот, ожидавший увидеть множество птичьих клеток и не увидевший ни одной, круто развернулся на каблуках.

— Ведите меня к леди Корк! — приказал он.

Надо отдать ему справедливость — он не осознавал, какую силу и власть излучал, когда смотрел лакею в глаза. Лакей облизал пересохшие губы.

— Слушаюсь, сэр. Я доложу ее светлости...

Тут одновременно случились две вещи.

Из-под лестницы вышел Алан Хенли с толстой узловатой палкой в одной руке и бьюваром в другой. Там он прятался от посторонних глаз. А вниз по лестнице медленно сошла стройная женщина в белом платье.

— Все улажено, — произнесла она хриловатым контральто. — Добрый вечер, мистер Чевиот.

Флора не повернула головы; она поправляла перчатки, чтобы вынуть руки из муфты. На лице ее появилось выражение крайнего безразличия. Не шевеля губами, она прошептала так тихо, чтобы ее услышал только Чевиот:

— А вот и твоя драгоценная мисс Ренфру!

Глава 4

Женщина на лестнице

Да, Маргарет Ренфру была красива. Точнее, почти красива. Жгучая брюнетка с очень белой кожей. Взору Чевиота предстала одна из полдюжины дамских причесок, модных в этом сезоне. Густые блестящие локоны мисс Ренфру вились до ушей; посередине головы волосы разделял пробор. Кожа у дамы была изумительно белая; лишь на щеках проглядывал легкий румянец. Из-под прямых черных бровей смотрели живые темно-серые глаза. А если нос с широкими ноздрями и был чуть длинноват, то этот недостаток искупали безупречной формы подбородок и рот с темно-алыми блестящими губами.

Маргарет Ренфру изогнула губы в подобии улыбки. Она спускалась по лестнице с прямой спиной, держась рукой в белой перчатке за перила. Лиф ее белого платья, узкого в талии и с широкой юбкой, как у Флоры, был расшит ярко-красными розами.

Да, Маргарет Ренфру была почти красавицей; кроме того, в ней угадывалась сильная личность. Однако — Чевиот никак не мог понять, в чем тут дело, — было в ней что-то, внушавшее ужас или даже отвращение...

Дойдя до подножия лестницы, Маргарет Ренфру вновь заговорила:

— Ах, леди Дрейтон! — И она присела перед Флорой в глубоком книксене.

Даже Чевиот понял, что книксен слишком уж глубок. Преувеличенно, вызывающе глубок. Флора, обернувшись, холодно кивнула.

Вблизи оказалось, что платье на мисс Ренфру старое, заштопанное, хотя и старательно вычищенное. Однако держалась женщина вызывающе, как будто гордясь своей бедностью.

— Простите мою смелость, — обратилась она к Чевиоту, — но я представляюсь сама. Я видела вас в парке — вы катались верхом; я осведомлена о ваших достижениях, сэр. Я Маргарет Ренфру.

На сей раз книксен был настоящим. Живые глаза под прямыми черными бровями изучили Чевиота и составили о нем благоприятное

мнение. Но в следующую секунду они остекленели и сделались непроницаемыми.

Чевиот поклонился в ответ.

Слово «достижения» наполнило его душу ужасом. Он вспомнил фразу, прочитанную полковником Роуэном: «Отличный стрелок, борец и фехтовальщик».

В доказательство того, что он был лучшим стрелком из револьвера в лондонской полиции, у него имелся серебряный кубок. Однако еще неизвестно, как он обходится с гладкоствольным оружием, которое заряжается с дула и пули для которого редко отливаются по одному шаблону. О рукопашном бое Чевиот понятия не имел, за исключением нескольких приемов дзюдо. А что касается фехтования... вряд ли он способен отличить рапиру от сабли. Не важно, не важно!

— Ваш покорный слуга, мисс Ренфру. Я тоже имел удовольствие видеть вас, — солгал Чевиот, стараясь держаться как можно непринужденнее. — Насколько я понял, вы родственница леди Корк?

Маргарет Ренфру повысила голос.

— Родственница? Увы! Я всего лишь дочь одной из ее старых подруг. Меня можно назвать бедной родственницей, да и то с натяжкой, я живу щедротами ее милости, сэр.

— В качестве компаньонки, несомненно.

— Что такое «компаньонка»? — вдруг с чрезвычайным любопытством поинтересовалась мисс Ренфру. — Никогда не слышала такого слова! Вы непременно должны как-нибудь растолковать мне его.

Расшитый розами лиф платья то вздымался, то опадал. Будь она проклята! Почему она держится так странно? Почему у нее такой загадочный вид? Она явно демонстрирует ложное смирение; в ней угадывается смесь стыда и гордости. Мисс Ренфру отвела глаза и посмотрела на мистера Хенли.

— Этот... джентльмен, — она тряхнула густыми локонами, — сказал, что вас следует принимать как уполномоченное лицо полковника Роуэна. Отлично, так тому и быть! Прошу вас, следуйте за мной.

Мисс Ренфру круто развернулась, отчего пышная юбка взметнулись веером. Тут послышался шум, и вестибюль наполнился народом.

Из малой гостиной высыпали с полдюжины молодых людей во фраках, и с ними — молодой гвардейский офицер в алом мундире, с жидкими черными усиками-перышками и баками. Все они распространяли вокруг себя аромат бренди и пунша. Из-за тесных фраков, зауженных черных брюк и белейших рубашек-жабо они казались поразительно тонкими, длинными и смахивали на карикатуры.

Впрочем, карикатурами они нисколько не являлись.

— Джек, старина! — послышался незнакомый Чевиоту радостный голос, и почти тут же его руку стиснул в дружеской хватке румяный молодой человек не старше двадцати одного — двадцати двух лет. Курносый нос незнакомца, его широкий рот и подернутые дымкой глаза были заключены в рамку светло-каштановых волос и баков, похожих на баки мистера Ричарда Мейна.

— Фредди! — с нескрываемой радостью воскликнула Флора и протянула молодому человеку левую руку.

— Флора! Оч-чень рад! — вскричал молодой человек и склонился над ее рукой, что-то страстно промычал над нею, поцеловал перчатку, пошатываясь, выпрямился и проговорил: — Господи помилуй! Сколько же прошло? Две недели? Да, не меньше! Ей-богу, я вас обоих уже две недели не видел! — Он ткнул в сторону Чевиота пальцем и расхохотался. — Вот хитрец, ну и хитрец! Не важно. Я т-тебе завидую. Кстати, — он показал рукой наверх, — танцуешь?

— Не сейчас, Фредди. — Чевиот с трудом назвал незнакомца по имени. — Вообще-то я...

«Вообще-то, — подумал он про себя, — если начать задаваться вопросом, кто я и что со мной происходит, я на верном пути к сумасшедшему дому».

К счастью — или к сожалению, — Чевиот отбросил прочь болезненные мысли. Молодой гвардейский офицер с одним капитанским эполетом и красными лампасами на узких черных панталонах вскинул голову и вмешался в разговор.

— В са-амом деле! — томно просюсюкал он высоким, скучающим тоном. — Потанцевать, что ли?

Томный офицер был строен, но притом высок и крепок. Внезапно схватив одного из своих товарищей за кружевное жабо, он оттолкнул его с пути и двинулся вперед.

Чевиот следил за его приближением, волосы у него на голове зашевелились. Он расправил плечи и перевел дух. Гвардейский офицер, который не собирался менять курс ради кого бы то ни было, врезался прямо в него на полном ходу — и тут же отскочил, словно наткнулся на скалу.

Фредди завопил от восторга. Гвардейский офицер не обрадовался.

— В чем дело? — протянул он тем же скучающим тоном. — Смотрите, куда идете, приятель! Кстати, кто вы такой?

Чевиот не удостоил его ответом.

Маргарет Ренфру, успевшая подняться на один пролет, бросала на Чевиота косые взгляды. Он обратился к ней:

— Будьте добры, мисс Ренфру, покажите дорогу.

— Я с вами разговариваю, приятель! — рявкнул гвардейский офицер, хватая Чевиота за левую руку.

— А я с вами не разговариваю, — ответил Чевиот, выворачиваясь и сбрасывая руку пристава. — Думаю, в этом нет необходимости.

Длинное лицо капитана Хогбена под черными усиками-перышками и баками сделалось алым, как его мундир. Потом он побледнел, как смерть.

— Господи! — прошептал он, начиная стаскивать перчатку с правой руки. — Господи!

Четверо друзей тут же с хохотом и криками накинулись на него и потащили вверх; капитан брыкался и вырывался.

— Держи себя в руках, Хогбен!

— Ты ведь не вызовешь на дуэль лучшего стрелка в городе? Куда тебе!

— Хогбен, тебя ждет Изабелла! Она сохнет по тебе, гуляка! Клубок подвыпивших друзей ударился о стену рядом с мисс Ренфру; та в ярости отшатнулась. Молодые люди заковыляли дальше, вверх по лестнице. Чевиот поймал на себе долгий злобный взгляд гвардейского офицера; черные волосы его развевались, лицо склонилось над перилами.

— Я тебе это припомню, — пригрозил он.

Молодой человек по имени Фредди, приятельски подмигнув Флоре и Чевиоту, с трудом побрел следом. Фалды фраков молодых людей развевались и хлопали, когда они с радостными возгласами и

улюлюканьем гнались за своей жертвой. Миг — и они скрылись из вида.

Маргарет Ренфру дернула плечом.

— Молокососы, — равнодушно проговорила она. — Какие они скучные! Нет, мне подавайте человека постарше и поопытнее!

Теперь она не смотрела на Чевиота. Ее взгляд, загадочный и непостижимый, был направлен куда-то поверх его плеча.

Наконец она развернулась и начала осторожно подниматься по лестнице.

Если Флора и сердилась, то никак не показала своего гнева. Чевиот чувствовал исходящие от нее смущение, неуверенность, даже страх.

— Ты терпеть не можешь добрых советов, — тихо произнесла она. — Но прошу тебя, будь осторожен в одном.

— В чем?

— Умоляю, не ссорься с капитаном Хогбеном.

— Вот как?

— Не дразни его и не шути с ним... Всем известно, что он нечестно играет. Отчего-то мне кажется, что он принесет тебе горе.

— Как ты меня пугаешь!

— Джек!

— Я сказал только: «Как ты меня пугаешь».

Флора стиснула руки в меховой муфте.

— И еще... ты был не слишком-то радушен с бедным Фредди Деббитом.

Чевиот остановился, дойдя почти до верхней ступеньки, и снова приложил ладони ко лбу. Его голос звучал чуточку громче, чем голос Флоры:

— Флора, сколько раз можно просить у тебя прощения? Сегодня я просто не в себе.

— Думаешь, я ничего не заметила? Ведь я только и стараюсь тебе помочь! — Она снова замолчала, смутившись. Казалось, ее мысли унеслись куда-то далеко. — У Фредди, бедняжки, нет ни гроша за душой, хоть он и сын лорда Лоустоффа. Но он обожает тебя; за это я его и люблю. Пусть он обижает леди Корк, когда вышучивает ее и сочиняет о ней небылицы...

— Небылицы? Что за небылицы?

— Да так, фантазии. О ворах — раз уж тебя так беспокоит ее проклятый птичий корм.

— Флора, что такое? Ну-ка рассказывай!

— Фредди уверяет всех, будто какой-то злоумышленник хочет украсть любимого попугая леди Корк, который курит сигары. А еще Фредди говорит, что он бы не стал утруждать себя, взламывая замок ее шкапулки; он просто унес бы ее с собой.

— Вот оно как! — Чевиот прищелкнул пальцами. — Вот, значит, как!

Они дошли до верхней площадки и оказались в просторной, ярко освещенной галерее. Чевиот отвлекся от разговора и принялся с интересом озираться по сторонам.

Галерея была оформлена в китайском стиле, бывшем в моде сорок лет назад; в 1829 же году обстановка выглядела чуточку старомодной. Стенные панели, покрытые черным лаком и расписанные золотыми драконами, сверкали при свете масляных ламп под кружевными шелковыми абажурами на фарфоровых, полых ножках. Лампы стояли на маленьких низких столиках черного тика. В простенках между столиками с обеих сторон располагались резные тиковые стулья.

Оглянувшись, Чевиот увидел, что слева, сзади от него, находятся закрытые двойные двери, выкрашенные яркой оранжевой краской и расписанные золотыми узорами. За ними, очевидно, была бальная зала; оттуда доносились гул голосов и брэнчание настраиваемых скрипок.

Все остальные двери здесь были также оранжевые с золотом. Они отчетливо выделялись на фоне черных лакированных стен. Вторые двойные двери находились в противоположном конце галереи. Справа, довольно далеко друг от друга, в галерею выходили еще две одинарные двери, расписанные так же. Тусклый ковер испещрили грязные следы.

— Мистер Чевиот!

Но Чевиот разглядывал птичьи клетки.

— Мистер Чевиот! — снова позвала его мисс Ренфру, останавливаясь у двойных дверей в конце галереи.

Клеток было восемь. Они свисали с потолка над тиковыми стульями — по четыре с каждой стороны. В каждой клетке сидела канарейка; все птички беспокойно металась по клеткам, некоторые

возбужденно чирикали. Позолоченные клетки были очень большими. На это Чевиот и надеялся.

Протянув руку, он вытащил из одной клетки фарфоровую, довольно вместительную мисочку с кормом. Клетка закачалась; канарейка громко пискнула и забила крылышками. Осторожно ставя на место кормушку, он краем глаза следил за мисс Ренфру; та судорожно стиснула руки.

— Довольно невежливо с вашей стороны заставлять ждать леди Корк! — крикнула она.

— Мисс Ренфру, — неожиданно звонким голосом вмешалась Флора, — я уверена, леди Корк не станет возражать, если я еще на секунду задержу мистера Чевиота.

— Вы ведь обычно так и поступаете, верно? И все же... Именно сейчас?

— Да, особенно сейчас.

— Знаете ли, у леди Корк дело чрезвычайной важности!

— Не спорю с вами, — любезно согласилась Флора. — Но у меня тоже. Минута, не больше, идет?

Собираясь возразить, Чевиот повернулся к Флоре и так и застыл на месте. Он впервые видел ее при свете.

Она оказалась выше, чем он представлял; фигура у нее была стройнее и пышнее. Возможно, в карете она показалась ему скорее маленькой из-за тихого голоса и изящных рук. Сейчас же он увидел, какая у нее гладкая кожа, каким ярким румянцем залились ее щеки. На губах играла соблазнительная улыбка. От ее вида у него захватило дух.

В ту же секунду двойные двери за спиной мисс Ренфру, очевидно ведущие в будуар леди Корк, открылись и тихо закрылись.

Из будуара выскользнула смуглая девушка восемнадцати-девятнадцати лет. Кружевной чепец закрывал уши; длинный фартук также был отделан кружевом. Она была хорошенькой, с лучистыми карими глазами, которые часто кажутся черными и всегда выразительны.

Увидев Маргарет Ренфру, девушка пробормотала:

— Прошу прощения, мисс! — Она заспешила к лестнице. По пути присела в книксене перед Флорой, бросив на нее взгляд, исполненный искреннего обожания.

— Мистер Чевииот! — позвала мисс Ренфру. — Не пора ли, в конце концов?...

— Мадам! — перебил ее чей-то важный голос.

Чевииот совсем позабыл о мистере Хенли, который поднялся наверх следом за ними, но искренне обрадовался тому, что приземистый коротышка тоже здесь.

— С вашего позволения, мадам, — продолжал старший клерк, обращаясь к мисс Ренфру и ковыляя к ней, — я возьму на себя смелость и войду первым. Мистер Чевииот не заставит себя ждать. Обещаю.

— Как хотите!

Маргарет Ренфру открыла одну половинку дверей и вошла. Метнув на Чевииота и Флору быстрый умоляющий взгляд из-за рыжеватых бакенбардов, мистер Хенли вошел следом и закрыл за собой дверь. Они остались одни в цветистой, разукрашенной галерее.

— В чем дело? — осведомился Чевииот. — Что ты собиралась мне сказать?

Флора вскинула голову, пожала плечами и отвела взгляд.

— Надеюсь... — прошептала она, — если я не слишком много прошу, ты можешь уделить мне один, всего один танец?

— Танец? И все?

— Все?! — повторила Флора, округляя глаза. — Все?!

— Я не могу, Флора! Я на службе.

Он произнес эти слова с выражением, дававшим понять, что не может ей противиться, и она прекрасно это поняла. Именно поэтому сердце ее растаяло, и она не стала настаивать на своем.

— Да, — проговорила она, криво улыбнувшись, — полагаю, твое ужасное полицейское дело должно идти в первую очередь. Как бы там ни было, следующий танец — вальс; некоторые до сих пор находят его неприличным. Ну и ладно! В таком случае я посижу здесь. — И Флора тут же грациозно и томно опустилась на резной стул. — Подожду, пока ты не освободишься.

— Тебе нельзя ждать здесь!

— Почему? Я не посмею войти в бальную залу; еще решат, что я явилась без кавалера! Почему мне нельзя здесь ждать?

— Потому что... да не знаю я! Просто нельзя, и все! — Чудовищным усилием Чевииот взял себя в руки. — В общем... если ты

хочешь мне помочь...

Флора с готовностью подалась ему навстречу:

— Да, да! Сделаю все, что хочешь!

— Та темноглазая девушка в кружевном чепце, которая только что прошла мимо... Я верно решил, что она горничная леди Корк? Как ты ее называла — Соланж?

— Да, но зачем?...

— Вот что я от тебя хочу. — И Чевиот наскоро объяснил, в чем дело.

Флора вскочила.

— Ах, я все сделаю! — воскликнула она, кусая губы. — Хотя мне как-то... неприятно!

— Но почему? Что тут неприятного?

— Не важно. — Ее глаза, темно-синие и сияющие при свете ламп, встретились с его глазами. — Ты ведь что-то ищешь? И по-твоему, что-то подозрительное?

— Да.

— Что ты ищешь? Кого подозреваешь?

— Не могу сказать, пока не могу. Я еще не уверен, что попал на нужный след. Я должен навестить драконшу-хозяйку, а времени у нас мало. — В памяти всплыл накрытый внизу холодный ужин. — Флора! Скажи, леди Корк всегда присоединяется к гостям за ужином?

— Да, конечно. Всегда!

— В какое время здесь ужинают?

— Разумеется, в полночь! — Она как-то странно посмотрела на него. — Потом, как тебе, конечно, известно, танцы продолжаются до часу или до двух часов ночи. Мы... как я говорила, ужасно опоздали. Мне даже не дали программы танцев; по-моему, это верх неприличия. Который сейчас час?

Механически, не думая, Чевиот вытянул левую руку и закатал рукав, чтобы посмотреть на наручные часы. Но никаких часов на руке не оказалось. Флора наградила его очередным удивленным взглядом.

Тогда он сунул руку в левый жилетный карман. Там лежал тяжелый золотой репетир. Как он ни старался, крышка не открывалась.

— Джек! — ужаснулась Флора. — Неужели ты не в состоянии открыть собственные часы?

Если бы не ее присутствие, он никогда не допустил бы такой оплошности. Чевиот нажал на стерженек; крышка отскочила.

— Без двадцати пяти минут полночь, — произнес он и откашлялся.

— О боже! — молитвенно прошептала Флора, затем, тяжело дыша, сказала: — Сначала я думала, что ты шутишь. Ты ведь не... нет, невозможно... после всего, что ты обещал!...

И она упорхнула по тусклому ковру, между черными лакированными стенами и золотыми драконами, к той лестнице, по которой спустилась Соланж.

— Флора! Что я сделал?

Ответа не последовало. Красавицы след простыл.

Чевиот с щелчком закрыл часы, ощутив тяжесть цепочки и печаток, когда засовывал их в карман. На лбу у него выступила испарина.

Как бы он хотел разгадать, что кроется за каждым словом, произнесенным в этом доме. Чевиот ощущал множество подводных течений, хотя не был в состоянии их истолковать. Возможно, его скоро унесет мощным отливом. И все же...

— Не выйдет! — произнес он вслух и, расправив плечи, громко постучал в двойные двери. Он не мог предугадать того, что через двадцать минут здесь произойдет убийство, вызванное отчасти его собственными словами и поступками.

Глава 5

Убийство в ритме вальса

— Входите! — отрывисто крикнули из-за двери. Чевииот повернул ручку и толкнул одну из створок.

Его встретил такой отталкивающий, такой нечеловеческий скрипучий смех — «Ха-ха-ха!» — что на секунду он подумал, будто так смеяться может лишь старуха, сидящая у камина напротив и сжимающая палку с изогнутым набалдашником.

Леди Корк оказалась низкорослой — не толстой, а скорее полноватой, почти без шеи. Из-под белого чепца с оборками, стоящими почти вертикально, выбивались сивые космы. Платье на леди Корк также было белое. И все же, невзирая на возраст, она сохранила белизну кожи. На лице, отмеченном печатью былой красоты, сверкали маленькие глазки. Они хитро и выжидательно уставились на Чевииота.

— Так, так... Закройте дверь! — громко приказала старуха. Чевииот исполнил приказание.

С противоположной стороны камина, словно любимая компаньонка, устроился на деревянной жердочке крупный красно-зеленый попугай ара. Попугай сидел не в клетке; он был привязан к жердочке за тонкую цепочку, накинутую на лапку. Попугай склонил набок голову с розовато-лилово-белым хохолком и тоже хитро сощурил один глаз. Потом распушил перья, застучал когтями по жердочке, как гость, который вытирает ноги о дверной коврик, и, запрокинув клюв, залился тем нечеловеческим скрипучим хохотом, который Чевииот уже слышал.

У Чевииота по спине побежали мурашки.

— Полагаю, леди Корк?

— Полагаете? Господи, помилуй! Разве вы этого не знаете?

— Я сотрудник полиции, леди Корк...

— Что-о?! Что такое «сотрудник полиции»?

— И пришел, чтобы задать вам несколько...

— Ну и дела! — возмущилась леди Корк. — Ну и манеры у сына Джорджа Чевииота! Ни одного комплимента! Ни слова о том, как

хорошо я выгляжу для моих лет! Да, нечего сказать, ну и нравы у современной молодежи!

Чевиот взял себя в руки и постарался сдержаться.

Пусть леди Корк окружают шаткие столики, полочки с черепаховой инкрустацией, плетеные стулья и фарфоровые вазы. Пусть розовые стены увешаны картинами, миниатюрами в золоченых и серебряных рамах, руки старых мастеров. Да и сама леди Корк явный представитель восемнадцатого столетия — даже от ее тяжелого белого платья веет стариной. Пусть так. Ему все равно необходимо не только найти к ней подход, но и подобрать нужные для этого слова!

— Я не одинок, мадам, — улыбнулся Чевиот. — Вот, например, помнится мне, покойный доктор Сэм Джонсон при первой встрече тоже не осыпал вас изысканными комплиментами!

Леди Корк раскрыла от изумления рот.

— Да, я читал, что он назвал вас «дурочкой»; однако он же назвал вас «очаровательной»; а немного погодя очень изящно извинился за «дурочку». Позвольте же, мадам, предложить вам и комплимент, и извинение при первой встрече, а не при второй!

Последовала пауза. Леди Корк была потрясена. Она смерила гостя пристальным взглядом — и вдруг, словно опомнившись, заговорила. Тон ее уже был совершенно иным.

— Какое удовольствие для меня, сэр, — пропела она с истинным достоинством великосветской дамы, — принимать джентльмена, который иногда посвящает свой досуг чтению книг, а не картам и не костям. Ваш комплимент тем ценнее, что он запоздал — вы, словно колдун, извлекли его из рукава!

— Умоляю, мадам, не называйте меня колдуном! Наоборот, я готов процитировать строки мистера Босуэлла: «Я призываю к высшим силам, дабы хранили меня».

— Маг! — вскричала леди Корк. — Чародей!

«О боже! — в отчаянии подумал Чевиот. — Ну и посмешище же я из себя строю!»

Положение казалось еще безнадежнее из-за того, что Маргарет Ренфру, прислонившаяся к мраморному камину, наблюдала за ним с иронической улыбкой.

Мистер Хенли устроился в некотором отдалении, как и пристало клерку; он приготовил перья, хотя писать пока было нечего. Однако

тактика Чевииота оказалась верной.

— Мой милый юноша, — радушно обратилась к нему леди Корк, — садитесь! Прошу вас, садитесь! Да садитесь же, голубчик! — Лицо ее просияло и оттого стало вдруг живым и выразительным, как у юной девушки. Она указала костылем на стул конского волоса с широкой спинкой, стоявший рядом с насестом попугая.

Птица, злобно оживившись, царапала когтями жердочку и издавала булькающие звуки. Чевииот разглядывал попугая с такой же неприязнью, с какой тот разглядывал его.

— Фу, как не стыдно бояться! — насмешливо произнесла леди Корк. — Он не налетит на вас, бедняжка, после того, как я приказала приковать его к цепочке. За всю жизнь он совершил всего одно преступление. Хотите узнать какое?

— Рад буду послушать.

— Он пытался ухватить короля за чулок. Но то был мелкий проступок, а не преступление, — сурово уточнила леди Корк. — А преступление он совершил, когда сбежал, отхватив кусок ноги леди Дарлингтон.

Никто не улыбнулся, хотя хозяйка, казалось, ждала одобрения. Очевидно, собственные слова напомнили леди Корк о поручении Чевииота. Хотя приземистая плотная фигура в кресле дышала неизъяснимым достоинством, выражение лица леди Корк было нерешительным; Чевииот догадался, что старухе сильно не по себе.

— Хм... Полагаю, вам рассказали о нашем... пустячном дельце?

Чевииот сел.

— Дело может оказаться не таким пустячным, как вам кажется, — отозвался он.

По комнате словно бы пробежал холодок. Леди Корк принялась ворошить костылем угли на каминной решетке.

— Я знаю все, — продолжал Чевииот, — кроме того, откуда украли корм. Может быть, из кухни? Из кладовой? Из буфетной?

— Нет, нет, нет! — вскричала леди Корк, поднимая голову. К сожалению, в будуаре не было ни одной клетки. — Как бишь его? Да вы знаете. Из таких плошек, в какие насыпают корм в клетках.

— Да. Так я и думал. Но мы должны убедиться наверняка и не гадать. Мадам, сколько клеток с птицами имеется в доме?

— В моей спальне живут четыре попугая. — Леди Корк показала на дверь в стене справа. Значит, спальня имеет второй выход, в галерею. — Четыре попугая! — повторила она с нажимом. — И еще шесть клеток; там птички все разные, но все заморские, чудесные; они живут в столовой рядом с моей спальней. И восемь канареек — да вы, должно быть, видели их в коридоре. Вот и все.

Она еще дважды стукнула костылем. Значит, птицы содержатся почти во всех комнатах на этаже; только в бальной зале их не было.

— Сэр! — слышался сзади свистящий шепот мистера Хенли. — Хотите, чтобы я записывал?

Чевиот решительно кивнул. Однако леди Корк показалось, что кивнул он исключительно ей.

— Кормушки, насколько я понимаю... м-м... обкрадывали дважды?

— Точно! Первый раз во вторник, то есть три ночи назад, и еще раз в четверг, то есть вчера вечером. Как корова языком слизнула — ни семечки на полу; да вдобавок среди ночи.

— Спасибо, мадам. Значит, ограбили все восемнадцать птичьих клеток?

— Нет, нет, нет, нет! — Леди Корк изумленно покачала головой. — Всего пять. Четыре во вторник, в самой моей спальне, пока я спала. И одну клетку с канарейкой вчера — в коридоре. Вы скажете — немного. Но я просто сама не своя. Господи, воля твоя, как я рассердилась!

— Тетя Мария!... — встрепенулась мисс Ренфру, словно желая возразить.

— Помолчи, милочка!

Чевиот оставался невозмутимым.

— Позвольте спросить, мадам. За клетками ухаживает — то есть чистит их и так далее — один человек?

Леди Корк с довольным и гордым видом кивнула, потрянув белым кружевным чепцом.

— Спросить позволю... и да, ухаживает. Да! Джабило.

— Прошу прощения, кто?

— Джабило! Черный мальчик, — объяснила леди Корк, поднимая руку фута на четыре над полом. — Мой личный слуга; для него сшили особую зеленую ливрею и шапочку с черными перьями. Провалиться

мне на месте, ни у леди Холланд, ни у леди Чарлевилль ничего подобного нет.

— Охотно верю, мадам. Полагаю, вы не храните в доме денег?

— Денег? Денег?! Долой богатеев! — крикнула богатая леди Корк, убежденная сторонница вигов, и стукнула костылем по столу. — Если они проведут билль о реформе, я на радостях вывешу в окнах флаги! Помяните мое слово, вывешу!

— А драгоценности? Можно ли, мадам, взглянуть на ваш сейф?

Леди Корк, несмотря на свои восемьдесят четыре года, не колебалась ни секунды.

Поднявшись с кресла, она быстро засемила по комнате, на ходу вытаскивая из-за корсажа цепочку, на которой висело два ключа.

Отперев деревянный шкафчик, она открыла дверцу и сняла с полки шкатулку черного дерева — сравнительно небольшую, окованную железом. Леди Корк подняла шкатулку и водрузила ее на шкафчик, сдвинув на край синюю вазу.

Чевиот подошел.

Старуха отперла шкатулку и откинула крышку.

— Вот! — объявила она и поспешила назад, в кресло, как будто умывая руки после неприятной работы.

— Примите мою почтительную благодарность, мадам.

До сих пор в комнате не было слышно ни звука, если не считать скрипа пера мистера Хенли. Иногда, если он слишком глубоко макал перо в чернильницу, слышался стук. Леди Корк не обращала на него никакого внимания. Но Маргарет Ренфру время от времени взглядывала на старшего клерка, встряхивая густыми локонами. Перо остановилось.

Чевиот слышал, как у него в кармане тикают часы. Время, время, время!

Шкатулка не была прочной; у нее даже не было плотной подкладки. Если не считать тиары и нескольких браслетов, в ней находились мелкие украшения, хотя и усыпанные драгоценными рубинами, изумрудами и бриллиантами. В шкатулке хранились кольца, подвески, крохотные часики; Чевиот все пересчитал, выкладывая каждую вещь на шкафчик.

Наконец тишину нарушили звуки вальса, донесшиеся из бальной залы.

Он никогда не поверил бы, что скрипки и арфа могут производить столько шума или что вальс в ритме «раз-два-три» можно исполнять в таком быстром темпе. Танцоры закружились под музыку с радостными возгласами. Чевиот живо представил, как они носятся по натертому до зеркального блеска полу, то приседая, то кружась.

Послышался тихий настойчивый стук. Кто-то стучался в двойные двери, ведущие из коридора.

— Простите, — вежливо поклонился Чевиот.

Он поспешил к дверям по толстому ковру и приоткрыл створку всего на несколько дюймов.

За дверью стояла Флора. Она — случайно или умышленно — не смотрела на него и протягивала ему — отчего-то левой рукой — свернутый трубкой лист бумаги.

Взяв записку, Чевиот закрыл дверь и вернулся к шкафчику. Драгоценные камни причудливо переливались в тусклом свете, бросая отсветы на розовые стены, увешанные картинами. Развернув записку, он, не торопясь, ее прочитал.

— Что? — спросила леди Корк со своего места. — Что еще? Поскольку мистер Хенли с трудом ворочал шеей над тугим воротничком, Чевиот сделал ему знак, чтобы тот продолжал стенографировать, а сам, улыбаясь, намеренно не спеша направился к своему стулу.

— Леди Корк, — сказал он, — я насчитал в шкатулке тридцать пять предметов. А если верить моим сведениям, их должно было быть сорок. Где еще пять?

— Ну, если вы об этом... — Старая леди замолчала.

— Говорите, мадам! — пылко и убедительно попросил Чевиот: в прошлой жизни ему нередко удавалось воззвать к разуму свидетелей. — Разве не лучше рассказать всю правду?

Громкая музыка на мгновение стала еще громче и вдруг оборвалась.

— Кто дал вам записку?

— Не важно, мадам. А важно то, что недостающие пять вещей украдены. Ведь так?

— Ха-ха-ха! — проскрипел попугай, затем заплясал, затрясся и захлопал крыльями.

Краем глаза Чевиот заметил, как вдруг выпрямилась и застыла в неестественной позе Маргарет Ренфру. Ее блестящие красные губы (помада?) приоткрылись, словно бы в изумлении.

— Вы обвиняете меня, — громко, но без выражения спросила леди Корк, — в том, что я украла собственные побрякушки?

— Не украли, мадам. Просто спрятали.

— Так болтал Фредди Деббит!...

— Да. Видимо, Фредди Деббит много чего наболтал. Среди прочего — не сомневаюсь, что он подражал вашей манере говорить и вашим жестам, — он утверждал, будто вор унесет весь ваш сейф целиком. По нашему опыту, леди Корк...

— Чьему опыту?

— ...женщины инстинктивно стремятся спрятать ценные вещи и держать их под рукой, если считают, что им угрожает опасность — и особенно в том случае, если предметы навевают воспоминания о прошлом. — Чевиот по-прежнему говорил тихо, ласково, убедительно. — Трудно придумать лучшее место, чтобы спрятать кольца, броши, да любые мелкие ювелирные изделия, — продолжал он, — чем кормушка в птичьей клетке. Отдаю должное вашему уму. Кто заподозрит? А если заподозрит, попытка вытащить ночью кормушку из клетки вызовет шум и сразу выдаст вора. Итак, вы спрятали в птичьих клетках самые ценные вещицы. Я правильно говорю?

— Да! — подтвердила леди Корк.

Ее доконали слова «навевают воспоминания о прошлом». Она повернула короткую шею и уставилась в огонь. Из-под морщинистых век вытекли две слезы и побежали по щекам.

— Остались от мужа, — поведала она, обращаясь к камину и слегка задыхаясь. — Да! И еще от одного человека... он умер шестьдесят лет назад.

От громкой музыки разболелась голова.

— Позвольте вам напомнить, — тихо произнес Чевиот, — что те драгоценности украли. И вор до сих пор не найден.

Леди Корк кивнула, не глядя на него.

— Тетя Мария! — вмешалась мисс Ренфру голосом, исполненным глубокого сострадания. — Вора найдут. Не бойтесь. Кстати, скоро

полночь. Должно быть, гостям уже предложили поужинать. Позвольте мне уйти?

Леди Корк снова кивнула — энергично, не оборачиваясь. Ее старые покатые плечи дрожали.

Мисс Ренфру, однако, направилась не к двойным дверям, выходящим в галерею; ее белое платье с лифом, отделанным красными с черным розами, исчезло в проеме двери, ведущей в спальню. Посмотрев ей вслед, Чевииот хотел было что-то сказать, но потом передумал.

— Леди Корк, я не имею права и не хочу огорчать вас. Но почему вы не сказали, что у вас похитили драгоценности? Зачем скрывали кражу?

— Чтобы все опять надо мной смеялись — как всегда?

— Да, понимаю.

— Человек, способный смеяться над вами, ваша светлость, — вмешался вдруг мистер Хенли с едва скрываемой яростью, — будет иметь дело со мной. Вот как перед Богом истинным!

Порыв старшего клерка тронул старуху. Она повернула голову и подарила мистеру Хенли особенно любезную улыбку. Но, не желая выдавать свою слабость — плач при посторонних являлся злостным нарушением правил приличия, — смерила Чевииота пристальным холодным взглядом.

— Кто бы мог подумать, — почти презрительно заявила леди Корк, хотя слезы текли у нее по лицу ручьем, — что у сына Джорджа Чевииота хватит мозгов раскрыть правду?

— Это моя профессия, мадам.

— Ваша... что?

— Извините... моя работа. Позвольте ли задать вам еще один вопрос?

— Позволю.

— Во вторник ночью вы в виде опыта поместили четыре драгоценные вещицы в кормушки клеток с попугаями в вашей спальне? Да. На следующее утро вы были охвачены ужасом, изумлены, вас охватило глубокое возмущение, когда оказалось, что они исчезли. Вечером в четверг вы спрятали еще одну безделушку в клетке для канарейки в галерее; безделушку пустячную, почти не

представляющую никакой ценности — возможно, с целью заманить вора в ловушку?

Леди Корк изумленно вытаращила глаза:

— Да! Правда! Но... как, как вы догадались?! Прежде мы говорили о магах и чародеях... Вы что, и правда колдун?

Захваченный врасплох таким изумлением, Чевиот протестующе взмахнул рукой:

— Самое простое предположение, мадам, и больше ничего.

— Ага! Тогда скажите вот что, синьор Калиостро! — Даже в слезах леди Корк не утратила способности быстро соображать. — Зачем проклятый вор опустошил кормушки, высыпал корм в чашку или еще куда-то, а не выудил сокровище пальцами, оставив корм нетронутым?

— Мадам, тому есть несколько объяснений. Я снова могу предложить вам лишь самое вероятное из возможных.

— Слушаю!

— Разве не ясно, что на следующее утро вы первым делом отправитесь к клеткам и проверите, на месте ли ваши сокровища?

— Силы небесные! — воскликнула леди Корк. — Так я и сделала!

— Вору или воровке ночью нужно было действовать быстро. Не так уж легко шуровать в клетках с попугаями, не взволновав птиц и не разбудив тем самым вас. Несомненно, вора не огорчало то, что птицы останутся голодными... Вы понимаете, что это значит?

— Что же?

— Сейчас объясню. Запирается ли ваш дом на ночь?

— Как Ньюгейтская тюрьма! Как долговая тюрьма Флит! И даже прочнее!

— А двери спальни вы на ночь запираете?

— Нет. А зачем?

— Значит, вор или воровка — кто-то из ваших домочадцев. Не считите за нескромность, мадам... Вы никого не подозреваете?

— Нет, — сухо ответила старуха после паузы.

— Вы говорили кому-нибудь, что намереваетесь спрятать драгоценности?

— Никому! — отрезала леди Корк более уверенным тоном.

— Тогда, мадам, еще всего один вопрос. Вы уверены, вы совершенно уверены в том, что ночью не слышали никакого шума,

шороха, не видели света?

— Нет. Я ведь принимаю лауданум.

— Лауданум?

— Да! Настойку опия! Мальчик мой, старухи спят мало. — Тут она напустилась на него: — Я принимаю настойку каждый вечер, чтобы спать спокойно! Я ничего не могу с собой поделаться! Даже когда в четверг расставила ловушку, поместив в клетку с канарейкой дешевую безделушку, я не удержалась и выпила настойку. Что тут плохого? Сам король принимает лауданум, чтобы унять боли в мочевом пузыре! Когда его министры толкуют о государственных делах, он настолько одурманен, что не в состоянии говорить!

Леди Корк задумалась; видимо, ее одолевали тяжелые мысли. Рука ее то сжимала, то разжимала набалдашник палки. Однако тон ее изменился.

— Король, — проговорила она. — Ведь они его ненавидят! Да! Они все его ненавидят. А я знавала его в те дни, когда он был молод, красив, как бог, и ухаживал за бедняжкой Пердитой Робинсон.

Снова ее лицевые мускулы непроизвольно задержались. Как она ни сдерживалась, слезы вдруг хлынули ручьем.

— Уходите! — неожиданно закричала, кашляя, леди Корк. — Хватит с меня на сегодня. Убирайтесь отсюда!

Чевиот подал знак мистеру Хенли.

Старший клерк закрыл чернильницу, убрал перья, застегнул бювар и тихо заковылял, опираясь на свою толстую трость, к камину, где дернул за витой шнурок звонка. Потом они с Чевиотом направились к двойным дверям.

— Погодите! — неожиданно приказала леди Корк и поднялась с кресла. Несмотря на заплаканное лицо, держалась она величественно. — Последнее слово! Я не глухая. И я услышала — не важно как и от кого — о броши с бриллиантами и рубинами в форме кораблика... Та брошь была первым подарком, полученным мной от мужа после свадьбы. Так вот, ее заложили у Вулкана.

Старуху, видимо, раздражали громкие звуки вальса. Она застучала палкой по полу так сильно, что попугай снова закричал.

— Моя брошь! — Леди Корк с трудом сдерживалась, чтобы снова не разрыдаться. — У Вулкана!

«Кто такой Вулкан? — недоумевал Чевииот. — Может, ростовщик?»

Но спросить, кто такой Вулкан, он не мог. Леди Корк говорила так, будто он непременно должен был его знать. Однако спросить можно и у других, а потому Чевииот просто поклонился:

— Спокойной ночи, леди Корк.

Он жестом пропустил вперед клерка; оба вышли.

После того как Чевииот захлопнул дверь, они с Хенли принялись тихо совещаться посреди длинной и широкой галереи, освещенной двумя рядами китайских ламп.

— Итак, что вы обо всем этом думаете? — спросил мистер Хенли.

— Самое главное, — искренне ответил Чевииот, — она словно живая реликвия восемнадцатого века. Я с трудом понимал ее выговор, и еще труднее было подражать ей. Какое облегчение, что можно говорить естественно!

(Естественно! За девяносто лет до собственного рождения!)

— Ах! — пробормотал мистер Хенли, делая серьезное лицо. — Я и сам пару раз не понял, о чем она говорит, хотя я гораздо старше вас. Но я хотел спросить о другом...

— Всей правды она нам не говорит. Она знает или догадывается о том, кто украл драгоценности. Если бы вещицы не были ей особенно дороги, она и вовсе не раскрыла бы рта. Совершенно очевидно, что... — Чевииот замолчал, так как его спутник вдруг отвернулся от него.

Мистер Хенли смотрел вперед, нахмутив рыжеватые брови; он даже приподнял трость, будто указывая на что-то. Чевииот обернулся.

Примерно в двенадцати футах, спиной к ним, стояла Флора Дрейтон.

В самом ее присутствии не было ничего необычного. Она стояла на ковре с правой стороны галереи, ближе к двойным дверям, ведущим в бальную залу.

Странной была ее неестественная поза: голова слишком откинута назад, обе руки в меховой муфте. Хотя лица ее они не видели, вся ее фигура, казалось, дышала страданием и отчаянием.

У Чевииота сжалось сердце — как будто кто-то стиснул его в кулаке.

Через две секунды послышался скрип. Открылась ярко-оранжевая одинарная дверь, сейчас она находилась слева от Чевииота и Хенли,

поскольку они стояли лицом к лестнице. Собственно говоря, это была дверь в спальню леди Корк.

Оттуда вышла Маргарет Ренфру и гулко захлопнула дверь за собой. Она стояла к ним в профиль, и они видели лишь очертания ее щеки. Мисс Ренфру прошла мимо Флоры, двигаясь по диагонали, будто направлялась в бальную залу.

Вдруг она остановилась и, будто передумав, досадливо взмахнула рукой, развернулась и направилась к лестнице.

Шагала она прямо посередине ковра. Мисс Ренфру оказалась футов в десяти впереди застывшей в отчаянии Флоры...

И в тот же миг грянул выстрел.

Они почти не услышали выстрела, что, впрочем, вполне понятно. Дюжина скрипок и арфа, наявивавшие бешеную мелодию, топот танцующих, шорох юбок, хихиканье женщин и выкрики мужчин наполнили галерею невероятным шумом.

Пуля угодила Маргарет Ренфру точно под левую лопатку.

Благодаря острому зрению Чевиот заметил черную дырочку в белом платье. Похоже было на то, будто чья-то неведомая рука сильно толкнула женщину вперед. Она сделала два шага, споткнулась и упала ничком.

Чевиоту показалось, что прошла целая вечность, хотя на самом деле пролетели две или три секунды. Мисс Ренфру лежала неподвижно. Вдруг ее пальцы зашевелились — она судорожно заскребла по ковру и попыталась опереться на руки; ей удалось приподняться на локтях. Но тут сильная дрожь сотрясла все ее тело. Она ударилась лбом о ковер; блестящие черные локоны рассыпались по сторонам, и женщина застыла в неподвижности.

Звуки вальса по-прежнему то затихали, то делались громче.

«Мы скользим по волне и мечтаем о весне...»

Чевиот бросился вперед; замелькали золотые драконы на черных стенах. Он опустился на колени перед неподвижной фигурой.

Пулевое отверстие было маленьким; крови вытекло совсем немного. Пистолет с небольшим зарядом способен стрелять почти

бесшумно. Им нельзя тяжело ранить, если только не попасть прямо в сердце.

Пуля угодила Маргарет Ренфру точно в сердце.

Выхватив из кармана часы, Чевиот открыл крышку. Приподняв голову женщины, он поднес циферблат к покрашенным губам, одновременно засекая время. Стекло не затуманилось от дыхания. Смерть наступила двадцать секунд назад.

Чевиот осторожно опустил голову Маргарет Ренфру на пол. Захлопнул крышку часов и сунул их в карман.

Мистер Хенли, белый как мел, с отвисшей челюстью, с трудом приковылял к нему. Старший клерк едва не упал, опускаясь на колени.

— Что?... — начал было он, не сводя взгляда с трупа мисс Ренфру.

Чевиот оглянулся и похолодел. Флора вышла из оцепенения. Теперь она стояла к нему лицом и смотрела на него невидящими глазами. Ее била дрожь — видимо, она совершенно не владела собой. Так как ее руки тоже дрожали, меховая муфта сползла в сторону.

Флора автоматически подхватила муфту левой рукой, а правая ее рука в белой перчатке, разъехавшейся по шву, бессильно упала вниз. И из нее выпал маленький пистолет с золотой ромбовидной пластинкой, прикрепленной к деревянной рукоятке. Пистолет упал на ковер; сверкнуло золото.

Флора выронила муфту и закрыла лицо руками.

Глава 6

Кошмар в галерее

Поднявшись, Чевиот крепко сжал плечо мистера Хенли, стоявшего на коленях.

— Переверните ее! — приказал он.

— Что?

— Переверните ее на спину и убедитесь, что она мертва. Вы ведь воевали, так что в обморок не упадете. И пусть ничто не отвлекает вашего внимания!

— Как скажете, сэр.

Если старший клерк обернется...

Но он не обернулся. Хромому нелегко ворочать неподвижное мертвое тело.

И тут суперинтендент уголовного розыска Джон Чевиот сделал то, чего совершенно от себя не ожидал. Он подошел к Флоре, в чьих глазах читалась немая мольба, и поднял с пола пистолет, осторожно ухватив его за дуло большим и указательным пальцами.

Совсем рядом с Флорой находился низенький черный тиковый столик с лампой. На вид фарфоровая подставка лампы казалась тяжелой, но Чевиот знал, что внутри она полая.левой рукой он поднял лампу. Правой сунул под нее пистолет. Основание лампы свободно накрыло его, став тайником.

От внимания суперинтендента не укрылось очень важное обстоятельство. Пистолет был еще теплый. Пальцы его испачкались порохом. На маленькой золотой ромбовидной пластинке, вделанной в деревянную рукоятку пистолета, он заметил выгравированные инициалы «А.Д.».

Чтобы спрятать пистолет, Чевиоту пришлось на несколько секунд отвернуться. Когда же он развернулся назад, мистер Хенли по-прежнему стоял на коленях и смотрел на труп. Но... Боже всемогущий! Чевиоту показалось, что створка двойных дверей, ведущих в бальную залу, приоткрылась дюйма на два и тут же снова закрылась. Между сверкающими оранжевыми прямоугольниками с

золотыми завитушками ему смутно померещилось что-то черное — фрак, а может, волосы.

Однако Чевиот ни в чем не был уверен. Он лишь краем глаза уловил какое-то движение; возможно, это был оптический обман. Чевиот решил, что паниковать не стоит.

Маргарет Ренфру лежала на спине с широко открытыми глазами и отвисшей челюстью. Она уже не слышала музыку — и никогда ее не услышит. Мистер Хенли, все еще бледный, понемногу начал приходить в себя. Он с трудом поднялся и спросил:

— Мистер Чевиот, кто ж ее так? — Старший клерк был так взволнован, что невольно выразился по-простецки. — Вы нет, — продолжал он. — Я тоже. При всем уважении к даме — я ничего обидного не имею в виду, — он мотнул головой по направлению к Флоре, — она тоже этого не делала. Я наблюдал за ней, она ни на секунду не вынимала рук из муфты...

Клерк был прав. Прав настолько, что пораженный Чевиот ответил, не медля ни секунды:

— Вы видели рану. Выстрел произвели из маленького пистолета, который называют карманным. Если бы вы или я стреляли из кармана, вспышки бы не было...

Мистер Хенли страшно разволновался.

— Посмотрите на мою одежду! — воскликнул он, опуская глаза. — Можно считать, что вы уже суперинтендент. Пожалуйста, общите меня! А я в свою очередь осмотрю вас.

— Но...

— Прошу вас, сэр! Я настаиваю!

Чевиот выполнил просьбу старшего клерка. Он даже открыл бювар, осмотрел его содержимое, а потом оглядел толстую палку. И ничего не нашел — впрочем, иного он и не ожидал. Мистер Хенли осмотрел его. Мысли Чевиота были прикованы к муфте Флоры.

— Простая формальность, — проговорил он, растягивая губы в неестественной улыбке и поднимая с пола муфту.

Флора не могла бы выстрелить из муфты, не прострелив ее насквозь. Повертев муфту в руках, он не обнаружил в ней отверстия и отдал муфту хозяйке.

Флора больше не дрожала. Она больше не боялась; страх, заставивший ее отпрянуть — какова бы ни была его причина, —

прошел. Когда она заговорила, губы ее двигались с трудом.

— Милый! — прошептала она так тихо, что он едва расслышал. — Милый, милый, милый! Ты ведь знаешь, что я не убивала ее... Но кто это сделал? — воскликнула она чуть громче. — В галерее больше никого не было!

Снова правда; в галерее, кроме них, никого не было.

Масляные лампы отбрасывали странные отблески на черном лакированном дереве. Канарейки прыгали в клетках. Чевиот снова повернулся к мистеру Хенли. Последний услужливо приложил два пальца ко лбу.

— Не мое это дело, мистер Чевиот. Но... — он обвел галерею рукой, — тут может быть только одно. Кто-то выстрелил из-за приоткрытой двери.

— Готов присягнуть, — тихо ответил Чевиот, — когда ее убили, ни одна из дверей не открывалась.

— Вы уверены, сэр?

— Вполне уверен.

— Но...

— Стойте, погодите! Дайте подумать.

Чевиот посмотрел на ковер. Женщина не могла умереть от пулевого ранения, раз ни одна человеческая рука не спускала курок; и все же ее убили. Чевиот отчетливо слышал, как тикают в кармане часы.

Их звук пробудил его к жизни. Он снова схватил часы; оказалось, что сейчас три минуты первого. Видимо, вальс скоро кончится; музыка и так играла слишком долго. Мисс Ренфру собиралась — по крайней мере, она так сказала — пригласить гостей к ужину. Совсем скоро толпа гостей выйдет в галерею. Если они увидят на полу труп...

— Подождите! — крикнул Чевиот старшему клерку и Флоре.

Он подошел к дверям в залу, открыл правую створку и заглянул внутрь. На первый взгляд никто не обратил на него внимания.

В лицо ему ударила волна душного, насыщенного ароматами духов воздуха. Скрипачи, стоящие на небольшом возвышении, играли вальс. Бальные платья дам с широкими юбками и буфами — голубые, розовые, зеленые, белые и лимонные — кружились, сливаясь в пестрое пятно. Прелестные женские головки были украшены перьями и живыми цветами. С тонких запястий свисали танцевальные

программки. Все дамы были в длинных перчатках до локтей, а их кавалеры в черных фраках и лайковых перчатках.

Чевиоту вспомнилось, как Флора сказала, что некоторые до сих пор считают вальс неприличным. Ему было трудно понять их. Но в самом деле кавалеры держали своих партнерш на расстоянии вытянутой руки. И все же...

И все же в бальной зале, освещаемой тусклым, неверным газовым светом, царило явственное, хотя и старательно сдерживаемое возбуждение. Его ощущал даже Чевиот. Лица дам пылали от быстрого танца; лица мужчин также покраснели от движения или от выпитого. Зеркальный блеск паркета, окна, полускрытые тяжелыми зелеными шторами, зеркала — все создавало чувственную атмосферу.

«Что за всем этим кроется? — подумал Чевиот. — На первый взгляд все просто. Но если задуматься, то вполне можно отыскать примитивный мотив, приведший к убийству».

Он заметил, что изнутри в замке торчит большой медный ключ. Чевиот перешагнул через порог, бесцеремонно вытащил ключ из замочной скважины и сунул его в карман.

«На поверхности, — бегло размышлял он, — все пристойно, как в начальной школе. Что же кроется внутри?»

Осторожно!

Незамеченная из-за тусклого освещения, на него из круга танцующих вылетела какая-то пара. У него не было времени посторониться. Его толкнули. Танцующие попятились, но не сбились с ритма. Чевиот тут же рассыпался в извинениях перед молодой дамой:

— Мадам, умоляю простить меня! Это всецело моя вина. Я зазевался.

Молодая красивая запыхавшаяся девушка, со светло-каштановыми волосами и широко поставленными светло-карими глазами, в голубом шелковом платье, с незабудками в волосах, тяжело дышала, разругавшись от быстрого танца. Однако она не забыла присесть в вежливом книксене. Девушка подняла на него большие глаза и улыбнулась.

И тут Чевиот понял, какое качество отличает дам 1829 года, и в первую очередь Флору, от жительниц столицы из его... прошлой жизни. Им присуща подлинная женственность — самое сильное

оружие, каким может обладать женщина; оружие, способное причинить мужчинам немало бед.

— Прошу вас, сэръ, не беспокойтесь, — улыбнулась девушка, тяжело дыша и глядя на него так, словно дело имело особо важное значение. — Ничего страшного! Подобные случаи нередки. Уверена, мой кавалер со мной согласен...

Она обернулась, и Чевииот оказался лицом к лицу с тем гвардейским офицером, капитаном Хогбеном, с которым он уже успел обменяться парой «ласковых» слов на лестнице.

В первые мгновения капитан Хогбен, переполненный яростью и находясь под парами пунша, не вымолвил ни слова. Казалось, он вовсе не рассердился; манеры у него были по-прежнему надменными и вялыми. Пригладив усики и баки, он довольно спокойно протянул:

— Опять вы, приятель? Что ж! Придется вас примерно проучить; но не сейчас. Мы с вами поговорим в другое время и в другом месте. А пока... уберите! — И капитан замахнулся, собираясь презрительно пихнуть Чевииота в грудь.

Но тут случилась еще более странная вещь. В душе Чевииота вскипел гнев, который он редко испытывал и еще реже выказывал. Не дожидаясь тычка, он опередил своего противника, гвардейского офицера, и ударил его.

Капитан Хогбен завертелся волчком на скользком полу и так грохнулся, что задрожало пламя в газовых горелках. Однако он тут же вскочил и занял боевую стойку, выставив вперед правую ногу в остроконечном армейском сапоге. Глаза его метали молнии.

Сказать, что девушка с каштановыми волосами повисла у него на руке, было бы не правдой. И все же она схватила своего кавалера за руки, словно желая возобновить танец, и принялась утешать и увещевать его.

Чевииот ждал, глядя капитану Хогбену прямо в глаза.

И все-таки возобладали строгие правила этикета. Капитан Хогбен повел свою даму прочь. Остальные, поглощенные танцем, почти не заметили неприятного инцидента, лишь громко хихикнула какая-то девушка в сиреневом, да круглолицый Фредди Деббит выразил Чевииоту на ходу свое восхищение — он проплыл мимо, кружа в вальсе царственного вида брюнетку в розовом платье.

Чевиот, попятившись, вышел из залы. Закрыв дверь, он вытащил из кармана ключ и запер обе створки снаружи. Ключ он оставил в замке.

На лбу у него выступила испарина. Что за ерунда с ним творится? Неужели на него так подействовала атмосфера бала? А может, в глубине души его грызли и мучили сомнения относительно Флоры — и ее невинности?

Сама Флора, которая уже отошла от трупа, крикнула ему, и этот крик в пустой галерее показался оглушительным:

— Джек! Боже мой, что тебе понадобилось в зале? Нашел время!

Чевиот словно пробудился ото сна.

— Я запер их, — беззаботно объяснил он, не сводя взгляда с ясных и серьезных глаз Флоры. — Нельзя допускать, чтобы здесь толпился народ. А сейчас спокойно! Спешить не нужно.

— Какой ужас! — Золотая головка кивнула в сторону Маргарет Ренфру. Флора заломила руки. — Что делать?!

— Сейчас покажу.

Флора едва снова не закричала, когда Чевиот, опять оставляя их, поспешил к будуару леди Корк. Постучав, он повернул ручку — дверь отворилась с громким щелчком — и вошел.

Леди Корк дремала в кресле, рядом с почти погасшим камином; ее кружевной чепец обвис, рука сжимала набалдашник палки. Даже у попугая были закрыты глаза. Но, услышав щелчок замка, леди Корк дернулась и подняла голову.

— В чем дело, юноша? — осведомилась она, вставая. — Полно, нечего меня обманывать. Я не слепая. Так в чем дело?

— Мне жаль, но ваша племянница, мисс Ренфру...

— Никакая она мне не племянница! — презрительно перебила его леди Корк. — Да и вообще не родня. Так что она натворила?

— Ничего. Произошел несчастный случай. Откровенно говоря, она мертва.

— Мертва, — повторила леди Корк, помолчав. Чевиоту показалось, что старуха слегка побледнела. Потом она прищурилась. — Так вы сказали несчастный случай?

— Нет. Я просто употребил обычную полицейскую формулировку, желая немного смягчить удар. В нее выстрелили сзади; пуля попала в сердце. Она лежит в галерее. И мне, мадам, — Чевиот

посмотрел леди Корк в глаза, — понадобится ваша помощь. Будучи полицейским, я не могу допустить, чтобы в галерее толпился народ, пока не закончу осмотр. Не будете ли вы так добры и не поможете ли задержать ваших гостей в бальной зале? Можно произнести речь или объявить еще один танец — что хотите. Задержите их на десять — пятнадцать минут, не объясняя пока, что случилось. Пожалуйста, прошу вас, будьте так добры...

— Хорошо! — буркнула леди Корк, стукнув палкой по полу. — Я добра и такой буду. Там присутствуют с десятков почтенных матрон; они прибыли как дуэньи, и они мне помогут! — Она заторопилась к дверям, но на пороге остановилась и поджала губы. — Застрелили! — без выражения повторила она. — Кто? Ее любовник?

На сей раз на лице Чевииота не отразилось никаких чувств.

— Значит, у мисс Ренфру был любовник, леди Корк?

— Ха! Еще спрашивает! Конечно!

— Его имя?

— Откуда мне знать? Негодница держала язык за зубами. Но разве не было заметно по ее глазам?

— Да... я что-то заметил.

— Одновременно гордость и стыд, да? Обидчивость, злость, испуг — как бы кто не догадался... Чего уж тут не понять, румянилась и мазала губы... С другой стороны, она ведь не девочка — ей... был тридцать один год! Ха! Нынешняя молодежь всякий стыд потеряла!

По лицу старухи промелькнула темная тень, но что творилось в ее душе, Чевииоту было не понять.

— Я ее выкрутасов терпеть не могла. Пройдоха, хитрая пройдоха! Бог мой! Да неужто она решила, что я буду против? — Внезапно леди Корк издала каркающий звук — то ли смеялась, то ли кашляла. — В наше время, юноша, девицы считали за позор, коли к двадцати годам у них не было с полдюжины любовников. Хотите найти ухажера Пег — ищите его там, в бальной зале. Но она клялась и божилась, что у нее никого нет... И вот — умерла!

— Леди Корк!

Старуха обернулась с порога:

— Что?

— Подтвердите мои сомнения. Я почти с самого начала подозревал, что ваши драгоценности украла мисс Ренфру... По

крайней мере, вы считали ее воровкой.

Музыка прекратилась.

В старом душном особняке воцарилась тишина. Из бальной залы слышались аплодисменты, однако хлопали явно лишь из вежливости. Было очевидно, что усталые гости, мужчины и женщины, мечтают как следует поесть и выпить.

— Я прав, леди Корк? Вы подозревали мисс Ренфру?

— Юноша, юноша, поторопитесь! Разве вы глухой? Объявят ужин или нет, а сейчас гости понесутся вниз, как кони на водопой. Идите!

— Они никуда не понесутся. Я запер их.

— Бог мой! — проскрипела леди Корк, почти как ее попугай. Лицо ее исказилось, губы вытянулись в язвительной гримасе. — Вот как вы предполагали сохранить дело в тайне! Как по-вашему, обрадуются они, обнаружив, что их заперли?

— Ответьте мне, леди Корк!

— Молодой человек, вы что же, угрожаете мне?

— Нет, мадам. Но если вы не ответите, мне придется сделать вывод о том, что вы действительно подозреваете мисс Ренфру — и ведете себя соответственно.

Леди Корк изумленно воззрилась на него.

Чевиот был уверен, что лицо ее выдает правду. Он готов был поклясться, что она вот-вот ответит: «Да», однако неожиданно старуха передумала. Она шумно втянула носом воздух, повернула ручку — слышался щелчок — и вышла.

Отчаявшемуся Чевиоту оставалось только следовать за ней.

Леди Корк не удостоила взглядом ни Флору, ни мистера Хенли, которые застыли в тех же позах, в каких их покинул Чевиот. Некоторое время тучная, приземистая старуха, моргая, смотрела на тело Маргарет Ренфру.

— Бедняжка, — проворчала леди Корк и тут же поспешила к бальной зале. Она повернула ключ в замке, вошла и закрыла за собой двери. Невнятный гул голосов сменился журчанием, а потом вдруг раздался взрыв аплодисментов.

— Ну вот! — произнес Чевиот, обращаясь к Флоре. — Посмотрим, что можно сделать.

При обычных обстоятельствах он ни за что не позволил бы перемещать труп. Он велел мистеру Хенли перевернуть тело только

для того, чтобы отвлечь внимание старшего клерка и спрятать еще теплый пистолет, из которого недавно стреляли.

Однако то, что труп двигали, дела не меняло. Маргарет Ренфру сильно ударилась об пол. Очертания ее тела, включая положение рук и ног, отпечатались на пыльном ковре. Снова перекатив ее на живот, он без труда разместил ее так, как она лежала.

И тут Чевииот со всей ясностью осознал собственную беспомощность.

Тело нет возможности сфотографировать. У него нет ни мела, ни лупы, ни рулетки. Однако главное даже не отсутствие определенных предметов — их худо-бедно еще можно чем-то заменить.

В 1829 году не было ни одного эксперта-баллистика, способного с точностью сказать, что пуля выпущена именно из данного гладкоствольного оружия. Даже допустив, что Флора невиновна, а пистолет попал к ней вследствие несчастного стечения обстоятельств, он ни за что не определит, из какого пистолета стреляли.

Отпечатки пальцев, на которые Чевииот возлагал столько надежд, предлагая опыт полковнику Роуэну и мистеру Мейну, в данном случае также были более чем бесполезны: если не считать слуг, например Соланж, и себя самого, мистера Хенли и леди Корк, все остальные были в перчатках.

Преимущества, даруемые техническим прогрессом, таяли на глазах. Оставалось надеяться лишь на собственные мозги.

— Мистер Хенли! — Чевииот оглянулся, прикидывая расстояние на глаз. — В вашем бюваре, случайно, не найдется мела?

— Мела, мистер Чевииот? — изумился старший клерк, отступая на шаг. — Простите, сэр, на что вам мел?

— Чтобы очертить контуры тела. Мы не можем вечно держать труп здесь.

— А! — облегченно вздохнул мистер Хенли, радуясь, что слышит разумные слова. — У меня есть уголек... может, он сойдет?

— Да! Спасибо! Ковер достаточно светлый, рисунок будет виден. Если не возражаете, передайте мне ваш бювар. Я должен сам все измерить и зарисовать.

Целых десять минут мистер Хенли и Флора, которая находилась на грани истерики, наблюдали за его быстрыми, профессиональными действиями. Для измерения расстояний

Чевиот воспользовался собственным большим шелковым носовым платком. Он ползал по полу — от трупа к стене и назад. Голоса в бальной зале звучали все громче и громче. Чевиот снова испугался. Перо царапало по плохой бумаге; чернила оставляли кляксы. В 1829 году еще не изобрели промокательной бумаги, а о песке он попросту позабыл.

— По-моему, все, — наконец объявил Чевиот, возвращая клерку бювар и помахивая листом бумаги в воздухе, чтобы просушить чернила. — Мистер Хенли, очень не хочется утруждать вас, но вы прибыли верхом. Не могли бы вы съездить за врачом? Любым, но лучше хорошим.

— Мистер Чевиот! Дама мертва! Ни один врач не сумеет ее воскресить.

— Да. Но он сумеет вынуть пулю и скажет мне, откуда стреляли.

— П-простите, сэр...

— Послушайте меня! — потребовал Чевиот, глядя прямо в большие воловьи глаза мистера Хенли. — Мы с вами пришли к выводу, что леди Дрейтон не стреляла.

— Да! Верно.

— Далее вы заметили, — мягко продолжал Чевиот, — что никакого оружия у леди Дрейтон нет.

— Снова верно.

— Отлично. — Взглянуть на Флору он не осмеливался. — Но в галерее нет оружия. Я только что все обыскал. Далее, обратите внимание на положение тела мисс Ренфру. В нее стреляли сзади. Все произошло на наших глазах, мы это знаем. Как видите, она лежит на середине ковра, лицом к лестнице, на довольно значительном расстоянии от всех дверей, выходящих в галерею.

— Ага! Значит...

— Вероятно, одну из дверей быстро открыли и тут же снова закрыли.

— Но вы ведь сказали, что...

— Я помню, что я говорил. Мне до сих пор кажется, что ни одна дверь не открывалась. И тем не менее, если не допустить такой возможности, остается поверить в чудеса, магию или колдовство.

— Осторожнее, сэр! Осторожнее! Колдовство, возможно, и существует, хотя и говорят, что это враки.

Пропустив последнее замечание мимо ушей, Чевииот шагнул вперед.

— Вы спрашиваете, на что нужен врач? Извлекши пулю, врач может сказать, направлен был выстрел прямо или по диагонали. Если по диагонали, то откуда стреляли — справа или слева. Вы понимаете, насколько это важно? Мы узнаем, где стоял убийца.

— Ах-ах-ах! — прошептал мистер Хенли, распрямляя спину. — Сэр, прошу прощения. Теперь-то я понимаю: в полиции служить — не только пятерней махать да выбивать правду из воришек. Напрасно я отрывал вас от дела, мистер Чевииот, больше я ни секунды лишней не потрачу. Бегу за врачом! — И старший клерк, с достоинством склонив свою лысеющую голову, развернулся и заковылял к лестнице.

Чевииот некоторое время смотрел ему вслед.

Он помнил, что выражение «пятерней махать» в то время обозначало «работать кулаками». Он много читал, был более-менее в курсе тогдашнего политического положения и, в общем, разбирался в выражениях, присущих только что образованной столичной полиции, однако не испытывал иллюзий и понимал, что не сможет понять все тонкости старого жаргона.

Оставалось лишь с трудом продвигаться вперед, расследуя преступление, кренясь под тяжким бременем, которым нагрузили его случай и время.

Он нагнулся, подsunул руку под плечи Маргарет Ренфру, другой подхватил ее под колени и поднял.

— Флора! — отрывисто позвал он. — Нам надо куда-то ее перенести.

Флора собиралась что-то сказать, но передумала. С муфтой, болтающейся на правой руке, она побежала вперед и открыла дверь, ближайшую к лестнице.

Чевииот направился было туда, но остановился и обернулся.

Из бальной залы доносился все усиливающийся шум. Леди Корк не сможет удерживать гостей долго. Вряд ли кто-то из гостей, высыпавших в галерею, заглянет под основание лампы и найдет спрятанный там пистолет. И тем не менее...

Собрав все силы, не выпуская трупа, он одной рукой поднял лампу и вынул из-под нее маленький пистолет с золотой ромбовидной

пластинкой на деревянной рукоятке, на которой были выгравированы инициалы «А.Д.».

Сунуть пистолет в карман он не мог — пришлось бы опустить на пол труп. Он и так едва не выронил его; лицо мертвой женщины прижалось к его щеке, и он ощутил неприятный холодок.

Флора облизала пересохшие губы. Она была так же бледна, как и мертвая мисс Ренфру. Хотя ее густые золотые волосы не растрепались, она судорожно поднесла обе руки к ушам, словно поправляя прическу.

Чевиот быстро последовал за ней. За дверью оказалась столовая. По обоим концам длинного обеденного стола в стиле чиппендейл, отполированного до блеска, стояло по массивному серебряному канделябру на семь свечей. Свечи были зажжены давно, о чем говорили застывшие капельки белого воска. Огоньки трещали, отбрасывая тени на стены большой комнаты.

— Джек! Что ты делаешь?

— Кладу тело на стол. Сегодня здесь есть не будут. Запри дверь.

Опуская свою ношу лицом вверх на столешницу, между тусклыми и неверными огоньками, Чевиот услышал, как в замочной скважине повернулся еще один медный ключ. Замок защелкнулся сразу, как только Флора повернула ключ, — и ни секундой позже. И в тот же миг он услышал, как с треском распахнулись двойные двери бальной залы. Приглушенный гул достиг ушей Чевиота. Но слов невозможно было разобрать. Голоса гостей смещались в сторону лестницы.

Чевиот подошел к дальнему концу стола и посмотрел в лицо Флоре, прислонившейся спиной к двери. Казалось, зрелище лежащего на столе трупа причиняло ей нечеловеческие страдания; нервы ее были на пределе. И все же она пыталась держать спину прямо — и вопреки своей слабости.

Он сделал то, что должен был сделать. Глядя на нее поверх стола, не выпуская из рук пистолета, Чевиот негромко произнес:

— Итак, Флора...

Глава 7

«Как сильно я тебя люблю!...»

Флора отпрянула:

— Итак... что?

— Я должен кое о чем тебя спросить, дорогая... Погоди! — Чевииот протянул к ней руку, не давая ответить. Голова его болела, к горлу подкатила тошнота. — Не забудь, пожалуйста, что я защищал тебя. Я ни за что — никогда в жизни — не напомнил бы тебе об этом, Флора, если бы не хотел доказать, что мне можно доверять... Флора, в прошлом мы с тобой были любовниками.

— Джек! Бога ради! Не говори так! А если нас подслушают?!

— Ну хорошо. Только выслушай меня, — не сдавался он. — И ради бога, не думай, будто я сошел с ума или пьян. — В глазах Флоры загорелось любопытство. — Когда я впервые увидел тебя сегодня вечером — в карете, у Грейт-Скотленд-Ярда, — что я сделал?

— Джек!

— Что... я... сделал?

Флора дернула головой и чуть отвернулась.

— Ты... обнял меня, положил голову мне на колени и... говорил много разного вздора... А еще назвал меня картинкой из книжки.

— Да. Так мне тогда и показалось.

— П-показалось? — Флора явно не желала на него смотреть.

В голове Чевииота живо предстал фолиант из Музея Виктории и Альберта и в нем ярко раскрашенная иллюстрация: «Леди Флора Дрейтон, вдова сэра Артура Дрейтона, кавалера ордена Бани. Фуркье, 1827 год».

— Флора, я не дамский угодник. Я ни за что не посмел бы прикоснуться к посторонней женщине, если бы в глубине души не знал, что для меня она вовсе не посторонняя.

— Я для тебя посторонняя?

— Я этого не говорил. Весь вечер во мне крепло убеждение... Где-то, возможно в другой жизни, мы с тобой были так же близки, как близки сегодня. — Чевииот энергично рубанул воздух рукой. — Вот и все, — отрывисто заключил он. — Я признался тебе только потому, что

хочу объяснить и тебе, и себе самому, почему я поступил так, как поступил. Только не лги мне. Вот пистолет. — Он протянул ей руку. — Откуда он у тебя?

Флора, очевидно, пережила за один вечер слишком много. Его новый отрывистый тон, резкий, как удар хлыста, довел ее до изнеможения. Она словно окаменела и даже перестала дрожать.

— Повторяю, откуда он у тебя?

— Он... принадлежал моему мужу.

— Вот почему на золотом ромбе инициалы «А.Д.»?

— Д-да!

— Зачем ты сегодня взяла его с собой?

Флора изумилась до крайности; такое изумление, подумал он, невозможно симулировать.

— Я вовсе не брала его с собой!

— Слушай, моя дорогая, — ласково начал он. — Другие женщины, возможно, тоже приехали на танцы с муфтами. Но ни одна из них не отправилась с муфтой в зал. Почему ты не отдала свою лакею внизу?

Он почувствовал, что спросил о чем-то настолько очевидном, настолько простом, что женщина не может подобрать в ответ нужных слов.

Флора швырнула муфту на чиппендейловский стул. Затем протянула к нему правую руку, показывая на разъехавшийся шов — от локтя до запястья. Губы ее беззвучно шевелились; заговорила она не сразу.

— Пока я ждала тебя в карете, пока ты был у полковника Роуэна и мистера Мейна, я надела эти перчатки. И тут... разошелся шов. И я спрятала правую руку. Узнав, что мы едем к леди Корк, я просто обязана была надеть муфту! Неужели ты не заметил, что я протянула Фредди Деббиту левую руку? И список украшений я тоже передала тебе левой рукой! А правую я все время старалась спрятать.

Чевиот посмотрел на нее в упор.

— И все? — удивился он.

— Все?! — изумленно повторила Флора второй раз за ночь. — Все?!

— Муфта не была тебе нужна, скажем, для того, чтобы прятать в ней пистолет?

— Боже мой, нет!

— Столько волнений из-за разъехавшегося шва?! Разве нельзя было оставить все как есть или просто, войдя в дом, снять перчатки?

Флора посмотрела на Чевиота с выражением, похожим на ужас.

— Появиться в бальной зале в рваной перчатке?! Или, еще хуже, показаться вообще без перчаток?!

— Ну и что...

— Конечно, если бы ты станцевал со мной, как я просила, твоя левая рука накрыла бы дыру на перчатке, и никто ничего не заметил бы. Но что потом? — Флора повысила голос до крика. — Ах, милый, что на тебя нашло?

Молчание. Чевиот отвернулся.

Догорающие свечи плевались и шипели. В их слабых огоньках мерцали птичьи клетки, накрытые накидками; их обитатели, которых леди Корк называла «ужасно экзотическими и замечательными», затихли. Чевиот мог только гадать, как выглядит столовая при ярком освещении, когда со стен на обедающих смотрят портреты, а на столе сверкает столовое серебро.

От тусклого, неверного света ему стало не по себе. Даже Флора была в нем похожа на привидение. Вдруг он с содроганием вспомнил, что беседует с женщиной из прошлого века, из эпохи, в которой правила поведения в обществе считались незыблемыми, как римское право.

Когда он снова повернулся к ней, оба они некоторое время непонимающе взирали друг на друга.

— Ты мне не веришь? — досадливо спросила Флора.

— Нет! Я тебе верю, — искренне ответил он. — Но как тогда этот пистолет сюда попал?

— Она взяла его на время. — Флора метнула мимолетный взгляд на тело, лежащее на столе, и тут же отвернулась. — Больше двух недель тому назад.

— Мисс Ренфру взяла пистолет на время? Зачем?

— Сказала, что для леди Корк. Ты ведь не забыл, как все боялись грабежей, когда почти с месяц назад неподалеку ограбили три дома?

— Я... н-нет.

— Эта отвратительная женщина сказала, что леди Корк ничего не боится. Но в доме, кроме слуг, мужчин нет; и если возникнет нужда,

леди Корк сумеет за себя постоять. Я в таких вещах ничего не понимаю; я их ненавижу! Но Мириам обнаружила пистолет среди вещей Артура, в его спальне. Там еще была... сумка с патронами, и пороховница, и маленький шомпол. И эта ужасная женщина все забрала. И вот теперь... она умерла.

— Флора, я никак не возьму в толк...

— Ты мне не веришь!

— Да нет же, верю. Просто я не могу понять, как пистолет оказался у тебя в муфте и выпал сразу после...

— Мой милый, любимый, так ведь ее застрелили... вовсе не из моего пистолета!

— Почему?

— Потому что из него стреляли задолго до того, как она умерла. Из него выстрелили перед тем, как я его нашла.

— Что?

— Я нашла его в галерее. Я не лгу! — Собравшись с духом, Флора взмолилась: — Джек, не сердись на меня! Мне столько всего пришлось перенести! Я расскажу тебе все, что ты захочешь. — Она повысила голос. — Но как ужасно беседовать рядом... с этой женщиной! У нее открыты глаза и рот, как будто она хочет укусить.

Ослепленная слезами, Флора побежала к двери. Ключа она не заметила и беспомощно замолотила по филенке кулаком.

Не говоря ни слова, Чевиот нагнал свою возлюбленную. Переложив пистолет в левую руку, он обнял ее. Флора, хотя она еще рыдала, начала успокаиваться и положила голову ему на плечо.

— Я не подумал, — признался он. — В галерее сейчас никого нет. Мы можем пойти в будуар леди Корк. Только тихо!

Суперинтендент отпер дверь. Они выскользнули в галерею, где Флора тут же отпрянула от него. Чевиот запер комнату снаружи и спрятал ключ в карман.

Тут произошла неожиданная встреча.

По лестнице поднялась девушка, которую он где-то видел, причем совсем недавно. Она несла обеими руками — довольно неуклюже — большое блюдо с холодными закусками и бокалом шампанского. Шелковое платье девушки было синего цвета, широкие юбки развевались при ходьбе. В ее густые светло-каштановые волосы были вплетены незабудки. Когда она испуганно подняла глаза — светло-

карие, широко расставленные глаза над вздернутым носом и широким ртом, — он ее узнал. Она танцевала с надменным капитаном Хогбеном в бальной зале. Это была девушка, которая...

Девушка явно не ожидала увидеть здесь Флору и остановилась. Флора резко отвернулась.

— Вас не было внизу, — выпалила девушка в синем, — вот я и решила принести вам...

Она посмотрела на блюдо и бокал; руки у нее задрожали, и немного шампанского выплеснулось.

— Папа говорит, я слишком много болтаю, и он прав... но я никому не собиралась навязываться... О господи! — выпалила девушка на одном дыхании. Потом протянула Чевиоту блюдо и бокал, и он вынужден был взять их, хотя и не собирался.

— Вы очень добры, мисс...

Времени на то, чтобы отвечать на ее книксен вежливым поклоном, не оставалось.

— Вы забыли меня... — выпалила девушка. — О боже! Хьюго Хогбен будет в ярости! — С этими словами она круто повернулась на каблуках и побежала вниз по лестнице. Ее каштановые локоны развевались на бегу.

Чевиот крепко держал обеими руками блюдо с холодными закусками и шампанским, одновременно сжимая пистолет. Он задумчиво смотрел на лестницу.

Девушка испугалась, увидев Флору. Вероятно, у мужчин не было в обычае в открытую носить огнестрельное оружие на балах. И все же она вначале посмотрела прямо на пистолет; однако никакого удивления не выказала.

Абсолютно никакого удивления!

Возможно, Чевиот утрировал события в силу профессионального инстинкта. Возможно, он искал скрытый смысл там, где его вовсе не было. Ему хотелось все как следует обдумать в будуаре леди Корк.

Но такой возможности не было, ибо Флора набросилась на него в тот же миг, как девушка в синем скрылась из глаз. В гневе она показалась ему еще красивее.

— Ты что, нарочно? — спросила Флора сдавленным голосом.

— Нарочно что?

— Как будто сам не знаешь!

— Флора, ради бога, о чем ты?

— Ты хочешь, чтобы я ревновала? И жалишь, и ранишь меня снова и снова!

— Я не пони...

— «Не дамский угодник»! — передразнила она его, распаяясь. — Конечно! Возможно, ты не бросаешь томные взгляды, и не вышагиваешь важно, как птица, и не душишь бакенбарды, как некоторые, — допустим. Но как же твоя репутация, скажи на милость? Взять хотя бы покойницу, ужасную Ренфру. А теперь малышка Луиза Тримейн... Подумать только!

— Девушка в синем? Значит, ее зовут Луизой Тримейн? От такого откровенного бесстыдства Флора потеряла дар речи. Она что было силы ударила Чевииота по лицу. Удар был несильный, но звонкий; щеку словно огнем ожгло.

Чевииот не сдвинулся с места. В нем зародилась смутная, но жгучая ревность к ее покойному мужу, совершенно неизвестному лорду Дрейтону; ему вдруг захотелось залепить Флоре ответную пощечину. Если бы у него не были заняты обе руки, возможно, он ее и ударил бы. Флора поняла это по его глазам и испугалась.

— Я уже говорил тебе однажды, — произнес он с напускным спокойствием, — что до сегодняшнего вечера я ни разу не видел мисс Ренфру. С чего ты взяла, что я тебя обманываю?

Флора пропустила его вопрос мимо ушей.

— Будь она проклята! — воскликнула Флора, топнув ногой. — Будь она проклята и пусть горит в аду!

Даже такие, относительно невинные, выражения, произнесенные милым голоском, звучали неуместно, как будто Флора отпустила ужасное ругательство. А она тем временем продолжала:

— Джек, сколько тебе лет? Впрочем, я и сама знаю. Но сколько тебе лет?

— Тридцать девять.

— А мне тридцать один! — объявила Флора так, словно была пожилой женщиной или древней старухой. Постепенно, однако, гнев ее сходил на нет. — Неужели ты не видел, как Луиза на тебя пялилась — там, на лестнице, когда мимо нее пробежали глупые молокососы? Она посмотрела прямо на тебя и сказала...

— Нет, она...

Оба заговорили одновременно. В голове у Чевииота мелькнула мысль, которая могла бы оказаться ему полезной, однако она потонула в буре эмоций.

— Я никогда тебе не изменяла, — продолжала Флора. — В конце концов, мы с тобой... К чему скрывать или притворяться, будто между нами ничего не было! Ни один мужчина никогда... — Она замолчала; просто не могла не подразнить и не уколоть его насмешливой, вызывающей улыбкой. — Кроме, конечно, моего мужа!

— Тогда будь он проклят и пусть горит в аду!

— Джек! — В голосе Флоры слышались притворное удивление и скрытое удовольствие. — Уж не ревнуешь ли ты к Артуру?

— Если хочешь знать, то да!

— Какая нелепость, милый! Он...

— Спасибо, я ничего не желаю о нем слышать!

Над их головами послышался нечеловеческий хохот.

— Ха-ха-ха! — прохрипел попугай, сидящий на жердочке за спиной у Флоры. Его разноцветный хохолок встал дыбом, как чертик из табакерки; попугай подскакивал на месте и хлопал крыльями, пытаясь взлететь.

Чевииот вспомнил, где находится: в розовом будуаре, и ему предстоит расследовать преступление. Но рядом с ним — вечная Ева, которая обвивает его шею руками и отвлекает от дел. Он поставил блюдо и бокал на черепаховый столик рядом с креслом леди Корк. Но пистолет не выпустил, лишь переложил его в правую руку. Палец он по-прежнему держал на спусковом крючке. Огонь в камине догорел. В комнате стало холодно.

— Флора, это надо прекратить.

— Что именно?

— Не притворяйся. Ты все прекрасно понимаешь. Сядь сюда!

Флора села в кресло, вцепившись пальцами в подлокотники.

— Ах, Джек, неужели мы должны...

— Да. Должны. Ты говоришь, что мисс Ренфру одолжила пистолет от имени леди Корк две недели назад. Ты видела пистолет или слышала что-либо о нем за прошедшие две недели?

— Господи, конечно нет! Да я вообще видела его всего два или три раза в жизни.

— Сегодня, по твоим словам, ты нашла его в галерее. Когда и где?

— Когда ты сам, — обиженно ответила Флора, подчеркнув слово «ты», — послал меня к Соланж, чтобы раздобыть список драгоценностей Марии Корк. Соланж очень умна; она помнит их все до одной; однако горничная неграмотная, так что писать список пришлось мне. Потом я вернулась и вручила список тебе, не заходя в будуар. Разве ты не помнишь?

— Да. А потом?

Флора вскинула руки, но снова вцепилась в подлокотники кресла.

— Потом я сидела на одном из стульев у столика и ждала тебя. Точно как мне было приказано!

— На каком стуле? У какого столика?

— Ах, откуда мне знать? Нет, погоди, помню! Я сидела рядом со столиком, куда ты потом... спрятал пистолет под лампу.

— Отлично! Дальше!

— Делать мне было нечего, как только думать и ломать голову над разными вопросами — и все из-за тебя. Я не дура и не пустомеля, ты ведь знаешь. Ты рассуждал только о смешном птичьем корме; но ты с самого начала предчувствовал дурное и заранее волновался. Ты задавал вопросы о деньгах, драгоценностях и ворах. Ты приказал мне добыть список украшений, но не сказал, зачем он тебе понадобился. Милый, я поняла: случилось что-то ужасное — или вскоре случится!

— Продолжай!

— Хорошо! Потом я посмотрела на ковер и заглянула под стол. Там что-то блеснуло. Как будто золото. Я подумала, что туда, может быть, упало одно из украшений. Я нагнулась и увидела, что там...

— Ты узнала пистолет?

— Да! Боже мой, конечно! Ведь на пластинке выгравированы инициалы Артура!

— Что ты сделала потом?

— Я не осмелилась дотронуться до него. Я боялась, что он заряжен и может выстрелить. Я вытолкнула его из-под стола ногой.

— А потом?

— Увидела, что из него стреляли. Взгляни-ка! Курок спущен. Рядом с ним следы пепла и бумаги. Ведь это называется «капсюль», да? И я поняла, что из пистолета стреляли и он безопасен.

— И что ты сделала?

Флора скрестила руки на груди и посмотрела на Чевюта.

— Я подняла его, — звонко ответила она, — и спрятала за подкладку муфты.

— Зачем?

— Я...

Голос ее, до сих пор такой нежный и звонкий, замер; губы задрожали. Она опустила голову, посмотрела на ковер в розовых и зеленых цветах и задумалась.

— Зачем, Флора? Сколько осложнений из-за пистолета! Нет, погоди! Как именно ты подняла пистолет? Можешь мне показать? Если боишься его трогать, я не стану тебя принуждать.

Она снова подняла на него глаза.

— Нет, разумеется, я не боюсь его трогать!

— Тогда покажи.

Он протянул ей пистолет, предварительно поставив его на предохранитель. Флора ухватилась за ствол, потом ее пальцы осторожно переползли на деревянное ложе. Подержав оружие с секунду, она выпустила его.

— Спасибо, Флора. Когда ты его так держала, был ли ствол теплым?

— Теплым? Нет. По крайней мере, я не чувствовала через перчатку. — Хотя мыслей Чевииота Флора читать не умела, казалось, она чувствовала все смены его настроения. — Джек! В чем дело?

— Ни в чем. Потом ты положила пистолет в муфту?

— Да. И держала его обеими руками.

— За сколько времени до убийства ты его спрятала?

— Господи, ну откуда мне знать? Я словно обезумела тогда. Оказывается, в доме, где не все ладно, кто-то стрелял из пистолета. Я словно оцепенела. Возможно, прошло несколько минут — не помню. Помню только, что...

— Что?

— Что я вскочила и осталась там стоять. Мне показалось, я не могу сдвинуться с места. Потом услышала, как щелкнул замок будуара — он всегда щелкает. Я не оборачивалась; мне не хотелось, чтобы кто-нибудь увидел мое лицо. Потом ты сказал что-то вроде: «Она не говорит правды» или «всей правды»; за точность не ручаюсь. Я решила, что ты имеешь в виду меня.

— Ты решила... что?

Флора остановила его взмахом руки.

— У меня задрожали колени, я вся задрожала, с головы до ног. Я словно приросла к месту. Из спальни Марии Корк вышла противная Ренфру и направилась в бальную залу. Но потом она передумала и пошла к лестнице. Мисс Ренфру была впереди и левее меня. Я почувствовала, как у моего плеча что-то тихо просвистело — словно легкий порыв ветра. Она прошла еще немного и упала лицом вниз. Больше я ничего сказать не могу.

— И все же...

— Прошу тебя, милый!

— Флора, я обязан спросить, но только между нами: почему? Во-первых, почему ты спрятала пистолет?

Флора вздернула круглый подбородок. Глаза ее были глубокими и серьезными, длинные черные ресницы не шелохнулись.

— Потому что непременно решили бы, что во всем виновата я.

— Не понимаю...

— При жизни Артура, — продолжала она с чувством, — если что-то шло не так, виноватой оказывалась я. Или меня в чем-то подозревали. Сейчас бедняга мертв — прошло уже два года, — но все стало еще хуже. Я шагу не могу ступить, чтобы обо мне не думали и не говорили самое худшее. Я не тщеславна, Джек, и знаю, что я не уродина и не неряха. Но разве в том есть моя вина? Однако я не имею права показаться на скачках в собственной карете. Не могу ни улыбнуться, ни даже кивнуть ни одному мужчине, чтобы на меня тут же не начали глазеть и перешептываться. «Ага!» — говорят сплетники. Все считают, будто я низко пала. — Внезапно Флора протянула руку и снова прикоснулась к пистолету. — Он принадлежит мне, — объявила она. — Во всяком случае, он принадлежал Артуру, что одно и то же. Прежде чем произошло... убийство, когда все только намекали на воров, драгоценности и интриги, кто-то выстрелил из принадлежащего мне оружия. И первым моим порывом было убрать, спрятать, скрыть его, прежде чем меня в чем-то заподозрят. Может быть, тебе кажется, что я говорю глупости? Возможно, так и есть. Но неужели ты не понимаешь?

Флора замолчала.

Чевиот кивнул. Он положил руку ей на плечо, и она прильнула к ней щекой; пропасть между ними была преодолена. Потом Чевиот

отступил и стал рассеянно разглядывать розовые стены, сплошь увешанные картинами и миниатюрами.

Да, возможно, рассказ Флоры — чистая правда от первого до последнего слова.

Рассудок напомнил ему, как обвинитель способен глумиться над подобным рассказом. «Итак, господа! Рассказ слабоват. Можно ли верить...» — и так далее. Однако Чевииот, в чьи обязанности входило проверять надежность свидетелей и угадывать скрытую ложь, чувствовал, что слова Флоры дышат истинной убежденностью.

Попугай, молча сидевший на жердочке, сначала оглядел их одним хитрым глазом, затем изогнул шею, пытаясь рассмотреть другим.

Если попугай снова захохочет, подумал Чевииот, придется свернуть проклятой птице шею. А пока...

— Флора, так ты утверждаешь, что оба выстрела были произведены в галерее?

— Милый, я ничего не утверждаю. Я рассказала, что случилось.

Чевииот стиснул зубы.

— Вынужден кое-что тебе сообщить. Когда я поднял пистолет с ковра и спрятал его под лампу, ствол был еще теплый.

— Теплый? Теплый?! — переспросила она, помолчав. — Конечно, он был теплый! Ведь он находился в муфте, под шелковой подкладкой, да к тому же я держала его обеими руками довольно долго — минуты шли, и шли, и шли... — Она запнулась и посмотрела на него с подозрением. — Ты что... все еще не веришь мне?

— Верю. Больше тебе не стоит волноваться. Флора закрыла глаза.

— А сейчас, — отрывисто продолжал он, — ты должна ехать домой. Ты очень расстроена; в таком состоянии тебе ни с кем нельзя разговаривать. Лакей распорядится подать тебе карету.

— Да, да, да! — воскликнула Флора. — И ты поедешь со мной! Ведь поедешь? — Она замолчала.

— Нет! Не могу.

— Почему же?

— Убийство больше нельзя сохранять в тайне. Его нельзя скрывать. Наоборот, я должен допросить всех гостей и слуг.

— Да, да! Понимаю. А потом?

— Ты хоть представляешь, сколько здесь народу? Допрос займет всю ночь.

— А! Да... наверное.

— Ради бога, Флора, неужели ты не понимаешь, что я не могу ехать?

Она отодвинулась; он потянулся к ней. Но Флора быстрым и грациозным движением танцовщицы увернулась и пошла к двери. На пороге она обернулась, гордо вскинув подбородок, расправив плечи, и заявила:

— Я тебе не нужна.

— Флора, ты с ума сошла! Ты нужна мне больше всех на свете!

— Я тебе не нужна, — повторила женщина, повышая голос. В глазах ее стояли слезы — не от злости, а, скорее, от упрека. — Раз ты не можешь остаться со мной, когда ты мне так нужен, значит, другого объяснения не существует. Отлично! Развлекайся с Луизой Тримейн. Но если ты не побеспокоишься сейчас, потом не трудись являться ко мне. Спокойной ночи, Джек, прощай...

И она ушла.

Глава 8

Толки в кофейне

Рассвет.

Солнце уже давно встало на сером и холодном октябрьском небе, когда суперинтендент Чевиот, наконец, покинул дом номер шесть по Нью-Берлингтон-стрит. Там сустились слуги, наводя порядок после беспокойной ночи.

Чевиот давно миновал точку усталости. К нему пришло второе дыхание, когда кажется, что голова ясная, а мысли четкие; однако это заблуждение. Он был взволнован и подавлен.

Он попытался выбросить из головы то, что случилось, когда допрашивал толпу гостей. Такое унижение не скоро забывается. Его, скорее всего, выставили бы из особняка, если бы не помощь леди Корк, юного Фредди Деббита и той самой Луизы Тримейн, к которой его безо всяких оснований ревновала Флора.

Флора...

Ах, проклятие!

Разумеется, приступ гнева Флоры можно объяснить ее переутомлением и крайним возбуждением.

В кармане Чевиота, тщательно завернутая в бумажку, лежала пуля, убившая Маргарет Ренфру. Любопытную улику, касающуюся в основном леди Дрейтон, добыл хирург, которого привез мистер Хенли вскоре после отъезда Флоры.

Чевиот никак не мог забыть той сцены. Дело происходило в столовой. В серебряных канделябрах горели новые восковые свечи, а тело убитой женщины перевернули набок, чтобы врач его осмотрел. Хирург, мистер Даниэль Сларк, оказался низкорослым, энергичным человеком средних лет, с серьезным и умным лицом профессионала. Он водрузил на стол сумку, точнее, обыкновенный ковровый саквояж. Внутри звякнули инструменты. Осмотрев рану, хирург поджал губы, покачал головой и сказал:

— Гм... да! Гм... да!

— Прежде чем вы приступите, мистер Сларк, — обратился к нему Чевиот, — могу ли я попросить вас об одном личном и тайном

одолжении?

Маленький хирург извлек из саквояжа зонд и хирургические ножницы; его инструменты, надо отметить, не блистали чистотой.

— Можете, сэр, — ответил он, бросая на Чевииота зловещий взгляд.

— Полагаю, мистер Сларк, вы человек, умудренный жизненным опытом...

Хирург сразу стал дружелюбнее.

— Даже в наших научных занятиях, сэр, — важно заявил он, подмигивая левым глазом, — мы приобретаем мало опыта. О да, сэр. Очень мало!

— Значит ли для вас что-нибудь имя Вулкан?

Мистер Сларк положил инструменты и почесал черные бакенбарды.

— Вулкан... — повторил он без всякого выражения. — Вулкан.

— Да. Может, он ростовщик? Ссужает деньги под залог?

— Прекратите! — отрывисто бросил мистер Сларк, сурово хмуря брови. — Насколько я понимаю, вы тоже человек, умудренный жизненным опытом. И вы, суперинтендент наших новых правоохранительных органов, уверяете меня, будто не знаете Вулкана!

— Нет. Клянусь, не знаю!

Мистер Сларк пристально посмотрел на Чевииота, затем огляделся. Они были одни. Чевииот, решив, что сам разберется с делом, отправил старшего клерка домой. Ему снова показалось, будто мистер Сларк ему подмигнул.

— Ну хорошо! — пробормотал врач. — Охотно верю: органы правопорядка тоже бывают слепы — если захотят. Я слышал (повторяю, только слышал!), что в окрестностях Сент-Джеймс-стрит находится около тридцати модных игорных домов...

— Вот как!

— И заведение Вулкана, возможно — повторяю, возможно! — в их числе. Если захотите сыграть в «красное и черное» или на роли-поли...

— Что такое «роли-поли»?

— Чтоб тебя! Молодой человек! Официально это называется «рулеткой». Название французское, и сама игра тоже. Неужели мне нужно рассказывать вам, как в нее играть?

— Нет, я знаю, как играют в рулетку... то есть роли-поли. Значит, если клиенту не хватает денег, чтобы отыграть, он всегда может найти их, заложив или продав какую-нибудь драгоценность?

— Так часто делают, — подтвердил мистер Сларк. — Но... извините меня, это меня не касается. Где мои ножницы? Боже, боже! Что я сделал с ножницами?

Ножницы, щелкнув, разрезали материю. Ни нижнего белья, ни корсета под платьем не оказалось. Мистер Сларк прошел рану зондом. Затем вырезал пулю — грубо, но быстро — ножом, который также не мешало бы продезинфицировать. Пулю он извлек щипцами, стер с нее кровь платком, извлеченным из кармана, и передал Чевииоту:

— Хотите сохранить? Что ж! Полагаю, приходской коронер не станет возражать, когда я ему расскажу. Тело увезут завтра. А пока, что касается направления раны...

Все было кончено достаточно быстро. Судя по тому, что сообщил врач, и сравнив пулю с пистолетом сэра Артура Дрейтона, Чевииот уверился в одном. Флора совершенно невиновна. Если потребует, он сумеет доказать ее невиновность. Пуля, извлеченная из сердца жертвы, хоть и маленькая, оказалась велика для пистолета покойного сэра Артура Дрейтона. Очевидно, слой копоти смылся кровью; пуля не задела кость и не расплющилась; она выглядела серым свинцовым шариком, который можно покатать по столу.

Правда, новая улика не проливала свет на происшедшее. Чевииот был вне себя. Он кипятился, сочиняя подробный рапорт. На его составление ушло почти три часа; ему пришлось поломать голову и исписать мелким почерком девять листов писчей бумаги стандартного размера. Он вручил лакею солидные чаевые с тем, чтобы тот к утру доставил рапорт в Грейт-Скотленд-Ярд в собственные руки полковника Роуэна и мистера Мейна.

— Что-то здесь не так, — бормотал Чевииот, составляя рапорт. — Тайна скрыта где-то у меня под носом. Только я ее не вижу.

Но Флора невиновна!

В таком-то вот состоянии — сам Чевииот считал, что находится в трезвом уме, — он покинул дом леди Корк и с наслаждением вдохнул свежий воздух. Его до сих пор терзали муки совести. Впервые в жизни он сознательно солгал — точнее, утаил правду. Он мало писал о Флоре, только упомянул о ней как об одной из свидетельниц и вкратце

процитировал самую важную часть ее показаний. О пистолете, который теперь оттягивал его брючный карман, он даже не упомянул; в конце концов, кто бы ни стрелял из него, он никого не убил. Чевиот просто указал, что никакого оружия он не нашел. С рапортом покончено, и отозвать его назад нельзя.

Кожа Чевиота покрылась гусиной кожей — и не от утренней пролады. Он представил, что было бы с ним, если бы кто-то увидел, как он поднимает пистолет с ковра и прячет его под лампу. К счастью, говорил он себе, никто его не видел.

«Забудь о деле хотя бы ненадолго! Смотри, куда идешь!»

Без четверти восемь утра на Нью-Берлингтон-стрит еще горели газовые фонари. Из всех труб шел дым, исчезая в тусклом небе; тротуар покрывал жирный слой грязи, смешанной с копотью. Но все дома, построенные из красного кирпича или белого камня, выглядели чистенькими, аккуратными и красивыми. На почти всех дверях висели блестящие медные таблички с выгравированной фамилией владельца.

«Я забыл, — думал Чевиот, — хотя все, что мне надо, имеется в книге Уитли. Ах, чего бы я сейчас не дал за трехтомник „Топографии“ Уитли! А еще...»

Да. Свернув направо, на Нью-Берлингтон-стрит, потом налево, на улицу, которая тогда называлась Севиль-стрит, и снова направо, на Клиффорд-стрит, он увидел, что таблички с названиями улиц, прикрепленные к углам домов, — тоже медные.

Вдоль мостовой тянулись двойные ряды газовых фонарей. Если он действительно живет в «Олбани», как говорил полковник Роуэн, то идет домой кратчайшим путем. На Бонд-стрит на него обрушились городские шум и суета.

Большинство витрин были желтыми от газового света. Дворники подметали улицы, разгребая грязь тяжелыми метлами. Вот промелькнула красная куртка почтальона. Но больше всего бросались в глаза бледные, сморщенные лица бедняков, у которых не было работы и которым нечем было заняться. Они шмыгали мимо или смотрели невидящими глазами в витрины магазинов, увешанные китайскими шальями из золотой парчи, пестрыми шелковыми тюрбанами, которые на французском языке объявлялись самыми модными в сезоне дамскими головными уборами.

Свернув на Пикадилли, Чевииот оказался у отеля. Рядом он увидел вывеску «Кофейня» и понял, что ужасно проголодался.

Пока Чевииот топтался на пороге, не решаясь войти, лавочник по соседству — витиеватая вывеска извещала о том, что у него оружейная лавка, — отпирал помещение. Оружейник, пожилой человек с серебряной сединой и без бакенбардов, искоса глянул на него, а затем посмотрел внимательнее.

Чевииот торопливо шагнул через порог. Толстый ковер приглушал шаги; по потолку тянулись позолоченные карнизы. По обе стороны в ряд располагались отдельные кабинки со столами. Огромное зеркало на противоположной стене в полный рост отразило его собственный образ. В боковом зеркале над камином слева он увидел двух джентльменов, которые завтракали в кабинке напротив и о чем-то спорили — тихо, но бурно. Оба завтракали в головных уборах, поэтому Чевииот тоже не снял шляпу и сел за столик ближайшей к нему кабинки.

На столе валялась маленькая измятая газета. Рядом лежало меню и стоял стаканчик с зубочистками. Чевииот схватил газету и посмотрел на дату. 30 октября 1829 года!

Газовые светильники в медных рожках горели желто-синим светом. Помимо тихих, но взволнованных голосов двух мужчин в дальней кабинке, до него не доносилось ни звука. Один отчетливо произнес:

— Долой «гнилые местечки»! Реформа, сэръ! Право голоса для каждого домовладельца!

Второй ответил:

— Только никакого либерализма! Ради бога, сэръ, никаких либеральных виговских штучек!

Чевииоту ужасно хотелось расспросить обо всем Флору. Но если не считать того, что он не знал, где она живет, Флора, скорее всего, возмутится и даже ужаснется его неприличному поступку, если он заявит к ней в восемь утра. Сам не зная почему, он был уверен в том, что Флоре, пусть даже и неосознанно, известно, зачем он вдруг перенесся в девятнадцатый век.

Время небеспричинно сыграло с ним шутку. Провалившись во временную дыру, он не превратился в собственного предка — в этом Чевииот был твердо уверен. Его деды и прадеды были сельскими

сквайрами и жили к юго-западу от Лондона. Никто из его пращуров на протяжении восьми или девяти поколений в Лондоне не жил. Тем не менее здесь все узнают и принимают его. Леди Корк называла его «сыном Джорджа Чевииота». Но его отца звали... Как?

Чевииот не мог вспомнить. Он выпрямился и крепче сжал в руках газету. Просто глупость какая-то!

Еще вчера вечером память у него была прекрасной. Он по-прежнему видит так же ясно, как и мятую газету перед собой, страницы учебника, по которому их учили в полицейском колледже, и прекрасно помнит раздел, посвященный гладкоствольному стрелковому оружию. Некоторые из курсантов насмеялись над разделом и не трудились его учить — в результате провалились на экзамене.

Перед его мысленным взором проплыли лица отца и матери. Вот простой вопрос: какова девичья фамилия матери? Он забыл.

— Что желаете, сэр? — спросил голос сбоку.

Тон был самый что ни на есть обычный, однако Чевииоту показалось, будто прогремел гром. Он поднял голову и оглядел официанта в фартуке.

— Что желаете, сэр? — повторил официант.

Чевииот заказал яичницу, окорок, тост и крепкий черный чай. Когда официант ушел, он вытер пот со лба. Кажется, память все больше и больше изменяет ему — как будто прошлое постепенно погружается в воду. Возможно ли, чтобы за несколько часов, дней или недель воды забвения сомкнулись над его воспоминаниями и он сам тоже утонул?

Чевииот закрыл глаза. В прежней жизни он жил... в квартире неподалеку от Бейкер-стрит. Уже хорошо! Адрес, номер квартиры? Чевииот напрягся, пытаясь вспомнить. Он холостяк или женат? Уж разумеется, такие вещи надо помнить. Да! Он был...

— Джек, старина! Привет! — послышался радостный, но какой-то слабый голос.

Рядом с его кабинкой, пошатываясь, стоял молодой Фредди Деббит — все же он успел основательно протрезветь.

— Так я и думал, — заявил Фредди, плюхаясь напротив, — что найду тебя здесь. Ты ведь всегда здесь завтракаешь.

Высокая бобровая шляпа Фредди со сбившимся ворсом была лихо сдвинута набок. Носик пуговкой покраснел, круглое лицо было бледным после бессонной ночи, а воротник, шейный платок и рубашка мятыми и грязными.

Чевиот в панике закрыл глаза.

— Где ты был, Фредди? — с горечью спросил он. — Разве ты... м-м-м... не исчез с остальными?

Фредди шумно выдохнул, как будто собирался выпить, но не мог.

— Некоторые, — сообщил он, — пошли к Керри, ну, ты знаешь. У нее, у Керри, есть новые поступления. Мне досталась отличная девчонка...

— Ага, понятно.

Фредди старательно избегал его взгляда.

— Послушай! — сказал он вдруг. — Я насчет вчерашнего... потому и пришел. Хотел тебя повидать, черт побери. По делу!

— По какому делу?

— Ну...

Тут подошел официант. Он усталил стол тарелками с едой, а в середине водрузил серебряный чайник, огромную чашку, блюдце и начал со звоном раскладывать столовые приборы.

— Завтракать будешь, Фредди? — спросил Чевиот.

Молодой человек вздрогнул:

— Нет, спасибо. Впрочем, погоди! Пинту кларета и печенье.

— Пинту кларета, сэр. Печенье, сэр. Слушаюсь, сэр! — Официант снова испарился.

Чевиот налил себе чаю и накинулся на еду.

— Джек!

— Что?

Фредди прочистил горло.

— Вчера ночью... Когда ты сказал, что Пег Ренфру умерла, и попросил разрешения всех нас допросить, да еще объявил во всеуслышание, что ты, мол, полицейский...

— Фредди, я должен поблагодарить тебя, леди Корк и мисс Тримейн. Но что же остальные? Они даже не удостоили меня отказом. Они игнорировали меня и постыдно бежали, словно я подонок, мусор у них под ногами!

Фредди передернуло.

— Джек, старина... черт побери! Не обижайся, но они правы.

— В чем?

— Шпионы, знаешь ли, действительно подонки общества.

— А как же полковник Роуэн, Ричард Мейн или сам мистер Пиль?

— Они дело другое. Пиль — член кабинета министров. Те двое начальники. Но рядовые шпики? — Фредди задумчиво достал из стаканчика зубочистку. — Черт побери, ты меня просто подкосил! С тем же успехом ты мог бы назваться дворником или, скажем, репортером! Они бы отнеслись к тебе лучше. А ты — шпик, мусор, шпион! Шпион не имеет права допрашивать гвардейского офицера, такого, как, например, Хогбен.

Вилка и нож замерли в руках Чевиота. Но он ничего не сказал. Он понимал, в чем его трудность. Он знал, что этот юнец, моложе его на пятнадцать или шестнадцать лет, пытается ему помочь. И он вновь приступил к еде.

— Ты! — вскричал Фредди, втыкая зубочистку в стол. — Ты шпик! Мусор! И все же... надеюсь, старина, еще не слишком поздно?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты еще не вступил в их ряды, да? Не подписал договор?

— Нет.

Бледное лицо Фредди расслабилось от облегчения; он отложил зубочистку и заговорил тише:

— Откажись, старина. Тогда все поймут, что ты просто пошутил, и посмеются над шуткой вместе с тобой.

— Шуткой?

— Ведь ты просто пошутил, верно? Брось, не продолжай. Тысяча извинений; шутка вышла удачная. Но ты должен. Если ты не... — Фредди облизал губы.

Ему было трудно, поскольку он относился к Чевиоту с благоговением, преклонялся перед его талантами и спортивными достижениями. А теперь приходилось читать ему нотацию. Чевиот вдруг понял, что в Фредди Деббите куда больше твердости и силы духа, чем казалось на первый взгляд.

— Джек! Многие из нас... да что там, мы все тебя любим! Но если ты не откажешься...

— Что будет, если я не откажусь?

— Тогда, черт возьми, мы тебя заставим!

Чевиот положил нож и вилку.

— И как же ты намерен меня заставить?

Фредди уже открыл рот, намереваясь ответить, когда вдруг к их столику подошли двое. Одним был официант — он нес Фредди на подносе кларет и тарелку с печеньем. А вторым — гвардейский офицер при полном параде.

Офицер был светловолосый, светлокожий, лет двадцати пяти. Судя по красному короткому плюмажу, он служил во 2-м Колдстримском гвардейском пехотном полку. Держался молодой человек неестественно прямо. В глазах его светился острый ум, манеры были сухими и вежливыми, хотя взгляд излучал томление и скуку, как и у многих его соплеменников.

— Полагаю, вы мистер Чевиот?

— Да.

Чевиот не встал, хотя офицер, казалось, этого ожидал. Он просто смерил пришедшего взглядом с головы до ног, не выказывая никакого почтения.

— Вы, вероятно, не удивитесь, сэръ, когда я скажу, что нахожусь здесь по поручению моего друга капитана Хогбена из 1-го гвардейского пехотного полка.

— Что дальше?

— Капитан Хогбен считает, что ваше поведение вчера ночью, по меньшей мере в двух случаях, было столь оскорбительным, что этого не способен выдержать ни один джентльмен.

Фредди Деббит тихо ахнул. Официант буквально отлетел прочь, как будто за ним гнались черти.

— Ну и что? — спросил Чевиот.

— Однако, — продолжал офицер, — капитан Хогбен просил меня присовокупить, что, поскольку вы в настоящее время занимаете низшее по отношению к нему положение, вступив в так называемую полицию, он готов принять от вас письменное извинение.

Чевиот подвинулся на край дубовой скамьи и все-таки встал.

— Черт его побери, — вежливо произнес он, — с чего он взял, будто армия стоит выше столичной полиции?

Мужественное, умное лицо его собеседника сделалось невыразительным. Но Чевиот подметил, что у него заходили желваки на скулах.

— Прошу вас, сэр, следить за вашей речью, иначе не миновать вам еще одного вызова. Я лейтенант Уэнтуорт из 2-го гвардейского пехотного полка. Вот моя карточка.

— Благодарю вас.

— Однако, сэр, я еще не закончил.

— Так заканчивайте, сэр, и поскорее.

— В случае, если вы откажетесь принести письменное извинение, капитан Хогбен просит назвать мне имя какого-либо вашего друга, с которым мы могли бы договориться о времени и месте встречи. Каков будет ваш ответ, сэр?

— Мой ответ «нет».

В глазах лейтенанта Уэнтуорта мелькнуло изумление.

— Насколько я понимаю, сэр, вы не принимаете вызов?

— Точно, не принимаю.

— Вы... предпочитаете написать извинение?

— Разумеется, нет.

— Что же мне в таком случае передать капитану Хогбену?

— Можете передать, — почти ласково ответил Чевииот, — что у меня много дел и нет времени для детских шалостей. Далее можете добавить, что я искренне надеюсь: пройдет надлежащий срок, и он повзрослеет.

— Сэр! — воскликнул лейтенант Уэнтуорт с искренним возмущением, отчего стал гораздо симпатичнее. Впрочем, он тут же спохватился и вновь вернул на лицо невозмутимую маску. — Вы понимаете, что вас ждет? Вы знаете, чем вправе ответить капитан Хогбен?

— Надеюсь, сэр, мне не придется описывать словами то, на что он способен. До свидания, сэр.

Лейтенант Уэнтуорт на этот раз не мог побороть своего изумления. Левая его рука вцепилась в эфес шпаги. Он был слишком хорошо вышколен, чтобы грубо хмыкнуть. Но уголки его губ над ремешком кивера приподнялись, демонстрируя презрение. Он ответил на поклон Чевииота, повернулся кругом и зашагал прочь из кофейни.

Двое в дальней кабинке, которые даже привстали с мест, чтобы понаблюдать за интересной сценой, поспешно сели. Чевииот увидел, что его позор отразился, как в зеркале, в глазах Фредди Деббита, но продолжил как ни в чем не бывало поедать яичницу с окороком и тост.

— Джек!

— Что?

— Ты... — выпалил Фредди. — Отказался от дуэли? Струсил?

— Ты так считаешь, Фредди? Кстати, — Чевииот отодвинул тарелку, — ты, кажется, собирался рассказать, как заставишь меня выйти из полиции.

— А теперь еще и это! Боже мой! Хогбен тебя отхлестает кнутом...

— Говори, Фредди! Как ты заставишь меня выйти из полиции?

— Я — никак, — ответил молодой человек, успевший выпить почти весь кларет. — Но остальные заставят. Когда все узнают новость, черт побери, тебя перестанут принимать! Тебе придется отказаться от членства в клубах. Ты не сможешь поехать ни в Аскот, ни в Ньюмаркет. Поскольку ты шпик, тебя даже в игорный дом не пустят...

— Даже к Вулкану? — поинтересовался Чевииот.

— Почему к Вулкану? — быстро спросил Фредди после паузы.

— Да так, не важно.

— Джек, какая муха тебя укусила? Тебя как будто подменили! Еще две недели назад ты был самим собой. Неужели таково влияние Флоры Дрейтон? Или что? — Благодаря пинте кларета Фредди расчувствовался и, казалось, готов разрыдаться. — Но вряд ли она захотела бы, чтобы ты превратился в проклятого шпика! Вчера ты только задавал вопросы про Пег Ренфру, драгоценности и прочую ерунду. Да что там, я мог бы тебе рассказать... — Вдруг он осекся.

— Да? — оживился Чевииот. — Что бы ты мог мне рассказать? Дорогой Фредди, я только что поблагодарил тебя за помощь, которую мне оказали ты, леди Корк и Луиза Тримейн. Но на самом деле вы мне не помогали. Леди Корк проявила упрямство и несговорчивость; мисс Тримейн слишком боялась — бог знает чего; ты же испытывал благоговейный трепет перед своими друзьями...

— Никого я не боялся! Только...

— погоди! Даже до того, как я допросил вас внизу, из слов Флоры и леди Корк стало ясно, что тебе было многое известно. Твоя пьяная болтовня, твои шуточки заставили леди Корк спрятать драгоценности в птичьи кормушки. Ты шатался по всему дому...

— Я только шутил!

— Допустим. Но украла ли Маргарет Ренфру драгоценности, как подозревает леди Корк?

— Да! — ответил Фредди, опустив голову.

Джон Чевиот испустил вздох облегчения. Однако лицо его оставалось невозмутимым.

— Маргарет Ренфру, — пробормотал он.

— Что такое, старина?

— Она передо мной как живая. — Чевиот помахал рукой. — Жгучая брюнетка, цветущая, с благородной осанкой. Она была бы красива, даже соблазнительна, если бы не... что? Суровость? Упрямство? Стыд? Она — единственная, чьей натуры я не в состоянии разгадать.

Фредди открыл было рот, но говорить передумал.

— Фредди! — заявил Чевиот, увидев, как сверкнули глаза его молодого приятеля. — Ее застрелили, понимаешь? Она — центр притяжения. Мы не распутаем дела, пока не разгадаем ее.

И тут Фредди Деббит пробормотал нечто странное:

— «Огонь, гори! Котел, кипи!»

— Что такое?

Фредди как будто вышел из транса.

— Ты знаешь Эдмунда Кина, актера?

— Нет, я с ним незнаком, — честно ответил Чевиот.

— Хм... Ну, невелика беда. Все равно он человек конченный. Допился, совсем память отшибло и все такое. Хотя он все-таки перешел в «Ковент-Гарден» и до сих пор играет.

— Фредди! Я спрашивал о...

— Низкорослый человечешко, все равно что гном, — гнул свое Фредди, словно не слыша, — но грудь широкая, а голосина такой, что стекла разлетаются! В прежние времена Кин блистал. Но мой отец говорит, что он почти не бывал в обществе. «Черт с ними!» — говорил Кин. А сейчас, когда ему конец, когда он настолько ослабел, что только и может, что шататься по «Ковент-Гардену», и его никто не принимает, кроме Марии Корк... Так вот, — оживился Фредди, — однажды, около месяца тому назад, Кин был у Марии. Тогда он, по-моему, впервые увидел Пег. Он вздрогнул, как тот тип... как его там... который увидел дух своего отца. Уставился на нее и как рявкнет: «Огонь, гори! Котел, кипи!» — таким голосом, что у лакеев волосы встали дыбом. Кажется,

это из Шекспира. Не знаю, что он имел в виду. Наверное, перебрал глинтвейна...

Слова эти, прозвучавшие в кофейне, при тусклом газовом свете, заставили Чевиота вздрогнуть. Что творилось в голове и душе мисс Ренфру, за ее накрашенным лицом и презрительной улыбкой?

— Фредди! Прошу, расскажи, что тебе о ней известно. Особенно о ее таинственном любовнике.

Фредди замялся.

— А если я расскажу, — внезапно выпалил он с юношеской бравадой и пьяной хитростью, — ты прекратишь валять дурака и выйдешь из полиции? А?

— Обещать не могу. Однако твой рассказ может повлиять на мое поведение в будущем.

Фредди осторожно оглянулся, затем сделал Чевиоту знак обеими руками и прошептал:

— Слушай!

Глава 9

Невиновность Флоры Дрейтон

Полковник Чарльз Роуэн стоял у стола в своем кабинете; рядом с ним был мистер Мейн. Алан Хенли сидел за конторкой в углу. Полковник испытывал счастье и гордость. Однако на его длинном, невыразительном лице эти чувства почти не отражались.

— Мистер Чевиот, — начал он, — имею честь познакомить вас с мистером Робертом Пил ем!

Пятый человек в кабинете, который смотрел в окно, как облетает листва с единственного дерева и кустов в Грейт-Скотленд-Ярде, заложив руки за спину и выпятив верхнюю губу, развернулся на каблуках.

Мистер Пиль оказался высоким и крупным человеком с лохматой головой и властной внешностью. На нем был длиннополый коричневый сюртук с высоким черным бархатным воротником и аксельбантами. В сорок один год лицо его было красное, но глаза большие и умные. Судя по тому, что Чевиот про него читал, он воображал Пиля человеком холодным и напыщенным; разумеется, речи мистера Пиля в парламенте пестрели высокопарными фразами и многочисленными латинскими изречениями. Но сейчас он держался совершенно по-иному.

— Мистер Чевиот! — Мистер Пиль широко улыбнулся, пожимая ему руку. — Вы сразили меня наповал. Вы приняты.

— Простите, сэр?

— Вы приняты, старина! Получаете пост. Отныне вы суперинтендент полиции!

— На мистера Пиля, — вмешался полковник Роуэн, перебиравший многочисленные бумаги на столе, — произвел большое впечатление ваш рапорт.

— Лучший рапорт из всех, какие я читал, — отрывисто произнес мистер Пиль. — Вас послали расследовать кражу... как его? Птичьего корма. Вы же доказываете (и очень ловко!), что украли драгоценности. Вы безошибочно идете к тому месту, где прятали драгоценности. Вы догадываетесь, кто их украл, и практически вынуждаете Марию Корк

подтвердить вашу правоту. Рапорт составлен аккуратно, четко, с привлечением, я бы сказал, математических доказательств... Вы математик, мистер Чевиот?

— Нет, сэр. Математика всегда давалась мне труднее других дисциплин.

Брови мистера Пиля взлетели вверх и тут же опустились.

— Хм. Жаль! Вы меня удивляете. Я сам математик. Скажу вам больше: я ланкаширец, и, как все ланкаширцы, я человек действия. Если тот или иной метод не годится, используй противоположный и оставайся в деле; вот что такое практическая политика. Не важно, как вас называют, главное — вы правы. Вас все равно будут ругать, как ругают меня.

Мистер Пиль энергично зашагал по комнате. Всем показалось, что в затхлый кабинет ворвался порыв ветра. Хотя кабинет полковника Роуэна и мистера Мейна никоим образом нельзя было назвать маленьким, в присутствии такой важной персоны он показался просто крошечным.

Красное лицо, обрамленное лохматыми волосами, повернулось к Чевиоту.

— Так вот, сэр, что касается вас. Вы суперинтендент отдела расследований. Все равно! Мы не можем допустить, чтобы вы рисковали вашими замечательными мозгами, участвуя в уличных драках.

— Но, сэр...

— Я еще не закончил, мистер Чевиот.

Было три часа пополудни; дул сильный октябрьский ветер. Размытое солнце, бросая отблески на последние листья, проникало сквозь красные шторы и высвечивало красный турецкий ковер, засыпанный пеплом.

С прошлой ночи здесь ничего не изменилось. Даже пистолет с серебряной рукояткой по-прежнему стоял на примитивном предохранителе. Он лежал под незажженной красной лампой; очевидно, его не трогали.

Чевиоту, успевшему принять ванну, побриться и переодеться в свежую одежду, его положение казалось уже не таким странным. Его уже не удивляло, что он снимает роскошные меблированные комнаты в

«Олбани», а молодой туповатый слуга наливает ему ванну и помогает одеться.

Если бы Чевиот задумался, все эти обстоятельства привели бы его в ужас. Однако он не думал; министр внутренних дел словно гипнотизировал его взглядом.

— Я еще не закончил, мистер Чевиот!

— Извините, сэр!

— Хорошо, хорошо! — Мистер Пиль махнул рукой. — Отныне большая часть ваших обязанностей переходит к старшему инспектору. Вы не будете носить форму, даже с золотой шнуровкой по воротнику, чтобы обозначить ваш ранг. Вы должны оставаться в пестрой одежде, в какой вы сейчас.

«Почему же я сам не догадался? — подумал Чевиот. — Пестрая одежда обозначает просто „гражданское“; мне бы догадаться после слов того кучера».

— Пока у нас нет собственно уголовной полиции, — продолжал мистер Пиль. — Более одного человека в штатском может возбудить подозрения, и люди начнут кричать: «Шпион!» Но у нас есть он. — Пиль кивнул в сторону Чевиота. — Он замещает всю уголовную полицию в одном лице. Вы математик, полковник Роуэн?

— Мистер Пиль, — вежливо отвечал полковник, — у меня лишь начальные...

— А вы математик, мистер Мейн?

Молодой адвокат округлил глаза, что лишь еще более подчеркнуло его круглые щеки и выдающиеся бакенбарды, и собрался уже разразиться длинной речью, но потом криво улыбнулся и просто покачал головой.

Мистер Пиль хмыкнул:

— Ну хорошо. Вам математика действительно ни к чему. Просто ведите счет вознаграждениям, выплачиваемым проклятым сыщикам с Боу-стрит. За задержание взломщика сорок фунтов. За поимку грабителя с большой дороги сорок фунтов. За поимку убийцы сорок фунтов. — Он снова кивнул в сторону Чевиота. — Теперь вы понимаете, сколько денег мы сэкономим с ним?

— О, не сомневаюсь, — без улыбки заметил полковник Роуэн.

— Итак? — спросил мистер Пиль, разворачиваясь к Чевиоту.

— Простите, сэр, что?

— Мне пора в парламент. Я не могу здесь оставаться. Но я не уйду, не узнав самого главного.

Мистер Пиль вернулся к столу и стукнул внушительным кулаком по листкам с рапортом Чевиота.

— Кто убил племянницу Марии Корк, Маргарет Ренфру? И каким образом мерзавец сделал свое черное дело?

На Чевиота устремились четыре пары глаз. В них сквозило любопытство, любопытство почти детское. Даже у мистера Пилля! Министр внутренних дел поджал губы. Ричард Мейн буквально поедал Чевиота взглядом. Алан Хенли в углу, за своей конторкой, встал и оперся на палку черного дерева. Хотя полковник Роуэн лучше других скрывал свои чувства, он все же нервно хлопал и хлопал белыми перчатками по белым панталонам.

— Сэр, — заявил Чевиот, — пока я не могу этого сказать.

— Не можете? — изумленно повторил мистер Пиль.

— Да, сэр. Пока не могу. Сегодня утром я получил весьма ценные сведения от мистера Фредерика Деббита, о чем в рапорте не говорится. Но...

Мистер Пиль повернулся к остальным. На лице его застыло недоверчивое выражение.

— Вот человек, которому достаточно одного взгляда на место происшествия, и он рассказывает нам почти все, что случилось! И он же не в состоянии добавить нам такую незначительную подробность?

У Чевиота упало сердце.

После его трудов в прошлую ночь — заместитель комиссара в прошлой жизни не удостоил бы его ни словом похвалы — эти люди настолько воодушевились, что ожидают от него чуда. Они серьезно считают его волшебником.

И более того. Старый дом, с пристроенным крылом, в котором должен разместиться комиссариат полиции, сегодня шумит и гудит, несмотря на то что стройка еще не окончена. Четыре инспектора с коротким серебряным шнуром по вороту и сержанты с металлическими бляхами, на которых значатся номера от единицы до шестнадцати, все на месте и держатся вежливо. Шестьдесят пять констеблей, сказали ему, ждут его смотра на маленькой парадной площадке с тыла здания.

С ними нелегко будет справиться — они начнут ворчать или злиться, если суперинтендент не сумеет с ними совладать. Едва войдя, Чевиот услышал торопливые шаги, учуял запах бренди, услышал топот: два каких-то шутника что было сил молотили друг друга деревянными дубинками.

Он проходит настоящее испытание.

Чевиоту, который с самого раннего утра вынужден был смирять свой характер, на сей раз удалось не выдать своих чувств.

— Мистер Пиль, — сказал он холодно, — прошу вас принять во внимание все трудности. Например, насколько мне известно, вы прочли мой рапорт...

— Да. От первого до последнего слова.

— И вы также видели мой набросок места происшествия — галереи?

Не говоря ни слова, Ричард Мейн порылся среди бумаг, нашел план и передал его министру.

— Но к чему все это? — поморщился мистер Пиль. — Я и так много раз видел галерею, которую вы описываете.

— Я тоже, — сказал полковник Роуэн, подняв глаза к потолку.

— Простите, — возразил Чевиот, — но мои слова вовсе не бессмысленны. Наконец, я привлекаю ваше внимание к результатам медицинского осмотра и направлению, в котором была выпущена пуля.

Он помолчал и по очереди посмотрел на каждого из слушающих.

— Пуля, — звонким голосом продолжал Чевиот, — которая убила мисс Ренфру, была пущена по прямой линии. Понимаете? В нее стреляли сзади.

Мистер Пиль как будто отступил на шаг и внимательно посмотрел на него большими умными глазами, взвешивая услышанное. Полковник Роуэн и мистер Мейн, комиссары подались вперед.

— Понимаю, что вы имеете в виду, мистер Чевиот, — произнес полковник, забрав у своего коллеги план и постукивая по нему пальцем. — В галерее, которая выходит на лестницу, слева две одинарные двери и справа двойные, ведущие в бальную залу. Следовательно, ни одну из этих дверей не открывали. Иначе пуля попала бы в нее... в бедняжку под углом.

— Вот именно!

— Черт побери, — вмешался Мейн, — ведь дело ясно как божий день!

— Неужели? — удивился Чевииот.

— Стреляли, — пояснил мистер Мейн, — сзади. Откуда-то совсем рядом с тем местом, где стояли вы и Хенли. Согласны?

— Да.

— Следует предположить, — продолжал мистер Мейн, вспоминая о своих важных адвокатских поводках, — что ни вы, ни Хенли не стреляли. Вы видели бы друг друга. Но что же с двойными дверями, которые находились у вас за спиной? А? Что же с двойными дверями будуара леди Корк?

— Простите...

— Вы стояли спиной к тем дверям. Полагаю, их кто-то мог открыть?

— Теоретически да.

— Что значит «теоретически», мистер Чевииот?

— Могли, но не открыли, — ответил Чевииот. — Замок открывается с громким щелчком — громким, как пистолетный выстрел. Как я указал в своем рапорте, замок щелкает и когда дверь открывают, и когда закрывают. Мы непременно это слышали бы, однако мы не слышали ничего. Во-вторых, возможно ли, чтобы кто-то выстрелил поверх моего плеча или плеча Хенли так, чтобы мы не ощутили ни запаха пороха, ни дуновения?

— Вероятно ли, сэр? — переспросил мистер Мейн с преувеличенным удивлением, как будто он находился в зале суда. — Вероятно ли? Мой дорогой сэр, но именно так все и было!

— Простите...

Неожиданно адвокат ткнул в него пальцем.

— Где бы ни находился стрелок, вы признаете, что он стоял неподалеку от вас? Да. И тем не менее вы уверяете, что ничего не слышали, ничего не почувствовали и ничего не увидели?

— Мистер Мейн, вы называете меня лжецом?

— Господа! — озабоченным тоном перебил их полковник Роуэн.

Роберт Пиль, который, очевидно, наслаждался стычкой, переводил взгляд с одного спорщика на другого.

— Что касается... сомнений в вашей честности, мистер Чевииот, — с достоинством заявил адвокат, — то их у меня нет. Я юрист, сэр. Я

должен иметь дело с доказательствами.

— А я офицер полиции, сэр. И я тоже имею дело с доказательствами.

— Значит, будьте любезны предоставить их нам. — Мистер Мейн выхватил набросок из рук полковника и поднял его повыше. — На вашем замечательном плане, как я заметил, вы указали все двери.

— Да.

— Отлично! За некоторое время до убийства, скажем, мог ли кто-то выскользнуть из бальной залы незаметно для остальных танцующих?

— Нет, поскольку в галерее сидела леди Дрейтон.

— Ах да! Леди Дрейтон! — задумчиво протянул мистер Мейн. Его круглые черные блестящие глаза вдруг закатились. Чевиота кольнул страх. — Но мы пока про нее забудем. Леди Дрейтон, насколько я понял, не находилась в галерее все время до убийства?

— Нет. Она спускалась вниз, чтобы добыть список драгоценностей леди Корк.

— Вот именно! — согласился мистер Мейн, покачиваясь на каблуках. — Вот именно! Поэтому я повторяю: мог ли убийца — мужчина или женщина — выйти из бальной залы незаметно для других танцующих?

— Да, вполне возможно. Когда я сам заглянул в бальную залу, танцоры были настолько поглощены танцем, что почти не обратили на меня внимания.

— Ага! — Мистер Мейн снова закачался на каблуках. — Вот вам, мистер Чевиот, одно из возможных предположений. Представим, что убийца незаметно выходит из бальной залы. Он или она пересекает галерею по диагонали, направляясь к двери столовой. У нас, — он поднял повыше план, — имеется доказательство того, что из столовой дверь ведет в будуар леди Корк и еще одна дверь в будуар выходит из ее спальни.

Мистер Мейн бросил план на стол и стал качаться на каблуках. Его глаза оживленно блестели.

— Должен заметить, мистер Чевиот, — продолжал он, — что убийца мог прятаться в спальне леди Корк. Как только вы и Хенли вышли из будуара, закрыв за собой двойные двери, убийца тоже поспешил к выходу и открыл створку следом за вами. Из-за шума вы

не слышали выстрела, который пришелся над вашим плечом. Затем убийца закрыл дверь и вернулся в спальню. Позвольте спросить, — мистер Мейн поднял палец, — возможно ли такое?

— Нет, — ответил Чевииот.

— Как нет?! Почему же?

— Потому что леди Корк все время находилась в будуаре.

— Я не понимаю...

— Неужели, мистер Мейн? Подумайте! Когда я через какое-то время вошел в будуар, леди Корк дремала у камина. Однако, услышав щелчок замка, она тут же проснулась.

— И что же?

— По-вашему, сэр, убийца мог прокрасться в будуар, открыть скрипучую дверь, выстрелить из пистолета, снова захлопнуть дверь и выйти — и чтобы леди Корк его не заметила? А может, вы подозреваете леди Корк в соучастии?

В комнате воцарилось напряженное молчание.

Мистер Пиль прикрыл ладонью подбородок, чтобы спрятать улыбку. На красивом лице полковника Роуэна застыло рассеянное выражение — очевидно, он думал о чем-то своем. Мейн сохранял спокойствие, хотя в глазах его бушевала ярость.

— Вы предпочитаете невозможное положение, мистер Чевииот?

— Вашему решению, сэр, да.

— Разумеется, — задумчиво заявил адвокат, — существует и другое предположение, оно достаточно простое. Однако я не решаюсь его высказать.

Чевииот пожал плечами, как бы разрешая своему противнику продолжить.

Круглое лицо Ричарда Мейна смягчилось. В глубине души, как он уже доказал в недавнем прошлом и как ему еще предстояло доказать в будущем, он был добрым человеком и хорошо знал свое дело. Однако кипучая энергия в его тридцать три года иногда доставляла ему хлопоты.

Все еще не решаясь начать, адвокат подошел к ближайшему окну и отодвинул красную штору. Он увидел жидкую грязь во дворе, изъезженную колесами экипажей и закиданную палой листвой. Там стояла и строгая, но роскошная карета мистера Пила — в безлистных

кустах, у единственного высокого и изогнутого дерева с несколькими желтыми листьями, которые все еще остались на ветвях.

Ричард Мейн сжал губы. Он вернулся к столу и похлопал по столешнице рапортом Чевииота.

— Мистер Чевииот, — сурово спросил он, — почему вы выгораживаете леди Дрейтон?

Перо выпало из руки мистера Хенли и со стуком покатилося по полу. Старший клерк подобрал его. Сердце у Чевииота ушло в пятки.

— Неужели вы усмотрели в моем рапорте доказательства того, что я покрываю леди Дрейтон? — спросил он.

Мистер Мейн досадливо отмахнулся:

— Дело не в том, что вы там написали. Главное в том, чего вы не написали. Полно! Она ваша самая главная свидетельница, но вы о ней почти не упоминаете. По вашим же собственным словам, леди Дрейтон стояла всего в каких-нибудь десяти — двенадцати футах от жертвы. И вот еще весьма необычное обстоятельство — в доме она носила муфту! Вы изучали историю, мистер Чевииот?

— К счастью для себя, да.

— Значит, вам известно, — сухо продолжал адвокат, — что еще в конце семнадцатого века, во время так называемого «папистского заговора», дамы имели привычку для самозащиты носить в муфтах карманные пистолеты. — Тут мистер Мейн запнулся. — Было бы очень жаль, мистер Чевииот, — вежливо продолжал он, — если бы наше сотрудничество началось со ссоры. Но — простите меня! — мы так мало знаем о вас. Вы считаетесь признанным атлетом. И все же... сумеете ли вы справиться с теми строптивцами, которыми вам предстоит командовать? Вчера ночью вы хвастали, будто любой из нас может взять пистолет — да-да, тот самый, что лежит на столе! — выстрелить в медведя у камина, и вы скажете, кто стрелял. Вы подтвердили свои слова? По-моему, нет. Вместо того... — Вдруг Мейн замолчал и повернулся к окну, потому что с улицы донесся голос.

Водянисто-желтый день за окном сменился уныло-серыми сумерками. Чевииот знал, кому принадлежит голос. Это был голос капитана Хогбена, только на сей раз в нем не было манерничанья и сюсюканья. Грубый, резкий, он был исполнен ненависти и ликования.

— Выходи, Чевииот! — орал капитан. — Выходи, трус, и получи то, что тебе причитается!

Глава 10

Драка в Ярде

Чевиот в три прыжка подбежал к ближайшему окну и, как мистер Мейн, приподнял штору с одной стороны. Их было трое — они стояли футах в тридцати от дома. Неподвижно стояли в грязи под высоким корявым деревом с несколькими желтыми листьями.

Капитан Хогбен и лейтенант Уэнтуорт — оба при полном параде. В сумерках на фоне алых мундиров отчетливо выделялись белые портупей и белые брюки. На левом бедре у каждого висела длинная сабля в золотых ножнах, такая же прямая, как и высокие кивера на головах. Если бы не короткий белый плюмаж на кивере Хогбена и красный на кивере Уэнтуорта, парадную форму 1-го гвардейского пехотного полка трудно было бы отличить от формы 2-го. Однако между ними имелись и другие различия.

Капитан Хогбен пригнулся под высоким корявым деревом. Лицо его побагровело, рот над ремешком исказился от крика. Левое плечо было поднято, правое — опущено; рука в белой перчатке сжимала рукоять хлыста. Сам хлыст волочился по земле.

Лейтенант Уэнтуорт стоял прямо, по стойке «смирно». Между ними дрожал Фредди Деббит.

Хогбен заметил в окне Чевиота.

— Выходи, трус! — заревел он. — Выходи сейчас же, или...

Самообладание, которое Чевиот демонстрировал весь день, наконец разлетелось на куски. Он круто повернулся на каблуках. На лице его играла такая странная и страшная улыбка, что на секунду четверо присутствующих в кабинете решили, что перед ними совершенно другой человек.

— Извините, господа, я ненадолго, — произнес Чевиот каким-то чужим, незнакомым голосом. И, подбежав к двери, широко распахнул ее.

В коридоре уже слышался топот. Сверху по лестнице бежали высокие шапки из кожи, подбитой мехом, и узкие голубые мундиры с двумя рядами металлических пуговиц. Навстречу Чевиоту по коридору двигался высокий инспектор с коротким серебряным галуном на

вороте; он сдерживал любопытных подчиненных, глазеющих из-за его спины. Но, увидев на пороге Чевиота, все они застыли на месте.

Прямо напротив оказался низкорослый, однако очень широкий в плечах человек — судя по металлическим бляхам на вороте с номером «тринадцать», сержант. У него было румяное лицо и веселые глаза. Смотрел он на новоиспеченного суперинтендента оценивающим взглядом, даже когда вытянулся и отдал честь.

— Какие будут приказания, сэр?

Чевиот говорил негромко. Но казалось, его голос слышен даже в самых отдаленных уголках здания.

— Приказаний не будет. Пусть все остаются на своих местах. Я сам с ними разберусь.

Сержант просиял. Из-под длиннополого мундира он извлек болтавшуюся на поясе длинную дубинку из прочного дерева, которое называли бакаутом, или «железным деревом».

— Дубинку возьмете, сэр?

— Скажите на милость, зачем мне оружие? Отойдите!

Чевиот побежал к парадной двери. Это была прочная, большая дверь. Он дернул ручку и открыл дверь, но сама ручка отскочила и ударилась о стену.

Все чувства Чевиота были обострены; оглядевшись по сторонам, он прыгнул прямо в грязь. В нескольких дюжинах шагов слева, дальше от кирпичной стены дома, ожидала карета мистера Пиля с двумя лакеями позади и сонным кучером на козлах. Вдруг одна лошадь взбрыкнула и заржала. Капитан Хогбен издал ликующий возглас. Заведя правую руку за спину, он побежал по двору.

По всем правилам Чевиот должен был стоять на месте и терпеливо сносить порку. Он мог даже стыдливо прикрывать руками лицо, как подобает трусу, отказавшемуся от дуэли. Так всегда происходило в книгах; Хогбен, Уэнтуорт и Фредди Деббит твердо верили, что так будет и в жизни.

Однако Чевиот обманул их ожидания. Слегка приподняв левую руку и опустив правую, он побежал вперед, чтобы встретить Хогбена посреди двора.

Хогбен слишком поздно понял, что они могут столкнуться. Слишком поздно понял, что правильнее было отступить и занести руку для удара. Он не мог унять возбуждения, и у него все еще оставалось

время, чтобы воспользоваться хлыстом. Правая рука взметнулась вверх, тонкий черный хлыст взвился в воздухе.

Чевиот замер на месте. Хогбен не остановился. Пока он выбрасывал правую руку вперед для удара, Чевиот левой рукой перехватил его запястье, перенес вес тела на правую ногу, чуть развернулся и что было сил рванул на себя.

Капитан Хьюго Хогбен, около шести футов росту и весящий одиннадцать стоунов десять унций, перелетел через левое плечо Чевиота и плюхнулся в грязь. Его ножны со звоном отлетели прочь. Капитан приземлился ничком; меховой кивер упал под голову, избавив своего хозяина от сотрясения мозга. Тело рухнуло на землю с глухим стуком; Хогбен ахнул и на миг потерял сознание.

Чевиот перепрыгнул через неподвижную фигуру в алом и белом, распростертую в черной грязи. Затем вырвал из руки Хогбена хлыст, свернул его потуже, зашвырнул подальше в кусты и только после этого отскочил назад.

— А теперь вставай! — приказал он.

Лошадь, впряженная в карету, громко заржала и попятилась. Кучер, спрыгнув с козел, успокаивал лошадь, бормоча слова, которых никто не услышал. С дерева упал желтый лист, лениво покругил в воздухе и спланировал на землю.

Почти немедленно капитан Хогбен заворочался и поднялся. Левая рука в перчатке поддержала ремешок кивера. Обеими руками он осторожно снял тяжелый кивер и отшвырнул его в сторону. И форма, и лицо его были густо облеплены черной жидкой грязью, кроме мест за ушами и на щеках — потому что он упал на свой головной убор; не испачканным осталось также место под правым глазом.

Глаза Хогбена были мутными; он еще нетвердо держался на ногах. Однако храбрости в нем было на десятерых.

— Свинья! — отчеканил Хогбен, собираясь ударить противника по лицу.

Чевиот нырнул в сторону, схватил Хогбена за портупею и поднял в воздух. Рывок был настолько неожиданным, что плечи и руки Хогбена моментально обмякли. Не теряя времени, Чевиот выкрутил правую руку капитана и завернул ее за спину. Инстинктивно Хогбен принялся молотить в воздухе свободной рукой, стараясь попасть в

противника, стоящего сзади. Однако от боли испустил мучительный стон.

— Еще раз попробуешь, — грозно предупредил Чевииот, — сломаешь себе руку. А теперь убирайся, пока я не бросил тебя за решетку. Впредь не грози противнику поркой, пока не убедишься, что сумеешь справиться с ним.

Лейтенант Уэнтуорт, стоящий неподвижно неподалеку, потребовал звенящим от волнения голосом:

— Отпустите его! — Он произнес эти слова так властно, что в Чевииоте снова вскипела ярость. — Слышите, вы, шпик? Отпустите его, говорю вам!

— С удовольствием, — буркнул Чевииот.

Руки у Хогбена безвольно вытянулись вдоль тела. В последний удар Чевииот постарался вложить всю силу.

Хогбен, спотыкаясь, побрел вперед, сделал три длинных шага, покачнулся и с трудом удержался, чтобы не упасть ничком. Потом наклонился. За то время, пока он стоял на одном колене, можно был сосчитать до шести. Потом Хогбен выпрямился и развернулся кругом, тяжело дыша. Белое пятно под правым глазом придавало ему зверский вид — искаженный, дьявольский.

— Будь ты проклят! — прошептал он.

Левой рукой Хогбен принялся нашаривать на боку ножны. Звякнула сталь; он извлек свою саблю и снова замахнулся.

Результат предсказать было бы трудно, если бы Хогбен, кидаясь на врага, сделал выпад издали. Одновременный вопль предупреждения, изданный многими глотками тех, кого Чевииот не видел, пронесся по двору как военный клич. Однако в предупреждении не было необходимости. Капитан Хогбен выдвинул правую руку и плечо вперед, чтобы ударить врага сверху, но через долю секунды потерял равновесие, и Чевииот набросился на него.

Роберт Пиль, полковник Чарльз Роуэн, Ричард Мейн и Алан Хенли, забыв о приличиях, отталкивали друг друга от окна, чтобы лучше разглядеть подробности схватки. Однако им почти ничего не было видно. Офицеры, а также констебли, нарушив строй, высыпали из здания и выстроились вдоль стен, наблюдая.

Мистер Пиль, к примеру, видел, как сабля, крутясь, пролетела высоко в воздухе. Она упала острием вниз и застряла в грязи

неподалеку от лейтенанта Уэнтуорта. Мистер Пиль не видел, что сделал далее Чевииот. Но капитан Хогбен, казалось, взмыл в воздух и полетел — ногами вперед, спиной к земле. Все увидели подошвы его сапог, которые молотили в воздухе. Наконец он приземлился, грохнувшись спиной и головой о землю, и затих. Счастье изменило Хогбену.

Дыхание со свистом вырывалось у Чевииота из груди, по лбу тек пот. Он бросился вперед. Ухватившись правой рукой за эфес, он выхватил саблю из земли и согнул ее под тупым углом. Когда он переломил саблю о колено, раздался громкий треск. Два обломка он отшвырнул прочь.

— О боже! — прошептал Фредди Деббит.

Обычно румяное лицо лейтенанта Уэнтуорта побледнело; он облизал губы. Хотя говорил он отчетливо, в голосе его угадывался ужас.

— Вы сломали клинок гвардейского офицера, — объявил он.

— Да неужели? — равнодушно отозвался Чевииот, на которого эти слова не произвели никакого впечатления. — Интересно, — продолжал он почти весело, — кем вы, гвардейцы, себя, черт подери, воображаете?

Лейтенант Уэнтуорт не ответил. Просто не мог ответить. Чевииот словно спросил у короля, кем тот, черт подери, себя воображает, а может, задал такой же вопрос самому Создателю. И снова Уэнтуорт застыл в ошеломлении.

— Мистер Чевииот, я...

Впервые за все время Чевииот чуть повысил голос.

— Послушайте, вы, — крикнул он, вытаскивая из кармана часы, открывая крышку и глядя на поверженного Хогбена. — Даю вам тридцать секунд, чтобы забрать это... этого субъекта. Если не заберете, задержу вас всех по обвинению в нападении на полицейского. Выбирайте!

— Джек, старина! — проблеял Фредди.

— Ах, мой милый Фредди! — язвительно улыбнулся Чевииот. — Ты, кажется, утверждал, что ты мой друг? Что же ты делаешь в стане врага?

— Джек, брось! Я в самом деле твой друг! Я старался не допустить самого плохого. Спроси хоть Уэнтуорта. — Фредди вдруг

посмотрел направо и в тревоге воскликнул: — Хогбен! Стойте!

Неукротимый капитан Хогбен снова попытался подняться на ноги.

— Нет! — отрывисто произнес лейтенант Уэнтуорт. Горделиво приблизившись к Хогбену, он схватил его за левую руку и потянул назад. Фредди, проявив поразительную силу и твердость, поднырнул справа и ухватил капитана за правую руку.

— Нет! — повторил Уэнтуорт. — Если ты полезешь на него с кулаками, точно неотесанный мужик, он всякий раз будет тебя укладывать. Успокойся!

— Десять секунд, — пробормотал Чевииот. Уэнтуорт выпрямился и принял официальный вид.

— Мистер Чевииот! Неужели вы действительно собираетесь арестовать...

— Разумеется! — широко улыбнулся Чевииот. — А вы как думаете?

— Мистер Чевииот, мне сообщили, что вы джентльмен, несмотря на вашу профессию. Некоторое время назад, в пылу ссоры, что вполне понятно, я произнес слова, за которые мне в высшей степени стыдно. Сэр, примите мои извинения. — Уэнтуорт еле заметно наклонил голову. — Тем не менее дело зашло слишком далеко. Теперь вы непременно должны встретиться с капитаном Хогбеном...

— С пистолетами? — иронически спросил Чевииот. — Пятнадцать секунд!

— Да, с пистолетами! Вы должны встретиться с ним, говорю я, или он получит право пристрелить вас на улице.

Чевииот уже собирался ответить презрительным отказом, но поймал на себе взгляд Фредди Деббита. Он вспомнил о том, как утром Фредди пытался в некотором роде его шантажировать, и тут суперинтендента осенило. Он понял, что может выиграть.

— Согласен! — ответил Чевииот, защелкивая крышку часов.

— Вы встретитесь с ним?

— Я встречусь с ним.

— Все было бы гораздо лучше, — заявил Уэнтуорт, испуская глубокий вздох, — произнеси вы те же самые слова утром. К кому мне следует обратиться?

— Вот к мистеру Деббиту. Он все уладит — в любое время и в любом месте, где вам будет угодно. — Чевииот положил часы в

карман. — Ты согласен, Фредди?

— Я... да, черт подери!

— Отлично. Но прежде чем состоится наша официальная встреча, настаиваю на одном условии.

Лейтенант Уэнтуорт снова окаменел.

Чевиот поднял глаза в серое холодное небо; его бросало то в жар, то в холод. Он пытался в абстрактном смысле вспомнить, как выглядит квартира, в которой он жил (где?) в прежней жизни, когда еще был суперинтендентом подразделения «С-1».

Он ничего не мог вспомнить. Медленно и неуклонно его память стиралась. Зато теперь он помнил внешность людей, цифры, даже запах и обстановку мест, где, как ему казалось, он никогда не был.

— Тир Джо Мантона, — выпалил Чевиот. — Он ведь находится на Дэвис-стрит, двадцать пять? Да, да, я знаю, что Мантон умер! Но тир теперь держит его сын, как и оружейную лавку по соседству, в доме номер двадцать четыре.

— Итак?

— Перед нашей официальной встречей, — продолжал Чевиот, — мы с капитаном Хогбенем посоревнуемся в меткости стрельбы по мишени. Каждый произведет по шесть выстрелов. Ставка — любая, какую он пожелает.

Лейтенант Уэнтуорт был шокирован.

— Чтобы участники дуэли, — воскликнул он, — тренировались перед встречей?! Неслы...

— Стой! погоди! — хрипло прокаркал Хогбен.

Он уже довольно прочно держался на ногах. Но руки его по-прежнему безвольно болтались. Лицо под коркой грязи было белым, как бумага, на фоне черных бакенбардов и тонких черных волос. Хотя дышал Хогбен с трудом, он прикусил облепленную грязью губу и снова подал голос:

— Значит, говоришь, любая ставка, а? — И капитан с жадностью облизал губы.

— Да!

— Тысяча гиней — идет?

— Идет! — отозвался Чевиот.

— Слышал я, ты мнишь себя отличным стрелком по мишеням, — насмешливо произнес Хогбен, еле переводя дух. — Но в полевых

условиях все по-другому. Обещаю! И все же... Ты привык к тому, что настоящей опасности нет. Какую даешь фору?

На сей раз Чевиот сделал глубокий вдох.

— Какую угодно, — громко ответил он. — Если ты, по мнению судей, обойдешь меня, я тут же на месте плачу тебе тысячу гиней. Если я побеждаю...

— Что тогда?

— Дай слово британского офицера, что расскажешь все, что тебе известно о покойной Маргарет Ренфру. Так же поступит и твой друг лейтенант Уэнтуорт. Вот и все.

В кустах снова поднялся ветер; зашуршала листва. Лошади, впряженные в карету мистера Пиля, по-прежнему брыкались, и кучер успокаивал их; карета оказалась у них за спиной, чуть левее.

— Погодите! — произнес Уэнтуорт, как будто смутившись. — Я снова протестую против...

Хогбен жестом заставил его замолчать; он стоял прямо, не шатаясь.

Капитан Хогбен, в отличие от лейтенанта Уэнтуорта, явно не отличался ни выдающимся умом, ни красноречием. Видимо, до сих пор ему хватало одной лишь храбрости. И все же, когда он выкатил чуть скошенный глаз, в нем сквозила такая злоба и такое радостное коварство, что Чевиоту следовало насторожиться. Он должен был угадать, что ему готовят засаду — невидимый удар, способный навсегда его уничтожить.

— Идет! — тихо сказал Хогбен.

— Но кодекс... — начал было Уэнтуорт.

— К черту кодекс! Замолчи, Адриан, и подай мой кивер! Лейтенант Уэнтуорт поспешил подобрать испачканный грязью кивер, похлопал по нему, пытаясь очистить, и медленно нахлобучил на голову друга, завязал ремешок. Хогбен поморщился от боли, однако не искривился. На обломки своей сабли он даже не посмотрел.

Фредди Деббит выбежал на площадь и, сунув два пальца в рот, издал пронзительный свист. Почти сразу же к нему подкатила большая и широкая открытая карета, влекомая двумя вороными лошадьми. Изнутри карета была обита довольно грязным белым шелком — словно для того, чтобы соответствовать плюмажам гвардейцев-гренадеров.

Почти следом за первой каретой подъехал второй экипаж, более простой, однако имеющий лучший вид — от красных колес до начищенных серых в яблоках кобылок.

Во втором экипаже сидел толстый багроволицый джентльмен в сюртуке с красным бархатным воротом поверх куртки и в величественной шляпе. Рядом с ним, ближе к дуэлянтам, расположилась Луиза Тримейн. Она высунулась из экипажа и посмотрела прямо на Чевиота.

На юной Луизе был модный тюрбан из синего шелка, белый плащ с капюшоном в синюю полоску застегивался на шее. Светло-карие глаза, очень выразительные на хорошеньком девичьем лице, явно старались привлечь внимание Чевиота, как и беззвучно шевелящиеся губы.

— Я должна немедленно увидеться с вами в...

Заметив, куда смотрит девушка, толстый джентльмен дотронулся до ее плеча. Луиза покорно спрятала голову, а толстяк — очевидно, отец, дядя или другой родственник — задрал толстые черные брови так невероятно высоко, что сделал бы честь любому актеру.

— Эй, ты! — презрительно позвал капитан Хогбен. Чевиот перевел взгляд на него. Ненависть вновь закипела в нем.

— У Мантона? — переспросил его враг. — Завтра, в девять утра? Чевиот сухо кивнул.

— А потом настоящая схватка? Чевиот снова кивнул.

Не обращая на него внимания, капитан Хогбен повернулся на каблуках и двинулся к первой карете. Шагал он неровно. Уэнтуорту и Фредди Деббиту пришлось подхватить его с обеих сторон. Но не успел капитан сделать и двух шагов, как снова повернулся.

Его здоровый глаз горел адской злобой.

— Помоги тебе Бог, — негромко произнес Хогбен, — когда я возьму тебя на мушку!

Лейтенант Уэнтуорт дернул его за руку. Они с Фредди потащили Хогбена к первой карете и усадили посередине, а сами сели по бокам. Щелкнул бич кучера; вороные кони понесли карету прочь по площади. Более легкий хлыст взметнулся над спинами серых в яблоках кобылок второй кареты. Ресницы Луизы были по-прежнему с притворной скромностью опущены. Краснолицый джентльмен взял понюшку

табаку из табакерки слоновой кости. Карета поехала за Хогбеном в сторону серого двора Адмиралтейства.

Суперинтендент Джон Чевииот стоял без движения, опустив голову. Его высокий крахмальный воротник обмяк, острые уголки больше не царапали подбородок. Джон Чевииот остывал — и физически, и душевно.

Он легко, без усилий поставил невежу Хогбена на место, но вовсе не был уверен, что не выставил себя дураком. Там, в грязи, валялись два обломка сабли. Ему стало немного стыдно; наклонившись, он поднял их и, подбросив в руке, медленно побрел к дому.

Потом поднял голову — и остолбенел.

Небывалое зрелище!

Все шестьдесят пять констеблей застыли по стойке «смирно», выстроившись в два ряда по обе стороны от двери. Перед ними вытянулись шестнадцать сержантов, по восемь с каждой стороны, словно отмечая его путь ко входу. А перед сержантами стояли четыре инспектора — по двое с каждой стороны.

Полицейская гвардия стояла по стойке «смирно», так расправив плечи, что, казалось, голубые мундиры вот-вот треснут. Руки у всех были по швам. Глаза смотрели вперед — взгляд невидящий, словно остекленелый, однако легко можно было заметить: все они лопаются от радости и готовы закричать «ура!».

И все же они молчали — только шелестел ветер.

Чевииоту стало ясно: он только что удостоился наивысшей чести. В душе суперинтендент ощутил прилив гордости и радости. Он тоже расправил плечи и вскинул голову. Однако теперь он понимал, как ему следует держаться, чтобы избежать смущения.

Чевииот промаршировал мимо своих подчиненных и остановился у самого входа. Медленно обвел глазами левый ряд неподвижных полицейских, потом перевел взгляд направо, словно производил смотр.

— Кто из вас, — сухо спросил он, — старший инспектор?

Высокий и худощавый человек, которого Чевииот уже видел и у которого был нос, как у еще не созданного в то время Панча с обложки журнала, сделал два шага вперед на негнущихся ногах и отдал ему честь:

— Сэр! Инспектор Сигрейв, сэр.

— Отличный парад, инспектор Сигрейв. Поздравляю.

— Сэр!

Чевиот опустил глаза и оглядел обломки сабли, которые все еще сжимал левой рукой.

— Вот, — проговорил он, — первый трофей для нашего первого трофейного зала. Он принадлежит вам всем. Возьмите его!

Чевиот сунул сломанную саблю инспектору Сигрейву, который подхватил ее и, звякнув сталью, прижал к груди. Второй рукой инспектор подал знак стоящим сзади подчиненным: «Молчать!» — хотя те уже готовы были взорваться криками радости.

Чевиот снова медленно взглянул налево и направо.

— Вольно! — скомандовал он.

И, впервые улыбнувшись, не спеша пошел вдоль рядов, поднялся по ступенькам, вошел в дом.

Чевиот почти не слышал радостных криков у себя за спиной, он беспокоился о другом: мистер Ричард Мейн нападал на него, и ему следует быть предельно осмотрительным, если он должен встретить опасность также в лице министра внутренних дел.

Свернув направо, к кабинету полковника Роуэна, Чевиот открыл дверь, не затруднив себя формальностью постучать. Потом закрыл ее за собой. Спокойно посмотрел на Роберта Пиля, на полковника Роуэна, на мистера Алана Хенли, который вернулся за свою конторку, и после всех — на мистера Ричарда Мейна и отрывисто произнес:

— А теперь, господа, на чем мы остановились, когда нас неожиданно прервали? Мистер Мейн, кажется, обвинял Флору Дрейтон в убийстве?

Глава 11

Луиза Тримейн и ее папочка

— Черт меня побери! — воскликнул Ричард Мейн, всплескивая руками. — Ничего подобного! Я только сказал, что...

Полковник Роуэн жестом призвал его к молчанию; он обрезал кончик сигары, раскурил ее, а затем принялся расхаживать по комнате. Наконец полковник остановился перед Чевиотом; ноздри его раздувались.

— Суперинтендент, — начал он, вынимая сигару изо рта, — 1-й гренадерский пехотный полк — старейший полк британской армии. Ваше поведение было постыдным. Мне следует вас примерно наказать. Ммм... считайте себя наказанным, — закончил полковник Роуэн и снова сунул в рот сигару.

— Есть, сэр! — ответил Чевиот.

Мистер Пиль, будучи человеком по натуре веселым, громко, от всей души расхохотался, но тут же прищурил глаза.

— Многое я бы дал, мистер Чевиот, — заявил он, — чтобы понять, просто ли вы вышли из себя или хотели произвести впечатление на своих подчиненных. Что ж, впечатление вы на них произвели. Да и на меня тоже, клянусь Богом! И тем не менее вы оказались в незавидном положении.

— С капитаном Хогбенем, сэр?

— Хогбенем? Тем неотесанным увальнем? Остальные офицеры 1-го пехотного полка не стали бы даже разговаривать с ним; вот почему он выбрал секундантом офицера Колдстримского полка. Нет! Я имею в виду Герцога. Гвардейцы — его любимчики. Его послушать, кроме них, при Ватерлоо больше никого не было...

Полковник Роуэн посуровел.

— ...хорошенькое выйдет дельце, если он проведает о драке! Далее, — продолжал мистер Пиль, потирая подбородок рукой, — хотел бы я знать, о чем вы с Хогбенем так официально договаривались перед тем, как он уехал?

— Дело сугубо личное, сэр. Нас оно не касается.

Мистер Пиль задумчиво хмыкнул. Чевиот проследовал к столу.

— Зато нас касается, — продолжил он, — заявление мистера Мейна, будто бы я пренебрег долгом и выгораживал леди Дрейтон.

— Совершенно верно, — с достоинством кивнул Ричард Мейн.

— На каком основании? — Чевиот стукнул кулаком по столу. — С вашего позволения, сэр, я повторяю. Вы, по вашим словам, подозреваете меня на основании того, что я якобы «не пишу». Я еще никогда не слышал, чтобы человека обвинили в лжесвидетельстве на основании того, что он чего-то не пишет!

— Вы искажаете...

— Я констатирую факт. Ваша единственная так называемая улика, которую вы именуете «необычным обстоятельством», заключается в том, что леди Дрейтон в доме носила муфту. Однако, если бы вы внимательно прочли мой рапорт, — Чевиот хлопнул по столешнице стопкой исписанных листков, — вы бы не усмотрели здесь ничего необычного. Леди Дрейтон порвала правую перчатку — это могут засвидетельствовать все, — и, как любая дама, она хотела скрыть дыру. Где доказательства, что у нее в муфте был пистолет или что пистолет вообще существовал?

У мистера Мейна сверкнули глаза.

— Доказательства, говорите? Я о них не упомянул. Я всего лишь выдвинул версию, которой вы, кажется, пренебрегли.

— Сэр! — послышался сзади грубый, хриплый голос. Алан Хенли облокотился о столешницу толстыми руками.

Хотя было всего пять часов, серое небо так потемнело, что все обитатели кабинета казались призраками, которые неожиданно выныривали из мрака.

С громким хлопком вспыхнула и погасла лампа; мистер Хенли зажег другую под зеленым колпаком. Старший клерк покачал крупной головой с рыжеватыми баками.

— Сэр, — продолжил он, обращаясь к полковнику Роуэну, — она этого не делала!

— Чего не делала? — негромко переспросил полковник Роуэн, вытаскивая сигару изо рта.

— У леди не было пистолета, — сообщил мистер Хенли. — Я был там, сэр. Я все видел. Что же касается того, что суперинтендент пренебрег долгом... сэр, ведь именно он первым делом вспомнил о муфте.

— Что?!

— Он подумал (прошу прощения, полковник), что стрелять могла леди. Я-то знал, что она не стреляла; я наблюдал за ней. У нее не было оружия — как и у меня, и у суперинтендента. Но он попросил ее показать и вывернуть наизнанку муфту — на тот случай, если она стреляла сквозь нее. Так вот, она не стреляла.

Мистер Хенли говорил искренне и очень убежденно, поскольку верил во все сказанное.

Все это время Чевииот думал о Флоре. Как она вспыльчива! Однако тут же отходит... Впрочем, к чему было ревновать его к Маргарет Ренфру? Сегодня она, должно быть, ждет его у себя дома, на Кавендиш-сквер... Стоит ему только прошептать, что он сам виноват, как она тут же возразит: нет, виновата она — и бросится к нему в объятия...

Чевииота вдруг передернуло.

Откуда он знает, что Флора живет на Кавендиш-сквер? Откуда он знает, как она ведет себя после ссоры или размолвки? Пора взять себя в руки!

— ...так что видите, сэр, я-то не читал рапорта суперинтендента, — оживленно продолжал между тем Алан Хенли. — И даже не слышал о нем до недавнего времени. Но доктор считает: стреляли по прямой. Хорошо! Кто угодно скажет вам, что леди Дрейтон стояла на шаг или два правее бедняжки. И ей бы пришлось стрелять по диагонали, понимаете?

Ричард Мейн пожал плечами.

— Кажется, вы все сговорились против меня, — заметил он.

— Нет, сэр, мистер Мейн, мы не сговорились! — И старший клерк с жаром обратился к полковнику Роуэну: — Можно еще словечко, полковник?

Полковник Роуэн улыбнулся и сигарой изобразил знак согласия.

— Мне кажется, — сообщил Хенли, — мистер Мейн прав, что стреляли из-за нашей спины, из-за двойных дверей. А шум — что ж! — Он презрительно фыркнул. — Мы бы не спутали выстрел со щелчком замка. Просто мы с суперинтендентом слишком задумались над тем, что сообщила нам леди Корк, ведь верно, сэр? И потому немного отвлеклись. По-моему, если бы в тот момент кто-то у нас за спиной выстрелил из мушкетона, мы и то не услышали бы. Ну вот!

— Спасибо, — пробормотал мистер Мейн, — большое облегчение!

— Мейн! — тихо позвал полковник Роуэн.

— Что?

— Мы с вами, — улыбнулся полковник, — до сих пор совместно руководили работой полиции и не ссорились. Будем надеяться, что не поссоримся и сейчас. И тем не менее! Насколько мне известно, вы помолвлены и собираетесь жениться на одной очаровательной молодой леди...

— Да, разумеется! — воскликнул адвокат, горделиво поправляя запонки.

— Ваша невеста, разумеется, особа высоконравственная и религиозная?

— Роуэн, нам всем известны ваши взгляды касательно...

— Тише! — Полковник разогнал рукой облако табачного дыма. — А теперь сознайтесь, Мейн. Сознайтесь! В глубине души вы с самого начала подозревали Чевииота и леди Дрейтон только потому, что леди Дрейтон — его... как бы это выразиться поделикатнее... его прекрасная дама?

Врожденная честность не позволила Мейну отрицать сказанное. Он зашагал вдоль стола, в раздражении подбрасывая вверх фалды сюртука.

— Наверное, вы правы, — подтвердил он, ударяя кулаком по столу. — Но хватит! К делу! Мы узнали то, что скрывал от нас суперинтендент. Теперь пусть он скажет... Мистер Чевииот, кто убил Маргарет Ренфру?

Чевииот облизал пересохшие губы. Ветер завывал все сильнее; в доме были сильные сквозняки; ветер бился во все окна. В увешанном оружием кабинете, освещаемом зеленой лампой, застыла напряженная тишина — более напряженная, чем та, которая подобает расследованию уголовного дела.

— По моему мнению, сэр, мисс Ренфру убил ее любовник.

— Ага! — Мейн снова схватил рапорт. — Загадочный любовник, на которого вы все время намекаете! Как его имя?

— Имени его я пока не знаю, — признался Чевииот. — Даже Фредди Деббит, который знает все лондонские сплетни, не мог назвать мне его. Зато я могу его описать.

— Прошу вас, опишите!

— Он, — медленно начал Чевит, — человек благородного происхождения и наружности; однако небогат и находится в стесненном материальном положении. Физически привлекателен для женщин, хотя и значительно старше мисс Ренфру. Азартный игрок. Он... — Чевит помолчал. — Скажите, господа... Был ли кто-либо из вас знаком с Маргарет Ренфру?

Полковник Роуэн кивнул, не сводя голубых глаз с каминной полки. Мейн равнодушно склонил голову.

— Отлично, — продолжал Чевит. — «Огонь, гори! Котел, кипи!»

— Простите, что? — изумленно переспросил адвокат. Чевит простер руки вперед.

— Представьте себе красивую женщину тридцати одного года, — сказал он. — Держится она холодно и высокомерно, однако внутри нее бушуют страсти. Эта женщина стыдится своего положения бедной родственницы, но старается свои переживания скрывать.

— И что же? — спросил полковник Роуэн, не спеша разгоняя рукой облако сигарного дыма.

— Когда такая женщина влюбляется, она способна взорваться, словно пушечное ядро. Если верить леди Корк, мисс Ренфру действительно влюбилась. Разумеется, на словах она все отрицала. Однако пылала такой страстной любовью (или, если хотите, похотью), что ради своего любовника лгала, воровала для него драгоценности, которые тот закладывал у Вулкана...

Тут вмешался мистер Мейн.

— Есть ли у леди Корк, — спросил он сладким голосом, — доказательства того, что ее драгоценности украла мисс Ренфру?

— Мне она их не представила. Но Фредди Деббит...

— Слухи, обычные слухи, дорогой мой. Чевит посмотрел на барристера.

Любезная улыбка Мейна, его круглое лицо и живые черные глаза не ввели его в заблуждение. Мистер Мейн был не просто честным человеком — он обладал острым умом и проницательностью, если не благодаря доводам рассудка, то инстинктивно. Барристер вбил себе в голову, что Флора Дрейтон виновна — виновна в чем угодно. И если у Чевита дрогнет рука или Ричард Мейн узнает о сокрытии улики, взрыва не миновать.

Мистер Мейн ждал ответа, скрестив руки на груди. Образно выражаясь, Чевиот снова выстрелил в него.

— Слухи? — переспросил он. — Боже правый, на что же еще мне полагаться? Напоминаю, сэр, мы с вами еще не в суде.

— Не нужно горячиться, мистер Чевиот. Что вы предлагаете?

— Сегодня вечером, — сказал Чевиот, — я навещу игорный дом Вулкана по адресу Беннет-стрит, двенадцать, рядом с Сент-Джеймс-стрит. Если нужно, поиграю...

— На чьи деньги? — спросил вдруг мистер Роберт Пиль, вставая с места. — Предупреждаю: только не на деньги правительства! Только не на деньги правительства!

Чевиот поклонился и похлопал себя по карману.

— Нет, сэр. Я буду играть на свои. Кстати, потому-то я сегодня опоздал, простите великодушно! Должен был повидаться с моими банкирами на Ломбард-стрит.

— На свои деньги? — ахнул пораженный мистер Пиль. — Боже правый, ну и прыть! — Он задумался. — Должен сказать, я немало слышал об этом Вулкане. Его заведение на Сент-Джеймс-стрит — одно из немногих, куда допускаются дамы.

Ричард Мейн удивленно поднял брови.

— Дамы?! — переспросил он. — А, понимаю. Вы имеете в виду проституток.

Мистер Пиль угрожающе выпрямился; на лице его застыло холодное и надменное выражение, с каким он смотрел на своих противников в палате общин.

— Нет, молодой человек, я имею в виду не проституток. Я имею в виду дам из общества, из высшего общества. Их охраняют слуги-мужчины, и никто им не досаждаст. Самый отъявленный повеса, сидя за ломберным столом или стоя за рулеткой, не смотрит ни на что, кроме своих ставок. По крайней мере, — быстро добавил мистер Пиль, поймав взгляд полковника Роуэна, — так мне говорили. — Он повернулся к Чевиоту: — Но что вы намерены там делать?

Полковник Роуэн был так же заинтригован, как и министр внутренних дел.

— Да! Каков ваш план действий?

— Что ж...

— Надеюсь, не облава? Это трудно. Входная дверь у них железная...

— Нет, нет, не облава. Я намерен пойти туда один...

— Чертовски опасно, — заявил полковник, качая головой. — Если они узнают, что вы полицейский...

— Я должен рискнуть. И потом, с вашего позволения, меня в некотором смысле будут охранять.

— Но что вы намерены делать?

Тут настал черед Чевииота сделать круг по дымной, душной комнате.

— Сегодня утром в кофейне одного отеля, — начал он, глядя в окно, — Фредди Деббит описал мне игорное заведение Вулкана, в том числе и его кабинет.

— И что же?

— По словам леди Корк, в залоге у Вулкана находится одна весьма дорогая для нее драгоценность. Узнать ее легко: это брошь с бриллиантами и рубинами в виде кораблика с парусами. Поскольку вещь заложена, а не продана, она до сих пор находится у Вулкана. Маловероятно, чтобы брошь принесла сама мисс Ренфру. Все знали о ее ненависти к азартным играм. И потом, она никогда не совершила бы такой бестактный поступок. Нет! Вещицу заложил мужчина. Дайте мне брошь, и мы заставим Вулкана назвать его имя.

— Разве это докажет, — язвительно поинтересовался мистер Мейн, — что он убил мисс Ренфру?

Чевииот отвернулся от окна, подошел к столу и посмотрел барристеру прямо в глаза.

— Официально — нет, — согласился он. — Но иначе расследование застопорится. У меня сильные подозрения, основанные на опыте, о котором я не решаюсь вам поведать...

— Короче говоря, вы просто гадаете?

— Нет, я полагаю! Как только мы узнаем имя мужчины, принесшего брошь, он в наших руках.

— Возможно... возможно, вы и правы. Но если отвлечься от ваших личных предположений, вы уверены в своих умозаключениях?

— Нет! Нет! Нет! — Лицо у Чевииота побледнело. — На это способен лишь самоуверенный маньяк наподобие покойного генерала Бонапарта! Не правда ли, полковник Роуэн? Мистер Пиль? Я лишь

могу присягнуть, что, скорее всего, так оно и есть. Дело слишком сложное. Несмотря на все мои предположения, убийца может оказаться даже женщиной!

— Женщиной?! — повторил мистер Пиль. Тут кто-то громко постучал в дверь.

На проге показался низкорослый, но широкоплечий и крепко сбитый сержант с бляхой номер 13; его румяное лицо и веселые глаза очень понравились Чевииоту. Сержант обращался к полковнику Роуэну, однако его взметнувшаяся к виску рука салютовала одному Чевииоту.

— Дама хочет видеть суперинтендента, сэр!

— Дама? — Полковник Роуэн окинул огорченным взглядом засыпанный пеплом пол и общий беспорядок в кабинете. — Невозможно, сержант Балмер! Нам негде ее принять!

Сержант Балмер оставался невозмутимым.

— Ее имя мисс Луиза Тримейн, сэр. Она говорит, у нее есть важные сведения о какой-то мисс Ренфру. Однако она не будет разговаривать ни с кем, кроме суперинтендента, причем наедине.

Полковник Роуэн погасил сигару о край стола, взметнув фонтан искр, и бросил ее в фарфоровую плевательницу.

— Мистер Пиль, — обратился он к министру внутренних дел. — Вам предстоят дела государственной важности. Мы... не можем принять молодую даму в моей квартире наверху. Но мы с мистером Мейном можем удалиться туда, в то время как мистер Чевииот примет ее здесь. Вы, сэр, несомненно, захотите нас покинуть?

Мистер Пиль осторожно, словно римский император, водрузил на голову бобровую шляпу.

— Да, полковник, мне следовало бы удалиться, — нараспев произнес он. — Но будь я проклят, если уйду! Ваши проклятые рассуждения на тему «кто убил и почему» заставили меня забыть о государственных делах! Оставляю дело на вашу ответственность, однако пойду с вами.

Через три секунды полковник увел адвоката и министра. В полутемном коридоре маячил сержант Балмер, за спиной которого виднелась длинная фигура красноносого инспектора Сигрейва. Приоткрыв дверь, Чевииот шепотом обратился к ним:

— Инспектор! Сержант! Свободны ли вы вечером от службы? Сможете сопровождать меня... скажем, между половиной

одиннадцатого и часом ночи? Накроем один притон.

Они не просто согласились; их лица просияли.

— Отлично. Сумеете освободить для задания шестерых констеблей? Вот и хорошо.

— Выбрать парней покрепче, сэр? — прошептал инспектор Сигрейв.

— Да. Мне нужны те, кто хорошо лазает. Парни, которые могут быстро и ловко взобраться на крышу или спрятаться за трубой, как настоящие взломщики.

— Есть у нас такие, сэр, — ответил инспектор, прикинув что-то в уме. — Именно такие, как вам нужно. Между нами, не хотелось бы признаваться, но они и в самом деле в разное время были взломщиками.

— Еще лучше! Позже мне нужно будет еще кое о чем с вами поговорить. А теперь просите даму.

Чевиот безуспешно помахал руками в воздухе, пытаясь разогнать табачный дым. Затем поднял створку окна, но, поскольку нечем было ее укрепить, снова опустил. Вошла Луиза.

Он уже решил, что ей девятнадцать или двадцать лет. На ней был синий тюрбан и белый плащ с короткой белой пелериной с синей каймой, а под плащом — платье с пышными рукавами и длинной пышной юбкой. Она вскинула на Чевиота светло-карие глаза, и он почувствовал: Луиза могла бы вскружить ему голову, будь он на десяток лет помоложе.

Поскольку Чевиот предпочитал более зрелых женщин, вначале он обращался с мисс Тримейн покровительственно-добродушно, словно старый дядюшка. Она угадала его отношение, и оно ей не понравилось. Заметив недовольство девушки, суперинтендент превратился в галантного кавалера, к полному восторгу Луизы.

— Мисс Тримейн, для меня величайшее удовольствие видеть вас, — заявил он, отряхивая своим огромным носовым платком подбитое красной материей сиденье кресла и лишь вздымая в воздух облако пыли. — Прошу вас, садитесь, пожалуйста!

— О, спасибо!

— Ммм... боюсь, что здесь несколько...

Луизу несколько не смущали грязь и беспорядок; наоборот, казалось, ничего другого она и не ожидала. Но она скромно потупила

взор и испуганно посмотрела в окно.

— Простите, пожалуйста, мою смелость, мистер Чевиот. Но мне очень нужно было вас увидеть. Я даже вынуждена была обмануть папу. Мистер Чевиот, ну почему отцы так легко раздражаются по любому поводу?

Чевиот с трудом удержался, чтобы не ответить: все дело в том, что отцы в данном возрасте слишком много пьют и помывают домашними, требуя полного подчинения.

— Мне это не приходило в голову, мисс Тримейн. Но они все такие, правда?

— Во всяком случае, мой. Пока мы ехали через Вестминстер, папочка ужасно ругал портного...

— Кого?!

— Вестминстерского портного. Папочка говорит, этот портной подожжет дом, или начнет мятеж, или еще что-то — и все из-за избирательной реформы. Мы... ехали за каретой капитана Хогбена, потому что капитан Хогбен хотел, чтобы мы увидели, как он вас выпорот. Только все произошло совсем не так, да? — Тут Луиза повернулась к Чевиоту, посмотрела ему прямо в глаза и заявила: — По-моему, это было чудесно.

Чевиоту показалось, что его задела стрела Амура. Он тяжело вздохнул. Суперинтендент еще не привык к поведению женщин девятнадцатого века. Однако оно ему очень нравилось.

— Ммм... спасибо.

Луиза немедленно вспыхнула и отвернулась. Но, почувствовав себя увереннее, затараторила, как раньше:

— Папочка просто разбушевался! Но конечно, он был по-своему прав. Он кричал про вас всякие нехорошие слова, намекал, чтобы вы убирались к... «Видел я в жизни драки, — это его слова, — но никогда не видел такого бойца, и ч, меня п., если я могу понять, как ему, ч, п., это удалось!» Видите ли, папочка разозлился, потому что он хочет, чтобы я вышла замуж за капитана Хогбена...

— И вы выйдете за него, милая мисс Тримейн?

— Если бы это зависело от меня, нет! — вскричала Луиза, негодуя вскидывая голову. — Но о чем я... Папочка был так раздосадован, что вынужден был остановиться у своего клуба, а меня

оставил у входа, на улице. Я подбежала к карете и велела Джобу везти меня сюда.

— Вы, кажется, хотели что-то мне сообщить?

— Да, да, да! О боже! Я должна сообщить вам две ужасные вещи. Я хотела сказать вам еще вчера ночью, но с вами рядом была Флора Дрейтон... — Она осеклась.

— Да, — кивнул Чевиот, глядя в пол.

От стройной девушки в синем тюрбане исходили волны страха и нерешительности. И хуже всего было то, что ее страх и нерешительность были связаны с ним.

— Я хотела сказать вам, — она дрожала, но голос ее звучал звонко, — об... о том самом мужчине.

— О каком мужчине?

— О любовнике Пег Ренфру, — ответила Луиза. — Говорят, она его просто обожала. Она настолько обожала его, что иногда ненавидела. Вы можете ее понять?

— Да, наверное.

— А я вот не могу. Но говорят, — с потрясающей душой откровенностью продолжила Луиза, — Пег воровала для него деньги и драгоценности, чтобы он мог играть в азартные игры. Она находилась в ужасно трудном положении: бедная родственница, во всем зависела от леди Корк. Пег думала: если леди Корк когда-нибудь узнает, она выгонит ее из дома. И вот несколько дней назад она решилась.

Чевиот кивнул, не поднимая головы.

Тонкие лодыжки Луизы во французских шелковых чулках дрожали. Ее туфельки из синей марокканской кожи были в грязи, так как ей пришлось пробежать через двор.

— Пег было трудно, ужасно трудно! Она, говорят, сказала ему, что больше не украдет для него ни гроша, ни единой безделушки. А если он ее заставит, сказала она, она во всем признается леди Корк и всем остальным. А тот человек (о, простите, я только пересказываю сплетни!) — у него ужасный характер. — Луиза, сама того не желая, говорила все громче и громче. — Он пригрозил ей: если она скажет кому-нибудь хоть слово, он ее убьет. И он застрелил ее. Ведь так все и было, правда?

Чевиот снова кивнул, не поднимая головы. Он чувствовал: Луиза то и дело поглядывает на него, приоткрыв невинный ротик.

— Вчера ночью я п-пыталась сказать вам, когда вы задавали всем вопросы. Но их было так много, и все слышали! Я могла только намекнуть...

На лбу Чевиота выступила испарина. Возможно, разгадка ближе, чем ему казалось. Он встал, не спуская глаз с Луизы; левая рука вцепилась в край стола.

— Да, я знаю, — сказал он. — И леди Корк тоже. Но ваши намеки были столь загадочны, столь туманны, что я ни о чем не догадывался, пока Фредди Деббит все мне сегодня не разъяснил в кофейне. Луиза! Ведь о мисс Ренфру и ее любовнике судачил весь Лондон. Почему же я ничего не знал?

— Да! И папа с мамой тоже говорили о них. Я все слышала, хотя они думали, что я ничего не слышу.

— Послушайте. Кто-то должен знать имя загадочного любовника, который угрожал ей! Вы знаете, как его зовут?

— А... а вы?

— Нет. Да и откуда мне знать, если все держали язык за зубами? Так кто же он?

— В-вы не догадываетесь?

— Нет, нет! Кто же он?

Луиза потупилась:

— Некоторые считают, что это... вы.

Бывают удары настолько неожиданные и фантастические, что почти не остается времени обдумать их и понять.

Шли секунды. Чевиот, перенеся вес тела на левую руку, вдруг обнаружил, что ладонь у него взмокла. Он покачнулся и едва не упал.

— Конечно, — добавила Луиза, — я всегда знала, что это не правда.

Однако она не была до конца уверена в своих словах. Луиза боялась Чевиота, несмотря на то что пошла на риск и предупредила его. В ее голосе слышались умоляющие нотки. Ей хотелось, чтобы он все отрицал.

— Хотя, конечно, — торопливо продолжала она, — вы иногда много играете. Но только после того, как много выпьете, а пьяным вас еще никогда не видели на публике.

Она почти слово в слово повторила слова, которые вчера произнес полковник Роуэн.

И замолчала, увидев, что Чевиот поднял голову.

— Луиза, — хрипло произнес он, — неужели вы можете допустить, будто я способен брать деньги у женщины? Или что мне вообще нужны деньги? Я не нуждаюсь!

— Нет, нет, нет! Но... люди часто говорят, что не нуждаются в деньгах, а на самом деле нуждаются, ведь так? А еще многие удивляются: раз у вас так много денег, зачем же вы поступили на службу в противную полицию.

Чевиот с трудом сдержался. Теперь он понимал, в каком опасном положении находится. Все свидетели молчали; они ничего не отрицали и не подтверждали. А он еще пытался расспрашивать их — об убийстве!

А Флора... знала ли она? Во всяком случае, что-то ей было известно. Тогда понятно, почему...

— Поверите ли вы мне, — начал он, — если я скажу, что не встречался с Маргарет Ренфру до вчерашнего вечера? Да она ведь и сама так сказала в присутствии других людей.

— Да, но... ничего другого она сказать и не могла, верно? Пег всегда говорила, что полюбит только человека в возрасте, у которого есть... — Луиза смутилась, словно ей предстояло употребить неприличное слово, — который знает жизнь. А один раз при мне, поправляя чепец, как бы между прочим, заметила, что вы прекрасно держитесь в седле.

— Послушайте! Я первый раз узнал о ее существовании от...

Чевиот вдруг замолчал.

Как неожиданные удары судьбы иногда заставляют оглохнуть и ослепнуть, так они могут и представить в ином свете факты, которые до тех пор были неверно истолкованы. Слова потянули за собой картину, картина навела его на определенные мысли...

Ослепленный чувствами, он блуждал в потемках! Чевиот опустил голову и посмотрел на столешницу. Под незажженной лампой с красным колпаком, рядом с собственным рапортом, он увидел пистолет полковника Роуэна с отполированной серебряной рукояткой.

Если бы только вчера ночью он провел свой простой опыт с отпечатками пальцев и узнал, кто стрелял, он скорее понял бы правду.

— Дым! — воскликнул он вслух. — Дым, дым! Луиза Тримейн вскочила со стула и попятилась.

— Мистер Чевиот! — ахнула она, протягивая к нему руки в лиловых перчатках и торопливо роняя их. — Я не сказала вам, — заторопилась она, — самое ужасное обстоятельство из всех. Оно касается вас обоих, вас и... и леди Дрейтон.

Чевиот очнулся от размышлений.

— Да? — спросил он, возможно, слишком резко. — Что такое?

Луиза отступила еще дальше к окну. Очевидно, она разрывалась между страхом и чувством долга. Ей очень не хотелось причинять ему боль, однако она испытывала смутное желание пострадать от него.

— Мы с Хьюго Хогбеном танцевали, — поведала она. — Должно быть, сразу после... после...

— После того как застрелили мисс Ренфру. Да?

— Да... Мы... — Луиза замолчала и отвернулась.

У нее был более тонкий слух. Чевиот не слышал тяжелых громких шагов, эхом отдававшихся от стен, и пьяного голоса за дверью.

— Это папа, — сообщила Луиза. Ее короткий носик, казалось, сморщился, как у девочки. — Он меня изобьет! Папочка милый, добрый, славный, но он изобьет меня, если я не придумаю какой-нибудь отговорки. Я не могу больше здесь оставаться, не могу!

Она подбежала к двери, распахнула ее и со стуком захлопнула за собой.

Чевиот метнулся за ней, но было поздно. Если не считать констебля, который разглядывал незажженные светильники, коридор был пуст. Хлопнула входная дверь.

Он слышал повелительный мужской голос, который перекрывал цоканье копыт и скрип колес. Карета отъехала от дома. Им с Флорой угрожает серьезная опасность; Луиза собиралась сообщить ему какая. Но она и ее милый, добрый, славный папочка уже уехали.

Чевиот пошел за шляпой. Он не поднялся наверх, в квартиру полковника Роуэна. Отдав несколько отрывистых приказаний инспектору Сигрейву и сержанту Балмеру, Чевиот поспешил прочь.

На углу он остановил кабриолет. После поездки по грязным улицам, на которых уже зажигали газовые фонари — поездка показалась ему бесконечной, — он остановился у дома номер восемнадцать по Кавендиш-сквер.

Дом Флоры из белесоватого камня не тронула копоть. В нем было тихо, свет не горел. Окна были плотно занавешены. Хотя Чевиот долго

стучал в дверь и чуть не оторвал шнур звонка, ему никто не открыл.

В тот же вечер, в половине одиннадцатого, поужинав и тщательно переодевшись, Чевитот приехал на Беннет-стрит и вышел у дома двенадцать. Он разглядывал игорное заведение Вулкана и гадал, что ждет его впереди.

Глава 12

Чертова дюжина

Из подворотни навстречу ему выступили две фигуры: одна чуть пониже, другая — значительно выше.

Поверх фрака Чевииот накинул черный плащ с капюшоном и каракулевым воротником; на голове его красовалась начищенная до блеска плотная, тяжелая бобровая шляпа.

— Трещотка у вас есть, сэр? — прошептал сержант Балмер.

— Да. — Чевииот прикоснулся к пояснице. — Под фраком. Ее не видно, даже если снять плащ.

— А дубинка?

— Нет.

— Как нет дубинки? — удивился инспектор Сигрейв. — Значит, пистолет?

— Пистолет? — вспыхнул Чевииот. — С каких это пор сотрудникам убойного отдела разрешается носить оружие?

— Простите, сэр... кому?

Чевииот вовремя вспомнил, где находится. Пришлось сосчитать в уме до десяти, чтобы успокоиться.

— Извините, оговорился. А теперь послушайте: пока ни вам, ни остальным не нужно входить в дом. Но возможно, войти понадобится. Так что... если у кого-то из вас имеется пушка... то есть пистолет, немедленно избавьтесь от него. Понимаете?

Сержант Балмер, как оказалось, был малым храбрым, но безрассудным. Инспектор Сигрейв, напротив, несмотря на деловитость, без конца волновался и всего боялся.

— Сэр! — Инспектор вытянулся во фронт. — Прошу прощения, суперинтендент, но в четвертом номере большой запас пистолетов и сабель. В особых случаях, как говорит мистер Пиль, нам разрешается ими пользоваться.

— Сейчас случай не тот!

Ночь была ясная и холодная; небо безлунное, только яркая россыпь звезд. Беннет-стрит, короткий и узкий тупичок, освещался всего одним слабым газовым фонарем. Это был первый переулок

направо, если идти по Сент-Джеймс-стрит от Пикадилли. Чевиот с товарищами стоял в подворотне рядом с темной сейчас каретной мастерской Хуперов. Беннет-стрит была пустынна, как дорога в Помпеях. Но по Сент-Джеймс-стрит, которую покрывал толстый слой отвратительной грязи, то и дело проезжали двуколки, парные двухколесные экипажи, коляски, кабриолеты и кареты. Слышались цокот копыт и щелканье кнутов.

Чевиот кивнул в их сторону.

— Настанет время, — заявил он, — когда те люди... все люди! — будут считать вас своими друзьями, защитниками, покровителями во время войны и мира. Это высокая честь. Запомните мои слова!

Сержант Балмер промолчал. Инспектор Сигрейв недоверчиво хмыкнул:

— Готов поспорить, сэр, мы с вами до этого не доживем.

— Да. Не доживем. Однако время, о котором я говорю, настанет, — Чевиот схватил инспектора за руку, — если вы будете себя вести так, как я вам велю. Никакого огнестрельного или холодного оружия; если понадобится, работайте руками или дубинками.

— Я с вами, сэр, — заявил сержант Балмер. — Я не могу выкинуть пистолет на улицу. Зато я могу его разрядить.

— Сэр! — воскликнул инспектор Сигрейв. — Вы уже бывали у Вулкана?

— Да, — солгал Чевиот.

— Значит, вы знаете, чего ждать, если они пронюхают, что вы полицейский?

— Да.

— Отлично, сэр! — Инспектор отдал честь и скрестил руки на груди.

Порывшись в складках плаща рукой в белой перчатке, Чевиот извлек из кармана серебряные часы с двойной крышкой на серебряной цепочке — их подобало носить с фракком.

— Ровно половина одиннадцатого, — объявил он. — Пора. Я забыл спросить только об одном. Как выглядит сам Вулкан... Какой он?

Даже во мраке Чевиот почувствовал, как ошеломлен сержант Балмер.

— Вы бывали там, сэр, но никогда не видели его?

— По крайней мере, мне об этом неизвестно.

— Крупный малый, сэр, — прошептал сержант Балмер, качая головой. — Выше вас ростом и шире в плечах. Башка у него лысая, без единого волоса, один глаз стеклянный, только я позабыл какой — правый или левый. Вид у него как у джентльмена и речь тоже, хотя не знаю, где он набрался хороших манер. Если хотите поговорить с ним...

— Вы прекрасно знаете, что я хочу поговорить с ним.

— Тогда будьте начеку, сэр! Ходит он неслышно, а быстрый, как молния. Если он о чем-то догадается, не позволяйте ему оказаться у вас за спиной.

— Почему у него такая кличка? Вряд ли Вулкан — его настоящее имя.

— Не знаю, как его звать на самом деле... — Сержант задумался. — Как-то раз мне рассказывал один джентльмен, из образованных... Вроде бы его кличка из Библии.

— Дальше!

— Есть, сэр. Вулкан — он вроде как бог преисподней, а женой у него богиня Венера. Однажды она затеяла шуры-муры с Марсом, богом войны. Ну а Вулкан, стало быть, их застукал. Так вот! То же самое приключилось и с нашим Вулканом.

— Неужели? Как?

— Была у него жена, не то подружка — красотка, но уж и горяча! Однажды он застаёт ее в таком положении, какое вы, наверное, назовете «неудобным» — в общем, без одежды, с одним офицером. Ну и наш Вулкан выкинул того Марса в окошко! Он крепкий орешек, сэр! Берегитесь!

— Да. Что ж, вы получили приказ. Удачи!

И Чевииот не спеша зашагал по темной улице.

Повсюду, как и везде в Лондоне, слышались слабый цокот копыт и скрип колес: странный, отдаленный звук, который, однако, накрепко въедался в сознание.

Заведение Вулкана помещалось в аккуратном черном четырехэтажном доме; верхний этаж был уже остальных. Нигде не было видно ни единого лучика света, только парадная дверь стояла чуть приоткрытой, и оттуда светил крошечный огонек. Чевииот уже знал, что так обозначают все игорные дома: посетителю сразу ясно,

чем здесь занимаются. Кроме того, открытая дверь — недвусмысленное приглашение войти.

Чевиот поставил ногу на первую из каменных ступеней, ведущих к парадной двери, и поднял голову.

Ему было очень и очень не по себе.

Откровенно говоря, нервничал он потому, что не мог найти Флору. Он провел много часов, безуспешно разъезжая по городу и наводя о ней справки, однако понял лишь одно: Флора — не просто его любовница. Она ему нужна, она вплетена в его жизнь и душу, и, хотя он вслух никогда не отважится произнести такие ужасно банальные слова, без нее он не может жить.

Что ж, так бывает. Однако жить-то надо. И он должен жить в этом ушедшем Лондоне, таком странном и в то же время до боли знакомом — в Лондоне Флоры. Если...

Чевиот пришел в себя; нога ударилась о ступеньку. Хорошенькая двуколка, освещаемая с двух сторон яркими фонарями, которой правил расторопный на вид кучер, прикатила со стороны Арлингтон-стрит, проехала еще немного по улице и остановилась у двери Вулкана.

Из коляски, поддерживаемый расторопным кучером, выпрыгнул джентльмен, ростом и сложением походивший на Чевиота и одетый точно так же. Однако годами новоприбывший был моложе. На лице его с длинным красным носом и густыми каштановыми бакенбардами застыл рассеянный взгляд.

Они с Чевиотом вместе взошли по ступенькам, поглядывая друг на друга, и одновременно оказались у приоткрытой двери.

— После вас, сэр, — вежливо посторонился Чевиот.

— Что вы, сэр! — возразил новоприбывший, который был слегка навеселе и держался подчеркнуто любезно. — Проходите, проходите! Нет, нет, что вы! После вас.

Обмен любезностями мог бы продолжаться вечно, если бы Чевиот не распахнул обе створки двери. Кланяясь друг другу и улыбаясь, оба вошли в маленькую и тесную прихожую. Перед ними оказалась еще одна дверь: тяжелая, очень толстая, выкрашенная в черный цвет с позолотой, с продолговатым закрытым глазком на уровне лица.

Снова преувеличенно вежливо поклонившись, дружелюбный незнакомец с пышными бакенбардами протиснулся мимо Чевиота и дернул медный колокольчик. Филенка глазка немедленно открылась.

Сначала незнакомца, а потом и Чевииота подвергли тщательному осмотру чьи-то острые и довольно бесцеремонные глаза.

Повернулся тяжелый ключ. Два засова со скрипом отодвинулись. Дверь открыл лакей в строгой красно-черной ливрее, с белым воротом и манжетами, золочеными пряжками на туфлях. Волосы у него были напудрены, как и у остальных лакеев, хотя в обществе пудренные волосы уже лет тридцать назад вышли из моды.

Любой опытный полицейский, бросив всего один взгляд на покрытое шрамами мрачное лицо лакея, сразу понял бы, с кем имеет дело, и насторожился.

— Добрый вечер, милорд, — почтительно поздоровался лакей с дружелюбным незнакомцем. Затем почти так же — чуть менее вежливо — он обратился к Чевииоту: — Добрый вечер, мистер Чевииот.

Чевииот буркнул что-то неразборчивое. Увидев лакея, он весь подобрался, почувствовав опасность, но тут же расслабился, поняв, что, должно быть, хорошо известен здесь.

Лакей ловко принял плащ у «милорда». Но поскольку милорд не сделал попытки снять цилиндр, Чевииот также остался в головном уборе, когда лакей снял с него плащ.

— Ха-ха-ха! — вдруг расхохотался милорд. Глаза его сверкнули, и он потер руки в белых перчатках, словно предвкушая что-то интересное. — Как сегодня игра, Скимпсон?

— Как всегда, милорд. Прошу вас, джентльмены, пройти наверх.

Мраморный холл в заведении Вулкана был просторным, с высоким потолком, хотя воздух там был спертый, несмотря на слабый цветочный аромат. Один репортер, побывавший у Вулкана, восторженно писал, что холл «полон кадок с самыми отборными цветущими и экзотическими растениями».

Лестница, покрытая красным ковром, вела к еще одной закрытой двери. Хотя перила были довольно тонкой работы — кованые, с орнаментом, — их немного портила позолота. По пути наверх милорд стал еще дружелюбнее.

— Впервые у Вулкана, сэр? — осведомился он.

— Откровенно говоря — да... почти.

— Ну и ладно! Не важно. — По лицу милорда пробежала тень. — Я просадил здесь две тысячи за несколько дней, к чему скрывать. Но здесь играют честно, вот что самое главное. — Он снова просиял. — А

сегодня мне повезет. Я это чувствую. Я всегда чувствую. Что предпочитаете? «Красное и черное»? Пойдете ва-банк? Сыграете на рулетке?

— Боюсь, в «красном и черном» я мало что смыслю. Милорд остановился и, пошатываясь, развернулся к своему спутнику, облокотившись о перила.

— Не смыслите в «красном и черном»?! — воскликнул он, изумленно раскрывая глаза. — Перестаньте! Черт побери! Откуда же вы приехали? Это самая простая игра. Сейчас я вам покажу!

Милорд стащил с рук белые перчатки.

— Вот стол. — Руками он очертил большой стол. — Слева черное, то есть «нуар» по-французски, а справа красное, или «руж». В середине сидит крупье... — Он замолчал и издал лошадиный смешок; потом снова посерьезнел. — Извиняюсь. — Милорд поклонился. — Я так давно общаюсь с нашими весельчаками (славные парни, надо признаться!), что начал говорить как они. Конечно, конечно, я имею в виду банкромета.

— Да, я понял.

— Отлично! У крупье шесть колод карт. Он тасует их и сдает, начиная слева, то есть с черного. Выигрывает тот, кто наберет тридцать одно очко. Пока понятно?

— Да.

— Хорошо. Предположим, крупье сдает туза (одно очко), короля, даму или валета — они идут по десяти очков, девятку, еще одну картинку, пятерку, двойку... — Милорд замолчал, что-то подсчитывая в уме и шевеля губами. — Так вот! Сколько получается на красном?

— Тридцать пять.

— Жаль! Значит, черные выигрывают. Видите, как просто: вы ставите на черное или красное, вот и все. — Милорд помолчал еще. — Правда, всегда есть вероятность «апрэ».

— Позвольте спросить, что такое «апрэ»?

— А! Это когда черное и красное набирают одинаковое количество очков. Тридцать одно, тридцать четыре — любое число. К счастью, такое бывает редко. — Милорд слегка нахмурился. — В таком случае банк загребает все деньги.

— Банк загребает... — начал было ошеломленный Чевиот, но вовремя сдержался, закашлялся и кивнул.

— Просто, правда? — спросил милорд.

— Очень просто. Ну что, пойдём?

На площадке они очутились перед дверью, которая, очевидно, была сработана из прочного железа. Глазка в ней не было. Чевиот, задумавшись, почти не заметил двери.

«Красное и черное» не только простая игра, это игра примитивная. При наличии шести колод одинаковое количество очков на красном и черном выпадает чаще, чем кажется распаленным в игре понтерам; и тогда банк забирает все. Собственно говоря, банк вообще ничем не рискует: игроки ставят деньги друг против друга.

— Ну а я, — продолжал милорд, — люблю рулетку. Сегодня я их нагрёю; вот увидите! И потом, за рулеткой всегда есть на что посмотреть — на Кейт де Бурк.

— О да, — кивнул Чевиот, как будто данное имя было ему хорошо знакомо. — Кейт де Бурк!

— Она — собственность Вулкана, — продолжал милорд, подмигивая, — но по ней сразу видно, что она уличная. Вы ее сразу увидите: всегда сидит за рулеточным столом. Готов побиться об заклад, что ее настоящее имя попросту Кэти Бэрк! Волосы как вороново крыло! Пухленькая, как куропатка! Смуглая, как... — Он замолчал.

Толстая, толщиной в четыре дюйма, железная дверь отворилась бесшумно; должно быть, лакей снизу подал сигнал. Не было слышно, как отодвигаются подбитые войлоком засовы. За дверью стоял еще один лакей. Чевиот невольно засмотрелся в его мертвые глаза и увидел шрам, старательно присыпанный толстым слоем пудры.

Из широкого, с высоким потолком игорного зала пахнуло душным, спертым, почти невыносимым воздухом. Зал, видимо, занимал весь этаж.

Окон не было. Шторы желтого бархата с витыми красными ламбрекенами шли до самого пола, покрытого длинноворсовым ковром с узором в виде желтых колец. У левой стены находился мраморный камин, в котором развели жаркий огонь. Пламя ревело; во все стороны летели искры. Против другой стены, справа от него, на столах, накрытых белыми скатертями, стояли серебряные подносы с сэндвичами, салатом из омаров, чашами фруктов и длинными рядами бутылок. Но отчетливее всего Чевиот ощутил витающее в воздухе

возбуждение; оно исходило от игорных столов, на которые падал свет восковых светильников.

Два стола, каждый по восемнадцать футов длиной, закругленные на концах и покрытые зеленым сукном с яркими отметинами для ставок, были развернуты широкой стороной к железной двери.

Ближний стол был расчерчен для игры в «красное и черное»: с одной стороны красовались крупные красные треугольники, с другой — черные. Дальний стол, который Чевиоту был не так ясно виден, на первый взгляд представлял собой разновидность обычной современной рулетки, если не считать того, что колесо было сработано грубее.

В центре каждого стола лицом к нему сидел первый крупье. За ним стоял второй, державший в руке длинную деревянную лопаточку для денег и жетонов.

— Пока! — произнес милорд, помахав Чевиоту и беззвучно шагая по толстому ковру. Голос его показался неестественно звонким.

В зале царил тишина, нарушаемая лишь бормотанием банкометов, шлепками переворачиваемых карт, щелчками прыгающего шарика на рулетке да шорохом жетонов слоновой кости, придвигаемых лопаточкой.

Чевиот вертел головой, пытаясь разглядеть в толпе профессиональных шулеров и вышибал Вулкана. Он подошел к столу. Вокруг него было полным-полно постоянных посетителей — мужчин в безупречных фраках, в цилиндрах. Они сидели вплотную к столу на шатких стульях, имитирующих чиппендейловские.

Оглядевшись и убедившись, что все ставки сделаны, крупье принялся быстро сдавать.

Чевиот подошел к столу, следя за мелькающими картами.

— Шесть! — бормотал крупье. — Красное.

Некий молодой старичок, которому можно было дать все сорок, несмотря на то что на самом деле ему было не больше двадцати одного — двадцати двух лет, тяжело вздохнул и придвинулся ближе.

— Есть! — прошептал он. — Красное выиграет! Должно выиграть! Ставлю еще...

— Ш-ш-ш!

Крупье принялся сдавать карты другой стороне. Руки его двигались стремительно, но не настолько, чтобы игроки не видели

очки на переворачиваемых картах.

Он выложил даму бубен, валета треф и десятку червей — каждая из них стоила десять очков. Помедлив, крупье вытянул из колоды восьмерку треф.

— Семь! — объявил он. — Черное выиграло.

Молодой старичок помертвел; лицо его словно опало. Он что-то прошептал и поднялся со стула. Рядом с ним полный, широколицый человек с внешностью отставного морского офицера, в белоснежной кружевной сорочке, мягко дотронулся до его плеча и усадил на место.

Чевиот обошел стол и направился к рулетке. Огонь в камине шипел и плевался; в его отблесках ярко отсвечивали ряды бутылок напротив. Кто-то вскрикнул, когда закончилась партия. Защелкали жетоны. Здесь посетителей было полно. Лакеи бесшумно сновали по ковру, разнося подносы с кларетом, бренди и шампанским.

Подойдя к столу для игры в рулетку, Чевиот остановился и поднял голову. Наверху, на высоте около четырнадцати футов, над самым столом, тянулся длинный балкон шириной во всю стену, также занавешенный желтыми шторами с красными ламбрекенами. С первого взгляда создавалось впечатление, что ограждавшие его позолоченные перила были изготовлены из кованого железа, но, вероятнее всего, под позолотой скрывалось трухлявое дерево. Из зала на балкон можно было подняться по двум крутым лесенкам.

«Вот оно», — подумал Чевиот.

Желтые шторы не скрывали трех дверей, выходящих на балкон. На средней массивной двери красного дерева красовалась позолоченная буква "В". «Личный кабинет Вулкана. Если он бережлив, а Фредди точно описал его, и мой план хоть сколько-нибудь разумен...»

Он перевел взгляд на игроков за рулеткой. Среди них находились две женщины. Одна из них, судя по описанию милорда, была Кейт де Бурк, «собственность Вулкана».

Кейт сидела у правого края, спиной к столам с закусками. Она была невысокой; ее угрюмая красота бросалась в глаза. Блестящие черные волосы зачесаны назад, обнажая уши, и сзади свернуты в тугой пучок. Острые, живые глаза затуманились; на фоне темно-карих радужек и угольно-черных зрачков белки казались неестественно белыми. Справа от нее лежала кучка жетонов; она рассеянно

перебирала их, складывая стопкой. Она о чем-то задумалась; ее полные губы были плотно сжаты.

Другая же... Чевииот перевел взгляд на противоположный конец стола, туда, где восседал первый крупье. Другая женщина была Флора.

— Делайте ваши ставки, дамы и господа! — слышался высокий, механический, напевный голос крупье. — Делайте-ваши-ставки, делайте-ваши-ставки.

Флора, видимо, узнала о его присутствии задолго до того, как он заметил ее. Возможно, она увидела его сразу же, как он вошел, хотя сейчас намеренно опустила глаза. На ней было темно-синее бархатное платье, обшитое золотом, с низким вырезом, но с бретелями и, как у большинства вечерних платьев, с короткими сине-золотыми выступами на плечах, похожими на узкие эполеты.

Рядом с ней на зеленом сукне высилась маленькая кучка жетонов. Пышные золотые волосы Флоры были тщательно уложены, как и накануне, — примерно в том же стиле, как и у красотки Кейт. За ее креслом, настороженно следя за каждым движением игроков, стоял одетый в ливрею мускулистый кучер.

Флора подняла голову и вскинула на Чевииота быстрый взгляд. В нем читались раскаяние, желание оправдаться, мольба. Как только их глаза встретились, им показалось, что они одни и уже сжимают друг друга в объятиях.

«Что ты здесь делаешь?» — спрашивал ее укоризненный взгляд.

«А ты что здесь делаешь?»

Флора снова опустила голову и принялась смущенно перебирать жетоны. Узнав Чевииота, кучер облегченно вздохнул. Чевииот небрежно зашагал мимо игроков; многие, перед тем как сделать ставку, брали из рук лакеев бокал с вином.

Надо всем витал дух азарта, однако Чевииота всеобщее возбуждение не коснулось. Он никогда не мог понять тех, кто из вечера в вечер занимал себя картами, в то время как можно было, отдавшись одиночеству, почитать в тиши кабинета книгу. Правда, существовали и другие искушения. Если бы не железная дисциплина, он легко мог бы спиться или пуститься во все тяжкие.

Собственно говоря, в молодости — в прошлой жизни — он едва не сбился с пути. Когда он закончил Кембридж и вернулся домой, одна девушка отказалась выйти за него замуж, потому что он твердо решил

поступить в полицию, вместо того чтобы изучать право. Он был слишком упрям, чтобы уступить невесте, но после ее отказа ушел в затяжной запой. Тогда-то та девушка сказала...

В голове у Чевиота все смешалось и помутилось. Память изменила ему; он даже не мог вспомнить, как звали его невесту и какая она была.

От духоты, ревушего пламени, движения гостей, многие из которых не играли, а просто фланировали по залу, занавешенному желтыми шторами, у него потемнело в глазах и закружилась голова. Он сосчитал до десяти; в глазах прояснилось. Пока он помнит свое дело, все остальное не важно. Но если и это пропадет...

За раздумьями Чевиот не заметил, как дошел до противоположного конца стола. Там находилась доска, расчерченная желтыми квадратами, в которые были вписаны красные и черные цифры. Посередине вертелось неуклюжее колесо. В голове у него совершенно просветлело.

Когда шарик упал в гнездо, помеченное «зеро», банк забрал все ставки. На диске с цифрами имелось не только зеро, но и двойное зеро. И кое-что еще.

— Делайте ваши ставки, дамы и господа! Делайте-ваши-ставки, делайте-ваши-ставки, делайте-ваши-ставки!

Чевиот обогнул стол и остановился между Флорой и первым крупье. Кучер, почтительно поклонившись ему, отошел в сторону.

Чевиот не заговорил с Флорой. Он мягко положил руку ей на плечо. Плечо было теплым и влажным и слегка дрожало. Она снова метнула на него быстрый взгляд. Лицо Флоры чуть зарделось; там, где кожа разогрелась от жара свечей, на ней выступила испарина.

— Добрый вечер! — громко поздоровался Чевиот с ближним из двух крупье, чтобы привлечь к себе внимание.

Крупье поднял на него взгляд, кивнул и улыбнулся, показав гнилые зубы.

— Добрый вечер, мистер Чевиот, — сказал он и снова принялся напевно бормотать, повторяя номера сделанных ставок.

Чевиот подался вперед и обратился ко второму крупье.

— Для начала, — произнес он чуть громче, — дайте-ка мне фишек на две сотни. По пятьдесят фунтов, пожалуйста.

Из брючного кармана он извлек деньги, полученные в банке Гроллера. Тысяча фунтов в пятифунтовых банкнотах кажется значительной суммой. Некоторые игроки оторвались от стола и посмотрели на него, но их взгляды тут же остекленели или подернулись пленкой.

За столом, где играли в «красное и черное», он уже насчитал девятерых «подсадных уток» Вулкана. Не меньше четверых вертелись в зале среди тех, кто просто слонялся между столами и наблюдал за игрой. Если прибавить еще двенадцать, сидящих за рулеткой, по обе стороны от колеса, их было не меньше двадцати пяти. Возможно, имелись и другие — скажем, четыре-пять. Всего, следовательно, тридцать «подсадных» на сто двадцать посетителей.

Второй крупье, перед которым возвышалась куча банкнотов и монет, а также груды жетонов, молча кивнул. Сунув оставшиеся деньги обратно в карман, Чевиот отдал крупье сорок пятифунтовых банкнотов, получил взамен четыре жетона по пятьдесят фунтов и торопливо придвинул жетоны к себе. Один кругляш выскользнул у него из рук и упал на ковер рядом с первым крупье, крутившим колесо. Наклонившись за жетоном, Чевиот бросил быстрый взгляд на правую ногу крупье, находившуюся рядом с ножкой псевдочиппендейловского стула.

Потом он выпрямился.

— Я чувствую, — звонко объявил он, — что сегодня сорву банк!

Вспомнив номер на бляхе сержанта Балмера, Чевиот поставил двести фунтов на тринадцать черными. Вокруг стола послышался невнятный гул.

— Джек! — начала было Флора, инстинктивно пытаясь возразить.

Он снова ободряюще сжал ее плечо.

Все пошло так, как он и рассчитывал. Как только кто-то уверенно делает крупную ставку, многие игроки тут же следуют его примеру и ставят на то же число.

К нему повернулись лица, покрасневшие от кларета и бренди. Руки перебирали фишки из слоновой кости. Субъект, известный Чевиоту как «милорд», чей нос еще больше покраснел от выпитого, бросил на номер тринадцать жетон на двадцать фунтов. Так же поступил и толстый юнец с рыжими бакенбардами, стоящий на

противоположном конце стола, — Чевиот смутно вспомнил, что видел его на балу у леди Корк.

Другие, более осторожные, ставили на цвет, на чет-нечет, на ряд или на корнер, то есть на четыре номера. Отличился один очень высокий и худой молодой джентльмен. Он встал и с видом актера, играющего Гамлета, сдвинул черные брови, затем, поставив шестьдесят фунтов на шесть красными, надвинул шляпу на глаза и сел.

Доска скрипела, игра шла по-крупному; бормотание крупье зазвучало по-другому.

— Ставки сделаны! — объявил он почти нормальным голосом, вставая. — Ставок больше нет, ставок-больше-нет, ставок-больше-нет.

Одной рукой крупье раскрутил красно-черное колесо. Другой вбросил шарик слоновой кости в направлении, противоположном движению колеса.

Игроки замерли.

Шарик покатился по гладкому краю колеса над вращающимся диском с цифрами. Перескочил несколько окошек и снова покатился по краю. Наконец, колесо начало замедлять ход. Тут суперинтендент уголовного розыска Чевиот снова проявил небрежность, уронив два оставшихся жетона. Один упал на ковер. Он наклонился поднять жетон, быстро посмотрел на правую ногу крупье и тут же выпрямился.

Шарик остановился; колесо замедлило бег. Подпрыгнув в последний раз, шарик упал на ноль. Над столом пронесся общий вздох, похожий на сдавленный стон. Кто-то вполголоса выругался.

В этот момент Чевиот почувствовал, что за его спиной что-то происходит.

Под самым балконом, у желтой шторы с красным ламбрекеном, стоял Вулкан собственной персоной.

Глава 13

Встреча отверженных

Чевиот не смел показать своего любопытства. Он даже не повернул головы. Лишь покосился назад. Однако успел разглядеть крупного, широкоплечего мужчину со сверкающей лысиной, облаченного в безукоризненный фрак.

Улыбнувшись, Чевиот перевел взгляд на игорный стол.

Пока крупье лопаточкой придвигал к себе выигрыш, на лицах многих игроков играла ядовитая улыбка, в остальном они никак не демонстрировали своего отношения. Похоже было на то, словно они прикрывали острие кинжалов пальцами.

Но милорд сохранял невозмутимое выражение; он просто пожал плечами и вытащил красный шелковый кошелек. Рядом с ним сидел явный шулер, «подсадная утка» — мужчина плотного сложения в пегом парике, скрывавшем шрамы на голове. Шулер шептал на ухо милорду что-то утешающее.

Таким же невозмутимым остался и толстый юнец с рыжими бакенбардами, который накануне ночью танцевал на балу у леди Корк. Рядом с ним также сидел «подсадной» и тоже его ободрял. Этот, второй, наемник был костлявым субъектом среднего возраста, с морщинистым лицом и искусственной челюстью, которая, казалось, вот-вот вывалится.

— Джек! — прошептала Флора, которая следом за Чевиотом послушно поставила пятьдесят фунтов на тринадцать черными. — Как по-твоему, не пора ли нам?...

— Пора, мадам, — галантнейшим образом поклонился Чевиот. Он глянул в сторону стола с вином и закусками, прикрытыми белыми салфетками, и бросил оставшиеся два жетона на зеленое сукно. — Пора подкрепиться, по-моему!

— Да, да, да! — закивала Флора, вставая. Он отодвинул ее стул.

— Потом нам улыбнется удача, — добавил Чевиот, обращаясь к мускулистому кучеру. — А пока займите место леди Дрейтон и посторожите, пожалуйста, наши фишки.

— Да, Роберт, пожалуйста! — попросила и Флора.

— Хорошо, — мрачно кивнул кучер. — Не сомневайтесь, сэръ, мадам, посторожу.

Посмотрев на противоположный конец стола, Чевиот не мог не задержаться взглядом на Кейт де Бурк.

Одна, отчужденная, молчаливая, положив локти на зеленое сукно, она перебирала свои жетоны. На ней было светло-зеленое вечернее платье, выгодно подчеркивавшее ее прелести. Только однажды, когда Чевиот сделал крупную ставку, Кейт подняла глаза и наградила его задумчивым взглядом, но почти сразу же снова опустила голову.

«Клик-клик-клик!» — стучали ее жетоны, когда Чевиот об руку с Флорой медленно прошел под сень галереи.

Голова Кейт слегка повернулась; женщина метнула короткий, оценивающий взгляд на Флору, а затем снова погрузилась в забытье.

Золотая головка Флоры доставала Чевиоту до плеча. В синем, расшитом золотом платье, в перчатках по локоть, с золоченым ридикюлем в руке, она словно озаряла светом полутемный зал.

Однако голова ее была опущена; глаза смотрели на ковер.

— Джек! — тихо позвала она.

— Что?

— Вчера ночью, — не выдержала Флора, хотя голос по-прежнему не повышала, — ты был так терпелив! А я вела себя мерзко... отвратительно, ужасно! Как мне потом стало стыдно! Мне было очень, очень стыдно!

— Милая, не волнуйся. Мы все обсудим. Но сейчас мы должны друг друга понять. Например, вчера ночью я слышал сплетню о...

— ...и все равно, — не слушая, продолжала Флора так же тихо, — ты мог бы сегодня и заехать ко мне!

— Заехать? Да ведь я заезжал! Я едва не выломал дверь, но никто мне не открыл.

Флора как будто развеселилась:

— Ах вот оно что! Я нарочно уехала к тетке в Челси и велела слугам не открывать тебе. Но ты мог хотя бы оставить записку и подсунуть ее под дверь.

Чевиот остановился и пристально посмотрел на нее:

— Боже правый, Флора, ну почему ты всегда поступаешь мне наперекор?

— Наперекор? — Темно-синие глаза расширились и сверкнули; они растопили его гнев, несмотря на то что она сама начинала злиться. Но его слова, видимо, потрясли Флору. — Наперекор? — шепотом повторила она. — Да, наверное. Милый, милый, что же я делаю сейчас?

— Ничего особенного, — улыбнулся он, — просто пользуешься женским оружием. В этом столетии...

— В каком «в этом»?!

— У тебя нет никаких прав, почти нет свободы, нет привилегий. Каким же еще оружием тебе пользоваться? Но прошу тебя, не пользуйся им против меня. Не надо. Флора! Посмотри на меня!

Они стояли возле буфета.

Чевиот снял перчатки и сунул их в вырез жилета, а шляпу положил на стол, накрытый белой скатертью. Затем взял серебряное блюдо с сэндвичами. Хлеб оказался черствым, а ветчина была нарезана слишком толстыми ломтями. Флора, по-прежнему не глядя на него, взяла сэндвич.

На столах стояли серебряные запотевшие ведерки. Оттуда, из подтаявшего льда, торчали горлышки открытых бутылок. Чевиот вытащил бутылку шампанского неизвестной ему марки, с которой капала вода, и наполнил два бокала. Флора взяла свой, не поворачивая головы.

— Позволь повторить, — проговорил он, — вчера ночью я еще не слышал сплетен о... о Маргарет Ренфру и обо мне. Тебе они, наверное, известны?

— Они известны всем.

— Ты слышала что-нибудь еще о нашей якобы связи?

— Нет. Что же можно об этом еще рассказать?

— Флора! Посмотри на меня! Подними голову!

— Не хочу!

— А слышала ли ты, — спросил Чевиот, язвительно улыбаясь, — что она крада деньги и драгоценности ради меня и я их брал?

Глаза Флоры взметнулись вверх; в них стояли слезы. Губы приоткрылись; она была поражена до глубины души.

— Какая чушь! Чтобы ты... Самая наглая ложь... Интересно, кто посмел?...

— Если ты веришь в одно, то должна поверить и в другое. Ты веришь?

— Я...

— Или ты только дразнишь меня, Флора? Разве в глубине души ты не знаешь, что Маргарет Ренфру ничего для меня не значила — как и я для нее? Разве не знаешь?

Наступило молчание. Потом Флора быстро кивнула.

— Да, — призналась она. — То есть я знала... раз ты со мной, ты не мог одновременно быть и с ней. — Она вспыхнула, но не отвела серьезного взгляда. — Виной всему просто мое ужасное воображение. Я ничего не могу с собой поделать.

— Так возможно ли, чтобы нас и дальше разделяло непонимание?

— Нет! Нет! Никогда!

Он поднял свой бокал. Флора чокнулась с ним краешком своего. Оба выпили залпом, оставили бокалы в сторону и, словно сговорившись, отложили в сторону несъедобные сэндвичи.

Флора протянула к нему руки. Он не мог, физически не мог сообщить ей о нависшей над ними обоими грозной опасности. Он не мог сообщить ей о подозрениях мистера Ричарда Мейна, который парил над ними, словно коршун, готовый броситься вниз и нанести удар. Если кто-то видел, как из муфты Флоры выпал пистолет, а он прятал его под лампу, оба они вполне могут оказаться на скамье подсудимых.

Но об одном он обязан ее предупредить. Чевиот притянул ее ближе и заговорил шепотом:

— Милая, если ты веришь мне, ты должна делать то, что я скажу. Ты должна уйти отсюда, причем немедленно.

— Уйти? — Он почувствовал, как она вздрогнула. — Почему?

— Из-за «подсадных уток» Вулкана. Их слишком много. Я нюхом чую опасность.

— «Подсадные утки»? Кто они такие?

Чевиот еще раз незаметно окинул взглядом зал.

— Попросту говоря, люди, нанятые заведением. Им платят по одной-две гиней за ночь.

— И что же? Не молчи!

— Они побуждают простофилю и новичков повышать ставки, а потом утешают и подбадривают их до тех пор, пока те не проиграются.

Сами «подсадные» тоже играют по маленькой — понарошку, друг против друга. Если они выиграют, то обязаны вернуть выигрыш до закрытия банка, до трех часов утра. А если простофили что-то заподозрят... их запугивают. Если не удастся запугать... все «подсадные» неплохо боксируют и управляются с ножом и пистолетом. — Чевиот снова окинул взглядом толпу игроков. — Говорю тебе, — повторил он свистящим шепотом, — их слишком много! Сегодня здесь слишком много шума и разговоров; неужели сама не слышишь? И все очень напряжены; они без конца переглядываются друг с другом.

— Я ничего не замечаю!

— Да, наверное. Зато замечаю я. Они чего-то ждут. Ждут взрыва.

— Взрыва? Но какого?

— Точно не знаю, но... Флора! Зачем ты сюда пришла?

— Я... надеялась найти здесь тебя. Я подумала... — Она замолчала.

— Ты подумала, что я снова играю и пью напропалую, совсем потерял рассудок? Как вчера ночью, ты так решила?

— Я не то имею в виду! Правда, поверь мне! Только...

— Посмотри на меня. Похож я на пьяного или безумного? Нет! И потому тебе тем более необходимо уйти, прежде чем котел взорвется. Иди, обменяй жетоны на деньги. Роберт доставит тебя домой в целости и сохранности.

Чевиот стоял так близко от Флоры, что мог бы, наклонившись, поцеловать ее в губы. Он ощущал исходящий от нее зов, даже не видя, что написано у нее на лице; и вдруг почувствовал, как у нее резко изменилось настроение.

— О боже! — прошептала Флора. — Неужели опять?

— Опять?

— Как вчера ночью. Ты обещал, ты дал мне слово, я ждала, не ложились и не гасила свечу... — В ее голосе не слышалось гнева, только затаенное любопытство. — Джек, неужели тебе доставляет удовольствие мучить меня? Я не сплю, плачу, кусаю подушку до самого рассвета, пока слезы не высохают и я не забываюсь...

Чевиот кивком указал на игорный зал.

— Сегодня, — произнес он, — тебе грозит опасность. И мне тоже, хотя в гораздо меньшей степени. Но мой долг — остаться здесь. Моя

работа...

— Да. — Ее передернуло от отвращения. — Твоя работа! Буду с тобой откровенна. Я ее ненавижу!

(«И ты, Флора?»)

— Опасность? — тихо повторила она. — Что ж, все настоящие мужчины сталкиваются с опасностью; это вполне естественно, так же естественно для них, как пить, играть в азартные игры и... — Она осеклась. — Если бы ты служил в армии или на флоте и началась война, я боялась бы за тебя. Но в то же время и радовалась, и гордилась тобой. Гордилась! — Теперь она вся дрожала; отвращение проступило у нее на лице. — Но полиция! Преступники, грязные подонки, которым место в тюрьме! Неужели ты хочешь, чтобы я страдала от унижения? Мы не женаты. Какое ты имеешь право просить меня о чем-либо?

— Никакого, — ответил Чевиот, выпуская ее руки.

— Джек! Я вовсе не хотела...

Чевиот взял со стола шляпу.

Он настолько привык скрывать свои мысли, что даже Флора, знавшая его — по крайней мере, ей так казалось, — не сумела разглядеть за его безмятежностью ярость и горечь.

— Что ж, — заявил он почти примирительно, — тогда к черту полицию! Забудем обо всем. Я провожу тебя домой и останусь на столько, на сколько ты захочешь.

— Джек! — удивленно ахнула она. — Ты серьезно?

В тот момент, несмотря на обуревавшее его отчаяние, ему казалось, что так он действительно и поступит.

«Что толку? — мрачно думал Чевиот. — Неужели я могу голыми руками сражаться с предрассудками, зародившимися еще во времена Кромвеля? Зачем без конца ломать голову и терпеть одни лишь унижения, пытаюсь убедить дураков, что однажды полиция будет олицетворять честность и закон? Лучше страстная любовь с Флорой, чем удар по голове в темном переулке — а именно такой конец ждет большинство из нас. Какая разница? Кому какое дело?»

Он подавил ненужные мысли.

— Да, можешь быть уверена, я говорю серьезно, — заявил он с самым искренним видом. — Но уйти мы должны немедленно.

— Да, да, да!

— Есть у тебя плащ или мантилья?

— Да, внизу. В вестибюле!

— Сейчас мы обменяем жетоны на деньги и уйдем. Руку, Флора!

Они прошли под балконом, вдоль длинного стола с рулеткой. Чевииот чувствовал жар, который источали пальцы Флоры. Он и сам был возбужден — настолько все его чувства реагировали на ее близость.

Ставки за рулеткой все повышались. Второй крупье, почти не сводя глаз со стола, обменял их жетоны на банкноты и монеты. Колесо закрутилось снова. Азартные игроки, чьи горящие глаза были прикованы к шарик, даже не подняли голов. И все же...

Ведя Флору к выходу — кучер шел за ними по пятам, — Чевииот чувствовал, что вслед им поворачиваются головы, а глаза сверлят спины. Ощущение было сродни чувству животного. И, как дикий зверь, он напрягся в ожидании броска.

Лакей с мертвыми глазами и запудренным шрамом стоял у железной двери, закрытой на два обитых войлоком засова.

Чевииоту показалось, что он нарочно помедлил, прежде чем отодвинуть засовы. Дверь бесшумно открылась.

И тут за спиной у Чевииота и Флоры раздался низкий, бархатный голос, явно принадлежащий человеку образованному.

— Что вы, леди Дрейтон! — произнес голос. — Мистер Чевииот! Неужели вы так скоро нас покидаете?

Чевииот обернулся. За лакеем стоял Вулкан. Рядом с ним Кейт де Бурк.

Вблизи Вулкан оказался на два-три дюйма выше Чевииота. Он был довольно толст, хотя недостатки фигуры скрывал отлично сшитый костюм. Кроме того, Чевииот понимал, что Вулкан набит не жиром, а крепкими, как железо, мускулами.

Слишком уж бесшумной походкой передвигался Вулкан; слишком массивной была его короткая шея, увенчанная огромной лысой головой. Бровей у Вулкана почти не было. Стекланный глаз оказался правым. Он придавал Вулкану поразительный, почти пугающий вид, несмотря на изящный выговор и мягкие манеры. Невидящий, он словно затаился в засаде. Вулкану можно было дать сорок пять. Долгие годы напряженных трудов и стараний не прошли даром: внешне он стал похож на человека, чьи предки занесены в книгу пэров.

Впечатление, однако, испортили массивные перстни на его левой руке, с изумрудом и с рубином, а также кольцо с крупным бриллиантом на правой.

Вулкан посмотрел сверху вниз на Кейт. Пышнотелая смуглая красotka в яблочно-зеленом платье, похожая на цыганку, явно обожала своего повелителя. Вулкан привел ее с собой, как подозревал Чевииот, только для того, чтобы потешить свое тщеславие.

— Полагаю, леди Дрейтон, — заговорил Вулкан бархатистым, мягким голосом, — вы впервые удостоили нас своим визитом?

— Д-да... кажется.

Железная дверь была широко открыта. Флора бросила на нее взгляд через плечо. Кучер, Роберт, стоял позади, насупившись.

— В таком случае, — заявил Вулкан, — познакомьтесь с моей женой. Кейт, представляю тебе леди Дрейтон.

Судя по внешнему виду, Кейт не утратила повадок типичной уличной женщины. Должно быть, Вулкану пришлось затратить на нее много трудов. Однако ему удалось выдрессировать ее. Куда подевалось тупое и угрюмое выражение лица, тягостная задумчивость? Кейт де Бурк грациозно наклонила голову и произнесла несколько вежливых фраз низким контральто. Ее произношение не уступало произношению самого Вулкана.

— Мистер Чевииот! — сухо обронила Флора, указывая на открытую дверь. — Не кажется ли вам, что пора...

— Увы! — заметил Вулкан. Он развел огромные руки в стороны, и на его пальцах заиграли лучи — зеленый, красный и сверкающий белый. — Как хороший хозяин, — добродушно продолжал он, — я не могу задерживать гостей. — В его голосе зазвучали обиженные нотки. — Но вы, мистер Чевииот! Не скрою, вы меня удивляете.

— Неужели! Почему?

— Я не знал, сэр, что вы боитесь играть по-крупному... Или вообще чего-либо боитесь.

Человеку постороннему его слова показались бы праздным комплиментом.

Однако с последними словами Вулкан уставился на Чевииота безжизненным стеклянным глазом. Вид этого глаза, даже когда Вулкан улыбался, превращал его слова в вызов и глумление.

Чевиот понял, что уходить ему никак нельзя. Нельзя, и все тут! Неужели он настолько сошел с ума, поддавшись чарам Флоры, что посмел даже подумать об уходе? Он явился сюда не развлекаться. Он не имеет права бросить инспектора Сигрейва, сержанта Балмера и шестерых констеблей, которые сидят в засаде и ждут его приказаний. Один раз ради Флоры ему уже пришлось нарушить свой долг, и с тех пор его мучила совесть. Нет, он не может уйти — ни ради нее, ни ради любой другой женщины на свете. Он посмотрел на Вулкана и щелкнул пальцами.

— Идет! — воскликнул он. — Спасибо, что напомнили. Действительно, есть одно небольшое дельце, которое я хотел бы с вами обсудить.

Вулкан в гостеприимном жесте развел руки в стороны. Чевиот с улыбкой повернулся к Флоре:

— По-моему, мадам, будет все же лучше, если вы нас покинете. Оставляю вас на попечение Роберта. Уверен, с ним вы будете в безопасности.

Флора очень побледнела и обеими руками сжала золоченый ридикюль.

Чевиот был уверен, что Флора поймет, почему он непременно должен остаться. Но одно дело понять и совсем другое — смириться. На лбу у него выступила испарина.

— Мадам, мы с вами увидимся завтра, — пообещал он, всеми силами пытаясь выразить взглядом: нет, сегодня, сегодня, сегодня! — Если я приду хоть на минуту позже часа, можете отречься от меня!

— Отречься? — ровным тоном переспросила Флора. — Как можно отречься от того, кто никогда тебе не принадлежал? Спокойной ночи, мистер Чевиот. Роберт, следуйте за мной.

Она перешагнула порог. Роберт неуклюже зашаркал следом. Железная дверь закрылась; засовы, обитые войлоком, беззвучно вошли в гнезда.

— А теперь, — произнес Чевиот, — как сказало привидение в анекдоте, мы все заперты на ночь!

По лицу Вулкана пробежала легкая тень.

— Мистер Чевиот, мистер Чевиот! Ну что еще за дельце? — Рука его полезла в нагрудный карман, но тут же разочарованно упала. —

Прошу меня простить. Но если вам временно не хватает средств, вы всегда можете получить обеспечение!

— Нет, дело не в деньгах. — Чевиот беззаботно извлек из кармана пачку банкнотов, помахал ею и снова убрал. — Совсем, совсем не в них! — Он внимательно посмотрел на Вулкана — на здоровый глаз и второй, который прятался в засаде. — Я собираюсь, так сказать, сделать вам деловое предложение, которое, по-моему, будет выгодно нам обоим.

— Вот как? — пробормотал Вулкан.

— Мы с вами можем где-нибудь побеседовать наедине?

— Да, безусловно. У меня в кабинете. Кейт, милочка, прошу тебя, иди с нами и зажги свет. Следуйте за мной, дорогой сэръ.

Чевиот пошел следом за хозяевами по мягкому ковру — опять по направлению к буфету. Когда он услышал последние слова Вулкана, сердце его забилось чаще. Вулкан действительно скуповат! Когда он выходит из кабинета, то гасит свет!

Однако сердце его уже давно билось часто. Как только Чевиот почувствовал, что кто-то сверлит ему спину взглядом, он понял, что «подсадные» собрались здесь ради него — ради него одного. Им все известно. Все «подсадные» знают, что он полицейский, и ждут, когда можно будет начать расправу.

Чевиот не спеша брел мимо многочисленных сверлящих глаз. Он кожей чувствовал каждую мелочь, слышал скрип передвигаемых стульев, обонял запах масла, которым были смазаны волосы мужчин.

Отблески яркого, неровного света свечей падали на голый череп Вулкана и его фигуру, от чего она казалась шире и массивнее.

— Любишь меня, малышка? — спросил Вулкан, наклоняясь к Кейт.

— Да! — низким голосом отвечала Кейт, подкрепив свои слова целым потоком страстных непристойностей, таких живописных, что Чевиот не мог не восхититься. Если бы ее не сдерживал Вулкан, походивший на строгого епископа, она, вне всякого сомнения, подпрыгнула бы и укусила его за мочку уха. От ее слов тщеславный Вулкан раздулся, словно шар, и едва не замурлыкал.

— Вот мы и пришли! — заявил он.

Они прошли то место у буфета, где ранее стояли Флора и Чевиот. Всего в нескольких футах от них находилось подножие лестницы,

ведущей на балкон.

Из блюда на столе Кейт выхватила длинную, покрытую воском лучину — там их лежала целая горка. Однако не разожгла ее. Правда, кроме камина в противоположном конце зала, других источников огня у нее не было.

Чевиот двинулся было вперед — пожалуй, чуть слишком поспешно, — но остановился. Во что бы то ни стало ему необходимо оказаться на лестнице первым. Но Вулкан, отойдя в сторону, облегчил ему задачу.

— После вас, дорогой сэра, — проговорил он, величественно кланяясь и сияя здоровым глазом.

Чевиот поднялся по крутым ступенькам и понял, что угадал верно. И ступеньки, и сам балкон были из дерева. Даже перила, покрытые позолотой и издали напоминавшие кованое железо, тоже были сработаны из хрупкой древесины. Не хотелось бы оказаться здесь во время пожара!

Центральная дверь, как он и предполагал, вела в кабинет Вулкана. На стене, справа и слева от двери, за шторами прятались консоли, в которых стояли свечи под парчовыми колпачками. Их огоньки подсвечивали позолоченную букву "В" на красном дереве.

Вулкан шел за ним по пятам. Кейт не отставала. Чевиот бросил взгляд вниз, через перила. Под ними находился длинный стол для игры в рулетку. В зале воцарилась странная тишина, хотя совсем недавно там стоял гомон. Чевиот кожей чувствовал злорадство «подсадных».

Он беззаботно облокотился о филенку двери. Достав из жилетного кармана кольцо с двумя ключами — одним длинным и одним коротким, — Вулкан отпер дверь и толкнул ее внутрь.

— И снова после вас, дорогой сэра, — заявил он. Кейт уже подносила лучину к свече.

— Благодарю, — отозвался Чевиот.

Он притворился, будто ничего не видит в темноте. И словно для того, чтобы нащупать дорогу, тут же двинулся вдоль левой стены.

Затем с потрясающей быстротой сделал рывок, который мог стоить ему жизни или спасти жизнь.

Глава 14

На дне

Впереди, футах в четырех, из стены торчала медная ручка провода, привязанного к единственному в комнате звонку. Чевиот нащупал ее пальцами.

У него есть примерно двенадцать секунд. Если свет лучины проникнет в комнату до того, как он закончит дело, ему конец.

Его шляпа мягко упала на ковер. Из жилетного кармана он выхватил предмет, в поисках которого сержант Балмер утром обшарил полгорода. То, что требовалось, они позаимствовали у часовщика: крошечную отвертку длиной меньше дюйма.

Пальцы у Чевиота больше не дрожали. Они стали холодными, двигались быстро и точно. Работая в темноте, на ощупь, он вставил микроскопическую отвертку в выступ, которым ручка крепилась к проводу. Она держалась на винте, вкрученном в штырь двери. Отвертка мягко вошла в отверстие...

— Что ты так долго, малышка? — послышался низкий бас Вулкана.

— Ах, прелесть моя, лопни твои глаза! — отвечала Кейт изысканным контральто.

— Малышка, я ведь запретил тебе распускать язык! Крошечный винтик упал в ладонь Чевиота в тот самый миг, как облитая воском лучина вспыхнула и загорелась от свечи в коридоре.

Сердце у Чевиота ушло в пятки. Он испугался, что провод сейчас ударит по стене или ручка с шумом отвалится и упадет на пол. Но провод, который за долгие годы словно приклеился к стене, остался на месте, как и ручка. Чевиоту хватило времени на то, чтобы сунуть винт и отвертку в карман. Он успел отойти от стены и нагнулся за шляпой, когда на ковер упал неверный отблеск пламени.

— Ну вот, мистер Чевиот, — послышался бархатистый бас Вулкана, — мы находимся в месте, которое газетчики вульгарно именуют «святая святых». Кейт, будь добра, зажги обе лампы.

Чевиот не без труда разглядел очертания довольно просторной, хотя и с низким потолком комнаты. Стены были оклеены обоями в

стиле давно прошедшей моды «ампир» — в вертикальную оранжевую и зеленую полоску. Два небольших оконца, плотно затянутые оранжевыми бархатными шторами, находились на противоположной от двери стене.

— Обратите внимание на стол, — не без самодовольства предложил Вулкан.

С первого взгляда, в полумраке, Чевиоту показалось, будто перед ним стол для игры в рулетку. Длиною восемнадцать футов, развернутый длинной стороной к окну, с колесом посередине.

Однако колесо оказалось декорацией. Столешница по обе стороны от колеса была сделана из полированного красного дерева. На обоих концах стола красовались массивные фарфоровые статуи высотой около фута каждая, ярко раскрашенные и покрытые толстым слоем глазури. Рядом со статуями стояли масляные лампы под оранжевыми стеклянными колпаками.

— Обратите внимание! — повторил Вулкан, пока Кейт поправляла колпак на лампе справа и зажигала фитиль.

Скоро комната осветилась тусклым и довольно мрачным оранжевым светом. Видимо, окна здесь уже давно не открывались. Справа от колеса помещалась статуя Вулкана — такого, каким его обычно представляют: черного от работы в кузнице, хромого и все же широкоплечего и сильного, с молотом в одной руке и сетью в другой.

— Да, — кивнул Чевиот, — вижу. А слева... — Он замолчал. Кейт проворно перешла на другой конец стола; вторая лампа под оранжевым колпаком загорелась после хлопка.

Вторая статуя представляла собой обнаженную Венеру, выходящую из моря. Ее, очевидно, изваял мастер своего дела: статуя казалась живой и дышала чувственностью.

— В классической мифологии, — продолжил Вулкан, — Венера, или Афродита, обычно представляется светловолосой. Вы, мистер Чевиот, возможно, сравнили бы ее с... — Он замолчал и деликатно кашлянул. — Но моя Венера, — продолжил он, и даже его стеклянный глаз, казалось, сверкнул от радости, — смуглая. Видите, как струятся по плечам черные волосы? Глаза у нее полузакрыты, руки опущены вдоль тела, ладони развернуты. Видите?

— Отлично вижу. Восхитительно, хотя и немного необычно. Вулкан тихо рассмеялся. Кейт де Бурк, поджав полные губы, возилась

с коптящим фитилем. Поправив лампу, она засемила вдоль стола направо.

У правой стены стоял большой и глубокий лакированный буфет в китайском стиле с двойными дверцами. Кейт встала у буфета и принялась позировать: подняла голову, опустила веки, уронила руки вдоль тела.

— С меня делали, — заявила она, отбрасывая утонченные манеры. — Здорово вышло, верно? Ах, так-растак, к чему притворяться?

— Кейт!

Кейт подбежала к Вулкану, сложив губы трубочкой, и бросилась ему на шею.

— Поцелуй меня, прелесть моя. Как будто я не...

Внезапно рассвирепев, Вулкан дернул плечами. Кейт отлетела прочь, попятилась, чтобы не упасть, и ударилась спиной об угол китайского буфета. Но она лишь рассмеялась довольным смехом и снова направилась к своему повелителю, напустив на себя выражение притворной скромности, отчего стала почти некрасивой. Чевиоту вдруг подумалось, что она нарочно подражает Флоре Дрейтон.

— Милый, можно мне побыть здесь, пока ты будешь беседовать с этим джентльменом?

— Нет. У нас деловой разговор. Оставь нас! — Похлопав Кейт по спине, Вулкан подтолкнул ее к двери и вновь надел маску радушия. — Простите, мистер Чевиот, я пренебрегаю вами! Прошу, садитесь... вон туда.

Его жест был настолько повелителен, что Чевиот оглянулся.

У стены, слева от двери со вделанной в нее медной ручкой звонка, находилось массивное бюро эпохи Регентства. Его полированная столешница была покрыта зеленой кожей; вверх уходили два ряда ящичков с металлическими ручками в виде головы льва.

По обе стороны от бюро стояли два кресла с широкими спинками, обтянутыми зеленым бархатом; зеленые пуговицы, утопая в обивке, подчеркивали ее мягкость.

У противоположного конца длинного стола Чевиот подметил кое-что еще: трости — известная всем коллекция Вулкана. Одна из них, скрученная, словно штопор, с серебряным набалдашником, была

изготовлена из очень прочного черного дерева. Другая, с изогнутой рукояткой, казалась намного легче на вид.

В мозгу всплыло предупреждение: «Будьте начеку, сэр! Не позволяйте ему оказаться у себя за спиной!» Но Вулкан сейчас находился от него далеко.

Тяжелая дверь красного дерева с шумом захлопнулась, и Чевиот круто развернулся на каблуках. Вулкан повернул в замке длинный ключ.

— Простая предосторожность, — пояснил он, — чтобы нам никто не помешал.

— Конечно, — согласился Чевиот, садясь в дальнее кресло, указанное хозяином кабинета.

Вулкан опустил кольцо с ключами в жилетный карман. Казалось, его фрак лопается от самодовольства. Он подошел ближе; его массивная тень, казалось, заполнила всю комнату.

— Разве не странно? — начал он задумчиво. — Бывает так, что человек, обделенный природой... обделенный природой, повторяюсь — тем не менее сохраняет привлекательность для женщин? Кейт я не имею в виду, хотя ее я люблю больше остальных. Я говорю о дамах высокородных, обладающих утонченным вкусом! — Тут Вулкан оглядел манишку своей белоснежной сорочки, безупречные запонки и сверкающие перстни на пальцах. — И все же я знаю такого человека, — добавил он, почти улыбаясь.

— О да, — откликнулся Чевиот, не поднимая глаз. — Я тоже знаю такого человека!

Вулкан замер там, где стоял, — по другую сторону от бюро, за спинкой второго кресла.

Как будто стрела попала в цель, в яблочко; слова Чевиота произвели именно тот эффект, на который он рассчитывал.

— Мистер Чевиот, позвольте предложить вам сигару!

— Благодарю вас.

В свое время он покупал и курил сигары в основном из самых низкосортных Табаков. В протянутом ему узком и глубоком ящичке сандалового дерева лежали тончайшие «гаваны». Чевиот вынул из правого жилетного кармана специальный ножичек, прикрепленный к цепочке, спускающейся в левый карман, в котором лежали тяжелые серебряные часы, и отрезал кончик сигары.

Вулкан, взяв себе сигару, сделал го же самое.

— Бокал бренди, дорогой сэръ? — поклонился он. — О, не сомневайтесь! Французский, отменного качества, наполеоновский!

— Спасибо, не могу устоять. Я еще никогда не пробовал настоящий «Наполеон».

Вулкан вынул пробку из хрустального графина, стоящего на серебряном подносе, и разлил бренди в два бокала. Чевиот поднялся и подошел ближе. У самого стола он неловко поскользнулся, споткнулся и с глухим стуком врезался прямо в Вулкана.

— О, простите, пожалуйста! — запинаясь, проговорил он. — Какая непростительная неловкость с моей стороны!

— Что вы, что вы, — ответил Вулкан.

Взяв бокал с бренди, Чевиот снова сел. Вулкан продолжал стоять. Он быстро провел металлическим стержнем по основанию игрушечной пагоды, инкрустированной золотыми и серебряными пластинками. Вверх взметнулось пламя. Вулкан осторожно поднес огонь к сигаре Чевиота и помог ему прикурить, двигая огоньком вперед и назад.

Затем раскурил собственную сигару, взял бокал с бренди и тяжело опустился в зеленое кожаное кресло.

— Мы говорили о... — начал Чевиот, затягиваясь.

Вулкан на мгновение оскалился — как будто акула показала клыки.

— Да, — подхватил он, — вы довольно топорно притворились неуклюжим и ударились об меня. Хотели испробовать мой вес, так ведь? Полагаю, вы обнаружили, что я достаточно прочно держусь на ногах?

Чевиот ничего не ответил.

— А сейчас ответьте мне, мистер суперинтендент Чевиот, — произнес Вулкан, совершенно не меняя тона, — чего вы на самом деле от меня хотите?

Чевиот выглядел по-прежнему равнодушным.

— Как я вам уже говорил, — он выпустил клуб дыма и посмотрел на Вулкана, — я предлагаю вам честную сделку. В обмен...

— На что?

— Мне нужна информация. Поверьте мне, сделка выгодна для нас обоих...

— Простите мою откровенность, — сухо ответил Вулкан, качая большой головой, — но мне кажется, вам нечего мне предложить. Тем не менее... Продолжайте!

— Полагаю, вы слышали об убийстве Маргарет Ренфру, которое произошло вчера ночью в доме леди Корк?

Вулкан, казалось, изумился:

— Дорогой мой! Кто же о нем не слышал?! «Морнинг пост» только об этом и пишет!

— Отлично! Некий субъект, мы считаем, что он и есть убийца, заложил в вашем заведении брошь с алмазом и рубинами в форме кораблика с парусами. Еще четыре украшения, список которых у меня с собой, — Чевииот похлопал по нагрудному карману, — скорее всего, также находятся у вас.

— Как огорчительно для джентльмена слышать такое! Но у меня есть совершенно законный патент на ссуды.

— Данные драгоценности украдены.

— А мне откуда об этом знать? — осведомился Вулкан. Некоторое время он мелкими глотками пил бренди и курил сигару.

— Если они украдены, — продолжил он добродетельным тоном, — их следует вернуть. Но подумайте о моих затруднениях! Как вы сказали? Брошь с алмазом и еще чем-то в форме кораблика? Вы хоть представляете, сколько подобных безделушек проходит через мои руки и через руки моего главного крупье за год? И вы хотите, чтобы я запомнил какую-то одну?

— Да бросьте вы, — грубовато заявил Чевииот.

— Что, простите?

— Я сказал — бросьте, — повторил Чевииот, допивая бренди и ставя бокал на стол. — Я знаю, что квитанций вы не выдаете. Но вы ведете конторские книги, в которые записываете заложенные предметы и фамилии людей, принесших тот или иной заклад. Да или нет?

— Да, — не сразу ответил Вулкан. — Я веду счетные книги. А что вы, собственно, хотите узнать?

— Имя человека, заложившего брошь.

— И что предлагаете взамен? Нет, погодите! — Вулкан поднял руку с бокалом и расправил плечи. От него веяло такой грубой силой, что на фоне его внушительной фигуры Чевииот показался себе карликом и невольно вжался в сиденье. — Погодите, — повторил

владелец игорного дома, — позвольте мне высказаться. Все, что вы можете мне предложить, касается моего заведения. Правда, содержание игорного дома находится вне закона. Однако у нас законы соблюдаются редко. Почему? Да потому, что невозможно убедить всех людей, что играть в азартные игры — преступление, при условии, разумеется, что никто не шельмует. Всем известно, что у меня игра ведется честно... Сейчас, — продолжал Вулкан после паузы, — я назову вам три причины, по которым вы не сумеете ни помочь, ни навредить мне. Во-первых, если ваша новая полиция задумает напасть на мой дом, меня предупредят заранее.

Чевиот кивнул.

— О да. Так я и думал, — подтвердил он и понял, что его стрела попала в цель.

Вулкан не дрогнул. Голос его не изменился. Стеклообразный глаз был мертвенно тускл, зато в здоровом глазу появился зловещий отблеск.

— Во-вторых, — продолжил он, — вы ни за что не найдете свидетелей, согласных дать против меня показания в суде. Люди знатные откажутся выступать, опасаясь скандала. Другие... назовем их представителями среднего класса или незнатными... свидетельствовать не посмеют...

— Потому что их подкупают, либо запугают, либо изобьют до смерти ваши головорезы?

— Мистер Чевиот, мне не нравится ваш тон!

— А мне ваш. Позвольте узнать третью причину!

— Охотно! — Вулкан мягким движением положил сигару на край стола и рядом поставил стакан. — В-третьих, ваши полицейские сюда не войдут. Вы обратили внимание, какая у меня дверь? Железная, толщиной в четыре дюйма и врезана в толстую стену. К тому времени, как ваши полицейские взломают ее при помощи топоров или какие там еще у вас есть орудия, пройдет минут двадцать, а то и все полчаса. Вы согласны?

— Да.

— К тому времени, дорогой сэръ, здесь не останется никаких следов игорного дома. Мои клиенты — те, кто пожелает, — незаметно исчезнут. Незваные гости застанут у меня нескольких джентльменов, которые ведут тихую беседу в курительной.

Чевиот рассмеялся.

Смех его прозвучал неприятно, как он и рассчитывал.

— Вулкан, — заявил он, — вы меня разочаровываете!

Ответа не последовало. Стеклянные чаши ламп, казалось, помутнели, а оранжевый свет пригас.

— Простите мою откровенность, — произнес Чевиот, издевательски пародируя выговор своего собеседника, — но вы похожи на любого домовладельца на любой улице. Вы старательно укрепляете парадную дверь, делая ее неприступной, но ни один умный дому... я хотел сказать, вор даже не подумает проникнуть в дом через нее. С другой стороны вы, подобно всем прочим домовладельцам, совершенно пренебрегаете черным ходом.

Чевиот кивком указал на два окошка, плотно затянутые оранжевыми шторами.

— За теми окнами, — сообщил он, — два крутых ската черепичной крыши. Они спускаются к задней стене конюшен. Сегодня после полудня я прогулялся вдоль конюшен и заметил, что ваша дверь черного хода широко распахнута для проветривания. Черным ходом можно попасть в буфетную и на кухню. А оттуда нетрудно выйти в столовую на первом этаже и в игорный зал.

Вулкан по-прежнему не шевелился и хранил молчание.

— Когда я прогулялся к конюшням попозже, вечером, — продолжал Чевиот, — дверь черного хода была по-прежнему приоткрыта. Ах, Вулкан, Вулкан! Если бы я спрятал за ней пятьдесят констеблей, они уже через двадцать секунд оказались бы в вашем игорном зале!

И тут Вулкан ожил.

С поразительной для такого толстяка прытью он вскочил, словно резиновый мячик, и бросился за спинку кресла. Правая рука метнулась к ручке провода, ведущего к звонку. Вулкан дернул ручку — ручка отвалилась.

— Нет, — покачал головой Чевиот, — ничего не выйдет. Ручка с глухим стуком упала на ковер. Молча, без улыбки, Вулкан направился к двери красного дерева.

Его толстые пальцы нырнули в жилетный карман, порылись там, потом он похлопал себя по другому карману...

— Нет, — сказал Чевиот, — это тоже не поможет. — И он извлек из собственного кармана кольцо с двумя ключами. — Так неудачно

«споткнувшись», я заодно обшарил ваши карманы. Как по-вашему, я был очень неуклюжим?

Вулкан медленно повернул массивную голову. Здоровый глаз горел огнем.

— Правда, — добавил Чевииот, — вы всегда можете постучать в дверь и позвать на помощь. Но все знают, что вы уединились всего с одним невооруженным человеком, который к тому же легче вас. По моему, вы постыдитесь звать на помощь.

— Да, — согласился Вулкан, — вы правы. Да и зачем мне звать на помощь, — он наконец улыбнулся, — когда я всегда могу и сам отобрать у вас ключи?

— Вот только интересно, — протянул Чевииот задумчиво, — справитесь ли вы? Впрочем, успокойтесь. У черного хода нет никаких констеблей.

— Если вы кидаете меня...

Последнее слово, хорошо знакомое Чевииоту по другому времени, задело его больше, чем он сам задел Вулкана.

— Я никогда не лгу, — объявил он, — никого не кидаю и презираю тех, кто так поступает. — Чевииот с трудом сдерживался. — И потом, вы достаточно наговорили, но даже не выслушали, что я предлагаю вам в обмен на имя убийцы.

— Очень хорошо. Говорите!

Чевииот наклонился вперед и осторожно положил недокуренную сигару на серебряный поднос рядом с графином. Потом выпрямился, перенеся вес тела на правую ногу.

— Ваша рулетка подкручена, — сообщил он. — Я могу это доказать. И тогда вам конец.

Вулкан изготовился к прыжку, однако его удержали следующие слова суперинтендента, произнесенные рассудительным тоном.

— Азартные игры! Что мне за дело, если вы обираете тысячу молодых придурков — при условии, что я сумею отомстить за одну-единственную жизнь? Допустим, для вас человеческая жизнь не имеет почти никакой цены. Но для меня, клянусь, она значит очень многое! Надеюсь, мы с вами договоримся. Я не хочу никакого насилия, никакой драки. И вы тоже. Показать, как работает ваше колесо там, внизу?

Не дожидаясь ответа, он обошел стол слева — с той стороны, где стояли трости, — и встал у колеса спиной к окну.

На колесе лежал шарик из слоновой кости. Чевиот взял его в руки и, не глядя на Вулкана, опустился на колени, на толстый зеленый ковер. Он прощупал правую сторону ковра — на том месте внизу стоял стул крупье. Потом пальцы его побежали налево.

Чевиот поднялся.

Вулкан находился напротив; их разделяли два с половиной фута — ширина стола.

— И что же? — спросил он.

— Здесь ничего нет. Но я покажу, как устроен механизм внизу. Он настолько стар, настолько примитивен, что им уже никто не пользуется в наше вре... — Чевиот осекся.

— Ну?

— Правая нога крупье, — продолжал Чевиот, — дотягивается до четырех (да, четырех) кнопочек, размещенных под ковром. От каждой кнопки тугая проволока ведет к полым и узким металлическим трубкам, вделанным в ножки стола. Легкое нажатие на кнопку приводит в действие пружины, прикрепленные к трубкам сверху. Пружины распрямляются под действием сжатого воздуха. В ваше... в наше время всем известен данный принцип. Однако нажимать нужно легко; струя сжатого воздуха не должна быть слишком сильной, иначе... — Внезапно Чевиот замолчал и устремил задумчивый взгляд на струйку дыма, идущую от сигары на противоположном конце стола. — Нет, нет, ни в коем случае! — прошептал он как бы про себя. — Нажимать нужно потихоньку, чтобы воздуха хватило на всю ночь!

— И что дальше, позвольте спросить?

— Смотрите!

Чевиот раскрутил посеребренный штифт, на который было насажено колесо, — замелькали красные и черные цифры, и вбросил шарик. Шарик подпрыгнул на месте и закружился по внешнему краю. Колесо крутилось долго; в комнате слышалось учащенное дыхание Вулкана. Но вот колесо замедлило свой бег.

— Что дальше? — повторил Вулкан.

— Вот, глядите!

— Я ничего не вижу!

— Как только обороты вращения колеса падают, можно незаметно направить шарик в тот или иной сектор круга. При известной сноровке крупье может носком или пяткой управлять одновременно тремя пружинами. Не важно, где находится шарик. Если приподнять чуть-чуть колесо... — Чевиот наклонился над столом. — Есть, получается!

Он осторожно приподнял колесо снизу. Разумеется, его пальцам далеко было до сложного пружинного механизма. Однако шарик послушно подпрыгнул и замер против двойного зеро.

На гладко выбритых щеках Вулкана проступили крупные капли пота.

— Я попробовал только один раз, — напомнил Чевиот. — Интересно, сколько недель или месяцев занимают тем же самым ваши крупье?

— Я...

— Все кончено, — заявил Чевиот, выпрямляясь и глядя Вулкану прямо в глаза. — Вам не кажется, Вулкан, что ваша карта бита?

Глава 15

Обряды Венеры

Как ему хотелось пронять Вулкана, пробиться сквозь его тяжелый, ничего не выражающий взгляд! Однако лицо хозяина игорного дома по-прежнему представляло собой невозмутимую маску.

— Не кажется ли вам, что ваша карта бита? — повторил Чевиот. — Если вы не хотите, чтобы я повторил свой опыт перед...

— Дорогой сэръ, вы никому ничего не покажете, потому что вы не выйдете из этой комнаты!

— Да что вы? — удивился Чевиот. — А по-моему, я могу выйти из этой комнаты в любой момент, когда только захочу.

— Блефуете?

Чевиот подошел к окну и чуть отодвинул оранжевую штору.

— Я сказал вам правду, у двери черного хода не прячутся констебли. Мои помощники сидят на крыше — там находятся шесть констеблей и двое офицеров. Стоит мне поднять раму и подать им знак... хотя бы разбить стекло. Вы не успеете прикоснуться к двери, как они уже будут здесь. — Он еще отодвинул штору. — Вулкан, вы мне не верите?

— Опустите штору! Отойдите от окна!

Чевиот подчинился. Двое мужчин стояли, пристально наблюдая друг за другом из-за стола. Однако Вулкан по-прежнему сохранял приятные манеры.

— Мистер Чевиот, каковы ваши условия?

— Вы все слышали. Брошь с бриллиантом и рубинами и счетная книга с именем человека, заложившего ее. В обмен мы оставляем вас в покое.

— Хорошо-о! — протянул Вулкан мягким басом. — В конце концов, я человек законопослушный. А ключ уже и так у вас.

— Ключ?

— Да, на кольцо, которое вы так искусно у меня стянули. Короткий ключ открывает все ящики в моем бюро. В левом ряду лежат драгоценности. К сожалению, они валяются все вперемешку. В двух верхних правых ящиках находятся счетные книги. Voila tout!^[1]

Комната наполнилась едким запахом: сигара Вулкана прожгла край бюро. Он подошел взять ее, не выпуская из другой руки недопитый бокал бренди. Как будто для того, чтобы продемонстрировать свою полную покорность, он не спеша побрел вдоль длинного края стола.

К двери? Да, но на дверь он даже не взглянул. Пройдя мимо большого китайского лакированного буфета, Вулкан завернул за угол и оказался по одну сторону с Чевиотом.

Чевиот подался вправо, обогнул стол и подошел к бюро. Оглядываясь через плечо, он следил за Вулканом. Вулкан остановился примерно на уровне середины стола, положил на сукно сигару, поставил бокал и принялся разглядывать колесо рулетки.

Вынужденный отвернуться, Чевиот вставил короткий ключ в замок верхнего ящика в правом ряду. Ключ легко повернулся в замке. Он вытянул ящик. Вулкан не солгал — по крайней мере, пока. В ящике лежали четыре бухгалтерские книги, переплетенные в толстый рифленый картон; на верхней был наклеен белый бумажный ярлык с датами: 1823 — 1824 годы.

Гроссбухи оказались такими большими, что приходилось вытаскивать их по одному, чтобы добраться до нужного. Он должен...

Не позволяй, чтобы он оказался у тебя за спиной! Не позволяй...

Подошвой туфли Чевиот оттолкнул кресло, защитив себя сзади. Потом вытянул из жилетного кармана серебряные часы, блестящие, как зеркало, и, подняв крышку, поставил их на бюро. Если его противник нападет сзади, он увидит его отражение.

Чевиот вытащил первый гроссбук, не сводя напряженного взгляда с крышки часов. Второй гроссбук, как на грех, оказался датирован 1822 — 1823 годами. Он тоже вытащил его и положил на бюро. Ниже находился гроссбук с ярлыком: 1828-1829 годы.

Есть!

Чевиот не видел броска Вулкана. Тот метнулся к нему слева, из-за стола. Он не заметил, когда Вулкан успел схватить тяжелую черную трость с серебряным набалдашником, похожую на штопор. Но он увидел в своем импровизированном зеркале взметнувшуюся черную тень. Когда Вулкан занес руку для удара, ярким лучом сверкнул бриллиант. Удар был рассчитан на то, чтобы разбить суперинтенденту голову, однако Чевиот успел уклониться и нырнуть вправо.

Удар пришелся бы мимо, не задев даже его плеча, если бы...

Часы, повиснув на тяжелой цепочке, помешали ему уйти от удара. Удар, направленный в затылок, пришелся сбоку, туда, где череп защищала густая шевелюра. Кроме того, Чевииот подставил еще плечо.

Однако ему пришлось несладко. Показалось, будто череп раскололся. В голове загудело, в глазах помутилось. Он услышал, как крякнул Вулкан, когда трость ударила по зеленому сукну и разорвала его, вывернув Вулкану запястье. Больше времени Чевииоту и не нужно было. Хотя голова кружилась и раскалывалась от боли, руки и ноги его не дрожали.

Он схватил легкую трость с изогнутой ручкой — такой мог воспользоваться разве что слепой, — обежал вокруг стола и остановился у колеса рулетки. Прищурившись, смел со стола пустой бокал и потухшую сигару.

Вулкан развернулся, оскалил зубы. Не выпуская из руки тяжелой трости, он снова пошел на своего врага — вприпрыжку, по-кошачьи. И заговорил убийственным шепотом:

— Если тронешь штору...

— Не трону. Если ты не тронешь дверь.

— Уговор?

— Да!

Вулкан тут же сделал молниеносный выпад через стол.

Чевииот понимал, что парировать удар легкой тростью бессмысленно: она просто разлетится в щепки. Вместо этого он отскочил в сторону. Изогнутая черная трость, промахнувшись, с громким стуком упала на дальний конец стола, поцарапав дорогое красное дерево. Оранжевая лампа подпрыгнула и закачалась, фарфоровые статуи затряслись.

Вулкан тут же подхватил упавшую трость и изготовился к новому удару. Чевииот насмешливо наблюдал за ним. Он не станет применять против него прием дзюдо — его противник слишком тяжел и быстр, — разве что...

Нужно разозлить Вулкана, чтобы он потерял равновесие.

Вулкан выжидал, бросая взгляды направо и налево. Чевииот подошел ближе и встал с угла, словно дразня его.

Хрясь!

Вулкан снова сделал выпад и снова промахнулся — трость ударила так далеко, что Чевииот лишь насмешливо ухмыльнулся.

Вулкан медленно отошел от края стола. Неторопливо двинулся налево, к фарфоровой статуе. Чевииот напомнил себе: у одноглазого Вулкана должен быть плохой глазомер.

Вулкан понимал, на что надеется его противник, и еще больше бесился. Он дернулся в сторону, делая ложный выпад. Чевииот, наоборот, навалился на край стола и даже чуть подался вперед.

Вулкан круто развернулся, подбежал ближе и ударил. Слишком поздно он понял куда бьет, однако уже не мог остановить замаха. Изогнутая трость что было сил ударила по улыбающейся черноволосой Венере. Фарфоровая статуя раскололась на мелкие кусочки, разлетелась в пыль от Мощного удара.

Соперники по-прежнему молчали. Вулкан застыл на месте; в его здоровом глазу мелькнул ужас. Бледное лицо еще больше побелело. В ужасе он прошептал единственные человеческие слова, какие пришлось услышать от него Чевииоту:

— Кейт... Бедная моя Кейт!

И тут же в него словно бес вселился. Щеки его побагровели; только череп остался белым. Он бросился вокруг стола. Чевииот — за ним. При виде ненавистного лица Вулкан снова замахнулся, ударил и... потерял равновесие.

Чевииот уже давно отшвырнул бесполезную трость. Как только Вулкан поднял правую руку вверх, суперинтендент схватил его за запястье — как перед тем схватил руку капитана Хогбена — и что было сил рванул толстяка на себя.

Вулкан приземлился на стол; шея его оказалась на самом краю, как будто он лежал на гильотине. От наклона раскрутилось колесо рулетки. Чевииот нанес Вулкану удар по шее ребром ладони и тут же сдернул бесчувственное тело на пол.

Вулкан упал на бок, задрожал всем телом и перекатился на спину. Здоровый глаз его подернулся пленкой; веки дрогнули и закрылись. Казалось, он не дышит. Колесо, которое только что вращалось с бешеной скоростью, постепенно замедлило ход и, наконец, остановилось.

Чевииот покрылся испариной. Неужели он убил Вулкана? Он посмотрел на своего противника сверху вниз.

Чевиот намеревался всего лишь оглушить Вулкана, но если неверно рассчитал удар...

Их схватка проходила в полной тишине, если не считать четырех слов, шепотом произнесенных Вулканом, да стука его трости.

Чевиот стал искать часы, чтобы поднести их к губам противника и проверить, дышит ли он. Но часов нигде не было. Он наклонился и пощупал пульс. Пульс вроде бы был, однако Чевиот усомнился. Распахнув на Вулкане рубашку, разорвав тонкую шелковую нижнюю сорочку, он приложил пальцы к сердцу. Сердце билось — едва слышно, но ровно. Вулкан просто вырубился.

Чевиот с трудом поднялся. От перемены положения голова опять заболела и закружилась. Он облокотился о край стола, отдышался и поспешил к бюро. Там вытащил из ящика конторскую книгу за 1828 — 1829 годы. Поднял с пола часы, цепочку с ножиком для сигар. Вынул короткий ключ из замка, а кольцо с ключами положил в карман.

Прислушавшись, не слышно ли шума снизу, Чевиот поспешил к окну. Ему удалось поднять раму лишь с большим трудом. Он долго бил по ней кулаком, пока, наконец, створка не подалась.

Как приятно вдохнуть свежий, прохладный ночной воздух! Высунувшись из окна по пояс и задернув у себя за спиной шторы, чтобы в доме ничего не было слышно, Чевиот достал трещотку. Его сигналы казались особенно резкими в ночной тишине.

Затем Чевиот поспешил к поверженному Вулкану. Тот хрипло дышал; рядом валялась изогнутая трость. Чевиот обошел стол и встал в простенке между входной дверью и китайским буфетом. После того как возбуждение от схватки улеглось, он снова стал настороженным и готовым к атаке.

В комнату из-за задернутых занавесок, как демоны в пантомиме, запрыгнули инспектор Сигрейв с одной стороны и сержант Балмер — с другой, с дубинками наготове. Они разбежались в стороны. Шесть констеблей в форменных нарукавных повязках и также с дубинками ловко перемахнули через окно и выстроились в ряд вдоль стены.

— Какие будут приказания, сэр? — спросил инспектор Сигрейв.

— Во-первых, наденьте на эту спящую красавицу наручники. Он в любой момент может очнуться.

Сержант Балмер выхватил из-под куртки наручники и защелкнул их на запястьях Вулкана. Глаза у него от удивления чуть не вылезли из

орбит.

— Господи помилуй! — воскликнул сержант Балмер.

— Спокойно! — предупредил Чевиот.

— Сэр, что вы с ним сотворили? — не отставал Балмер. — Мы ничего не видели и почти ничего не слышали — похоже было только на короткую драку. Да и у вас на голове сбоку здоровая шишка. Должно быть, нелегко было завалить старика Вулкана!

Вечно беспокойный инспектор Сигрейв утихомирил подчиненного взглядом и сам остался невозмутим.

— Какие будут приказания, сэр? — повторил он.

— Все как мы условились. Я должен был проникнуть в дом и понять, как, с помощью чего — меченых карт или другого способа — Вулкан обрабатывает клиентов. Затем я собирался припугнуть его и добраться до счетных книг и брошки с алмазом и рубинами.

— И вы... так сделали, сэр?

— Да, мне повезло. Смотрите сами! На бюро лежит книга за 1828 — 1829 годы. В четырех ящиках слева находятся драгоценности. — Чевиот вытянул из кармана кольцо с ключами и положил его на край стола. — Коротким ключом можно открыть любой ящик. Я и вовсе не позвал бы вас, да только нам нужно действовать очень быстро. Пусть четыре человека вынут по ящичку и просмотрят их содержимое. Ищите брошку — нашу главную улику; работайте, пока нас не обнаружили.

— А потом, сэр? — не отставал инспектор Сигрейв, который хотел знать весь план до мельчайших подробностей.

— Потом мы освободим Вулкана и уйдем по крышам. Мы не тронем ни его самого, ни его дом. Я обещал ему, и я сдержу слово.

— Прошу прощения, сэр, — грубо и хрипло заговорил один из констеблей, — а драки разве не будет?

Чевиот, успевший отойти почти к самому креслу, в котором он сидел во время разговора с Вулканом, круто развернулся:

— Драки? Неужели мы вдвоем одолеем тридцать головорезов, нанятых Вулканом? Прибавьте еще с полдюжины лакеев внизу — почти все они тоже вооружены!

В ряду у стены произошло волнение.

— Тридцать? Или даже тридцать шесть?! — вскричал сержант Балмер.

— Вулкан собрал своих людей в ожидании меня. Он знал, что я приду. Кто-то предупредил его. Но это не важно! Спешите! Неужели вы не понимаете, что с такой уликой мы выиграем дело? Мы совершенно...

Он замолчал.

Послышался шорох и треск. Чевиот оглянулся на Балмера — лицо сержанта вытянулось от удивления. Двойные двери большого китайского лакированного буфета распахнулись настежь — с такой силой, словно их открывала рука маньяка. Впрочем, последнее было близко к истине.

В шкафу, согнувшись, стояла Кейт де Бурк. Ее блестящие черные волосы разметались по плечам, кожа на которых была исцарапана в кровь. Кейт успела разодрать и лиф своего зеленого платья. Губы женщины были плотно сжаты. Глаза метали молнии.

Значит, она пряталась в буфете все время?! Чевиот вспомнил, что не видел, как Кейт выходила из комнаты. Вулкан решил иметь свидетеля — на всякий случай. Кейт слышала каждое слово, видела, как разбилась ее статуя, но не смела броситься на помощь. Она...

И тут Кейт завизжала. Она визжала все громче и пронзительнее. Должно быть, ее слышали все в большом игорном зале внизу. Широкие юбки Кейт лавиной хлынули из шкафа. Полуослепшая от долгого сидения в темноте, она тем не менее уловила блеск ключей, лежащих на краю стола прямо перед ней.

Схватив ключи, Кейт развернулась и рванулась к двери красного дерева, до которой не было и трех шагов. Мужчины словно приросли к месту.

— Балмер! Хватайте ее!

Чевиот бросился к двери следом за Балмером и Сигрейвом. Но они опоздали.

Вернее, промахнулись. Чевиот так и не понял, каким чудом Кейт удалось сразу попасть ключом в замок. Отперев дверь, она широко распахнула ее.

Чевиот поспешно схватил Балмера за руку и втянул его с порога назад. В конце концов, они не имеют никаких оснований задерживать Кейт де Бурк! Она ничего преступного не совершила.

Выбежав на балкон, Кейт остановилась и оглянулась. Лицо ее закрывали спутанные черные космы. Рот перекосялся в жуткой

гримасе. В глазах плескался ужас. Должно быть, она много раз выглядывала из шкафа, и в ее мозгу навек запечатлелось лицо человека, швырнувшего ее непотопляемого Вулкана через стол и ударом лишившего его чувств.

Внизу, в большом зале, мужчины уже вскакивали с мест. Все лица обратились кверху, туда, где находился Чевиот, освещенный огнем трех больших канделябров.

— Стойте! — крикнул он. Он пытался говорить спокойно, однако в голосе прорывалось волнение. — Мы не причиним вам вреда. Мы вас не тронем. Но остановитесь, иначе вам несдобровать!

Кейт не понимала того, что он говорит она слышала лишь ненавистный голос человека, который...

Она снова завизжала и слепо метнулась направо. Оглянулась через левое плечо. Глаза ее различили лишь яркий желтый свет свечей в канделябре. Видимо, вместе со зрением она лишилась и рассудка.

Кейт де Бурк повернулась и понеслась прямо на деревянные перила. Послышался хруст дерева; тело женщины проломило позолоченные перила. И хотя трухлявая, рассохшаяся древесина ломалась не так громко, как трость Вулкана стучала по столу, Чевиоту показалось, что все гремит и крошится, как в замедленной съемке.

Кейт перевернулась через голову и полетела вниз. Она падала с высоты четырнадцать футов. Ее волосы развевались, а тело походило на тряпичное, так как она потеряла сознание. Наконец она всей своей тяжестью рухнула на правый край длинного стола для игры в рулетку.

От сильного удара ножки подломились, и противоположный конец длинной, восемнадцатифутовой, столешницы, покрытой зеленым сукном, нелепо дернулся и поднялся вверх.

Жетоны слоновой кости, банкноты и монеты поехали вниз и стали падать на пол. У всех присутствующих раскрылись рты. Послышался громкий треск раздираемой плотной ткани. Из-под распоротого ковра появились две длинные тугие проволоки, ведущие к уцелевшим ножкам стола. Проволока блеснула, и из-под разодранного ковра вылетела металлическая пластинка с четырьмя черными кнопками.

Похоже было на то, как если бы стол вдруг ожил или сошел с ума. Машины действительно сходят с ума, если их разбивают. Не все услышали шипение сжатого воздуха, выходящего из полых трубок в ножках. Затем колесо рулетки дернулось; один его край поднялся,

обнажив пружину, которая медленно раскручивалась и поднималась вверх, словно металлическая змея.

Все, кто был в зале — и клиенты, и «подсадные», — сбежались посмотреть. Они стояли неподвижно, не обращая внимания на попадавшие шляпы и всеобщий разгром.

Только Чевииот, прислонившись к сломанным перилам, смотрел на Кейт де Бурк. Она тоже соскользнула по наклонной поверхности стола вниз; платье у нее задралось. Лица ее

Чевииот не видел. Вдруг раскинутые руки женщины пошевелились; она вцепилась пальцами в зеленое сукно. Медленно, как во сне, Кейт подняла голову и заморгала.

Чевииот испустил вздох облегчения. Он отдал неверный приказ: «Балмер! Хватайте ее!» Его слова могли довести полубезумную женщину до смерти. Пока он смотрел, как она падала, его скрутил приступ тошноты.

И тем не менее, как это часто бывает, Кейт де Бурк приземлилась крайне удачно, как жокей или пьяный. Она не убилась насмерть и ничего не сломала, даже не ушиблась!

Не прошло и нескольких секунд, как все восемь подчиненных Чевииота, не обращая внимания на его отчаянную жестикуляцию, бросились на галерейку и выстроились по обе стороны от него.

Теперь они в ловушке, среди тридцати с лишним головорезов! «Подсадные», не отрывая взгляда, смотрели на балкон.

Они в ловушке, то есть...

По-прежнему в зале царил оглушительная тишина. Чевииот вдруг узнал четверых людей у дальнего конца рулетки. Высокий молодой человек, которого лакей называл милордом — человек с пышными каштановыми бакенбардами и красным носом, — внезапно протрезвел. Рядом с ним стоял толстый наемник в пегом парике; рука его начала угрожающе подниматься.

У самого колеса находился толстяк с соломенными бакенбардами, которого Чевииот видел на балу у леди Корк. Над толстяком нависал худой и костлявый головорез с морщинистым лицом и искусственными зубами.

— Да! — закричал Чевииот.

Все вздрогнули. Перед ними стояли люди в форме, с дубинками. Только Чевииот был во фраке и с пустыми руками. Он снова возвысил

голос.

— Вот как вас облапошивали! — вскричал он, показывая на рулетку.

Со стороны стола, где играли в «красное и черное», послышался сухой щелчок — кто-то взводил курок пистолета.

— Да, мы — полицейские, — объявил Чевииот. — Но на чьей стороне вы: на стороне тех, кто вас грабил, или на нашей?

Раз, два, три, четыре...

«Милорд» развернулся к «подсадному» в пегом парике. Послышался его высокий, резкий голос.

— Ах ты, шулер проклятый! — закричал он почти удивленно.

Как следует замахнувшись левой, он врезал «подсадному» в солнечное сплетение, а правой треснул по голове. Потеряв равновесие и задохнувшись от неожиданности, шулер тяжело плюхнулся на стул, который подломился под его тяжестью.

В тот же миг костлявый с искусственными зубами злобно ощерился и выхватил из рукава нож, однако воспользоваться им не успел. Выхватив лопатку из рук стоящего рядом второго крупье, мужчина с соломенными бакенбардами замахнулся и что было сил врезал костлявому по шее.

За столом для «красного и черного» двое игроков набросились на крупье: они схватили его за галстук и повалили на ковер, засыпав ворохом карт из шести колод. Кто-то разбил бутылку. Кто-то издал воинственный клич. И началось...

Слева и справа с балкона вели лестницы. Чевииот впереди своих людей побежал направо. Поймав взгляд инспектора Сигрейва, который находился у левой лестницы, он высоко поднял руку, призвал жестом троих констеблей и щелкнул пальцами.

— Пошли! — скомандовал он.

Вчетвером они ринулись в бой, а инспектор Сигрейв с другими четырьмя подчиненными поддержал его с левого фланга.

Глава 16

«Сначала поцелуй... Потом меня убили»

На часах пробило три часа ночи, когда наемный экипаж повернул на Кавендиш-сквер, к дому Флоры Дрейтон. Несмотря на то что у пассажира раскалывалась голова, настроение у него было ликующее. Чевиот готов был петь.

Внешне он выглядел вполне респектабельно. Ни плащ, ни шляпа не принимали участия в драке у Вулкана. Плащ был наглухо застегнут на подбородке, шляпа притулилась рядом на сиденье, так как было больно прикасаться к шишке. Челюсть справа саднило, но щека, кажется, не распухла. Синяков и кровоподтеков Чевиот почти не чувствовал, хотя и понимал, что назавтра они о себе напомнят. На сиденье справа от него лежали две конторские книги и узелок, сделанный из носового платка. В нем находилось пять драгоценных безделушек.

— Та-ти-та! — пел суперинтендент Чевиот, не обладающий абсолютным слухом.

Если бы не гнев Флоры...

Экипаж подкатил к дому и остановился у подъезда.

Чевиот выглянул из окна. Разумеется, в доме темно, все закрыто... Придется придумать, как вломиться к ней... Он взгляделся снова. В веерообразном окошке над парадной дверью горел свет. Хотя почти все окна первого этажа были заперты ставнями изнутри, сквозь щели пробивались лучики света.

Чевиот сгреб с сиденья шляпу, платок и конторские книги, затем поспешно спрыгнул на землю и расплатился с кучером. Он уже знал, что в 1829 году не было принято давать извозчикам на чай, как сейчас; просто кебмен сразу же заламывал три — шесть пенсов сверху.

Чевиот подбежал к двери. Не успел он прикоснуться к звонку, как дверь отворила женщина средних лет, в кружевном чепце и длинном фартуке. Она держалась так царственно, что походила скорее не на служанку, а на экономку-домоправительницу.

— Добрый вечер, сэ́р! — поздоровалась женщина с таким видом, будто он заявился в гости в семь вечера, а не в три часа ночи.

— Ммм... Добрый вечер.

— Позвольте вашу шляпу?

— Спасибо, но плащ и... все остальное останется при мне, — поспешно сказал Чевииот.

— Как вам будет угодно, сэ́р, — улыбаясь, произнесла женщина.

— Ммм... скажите, а леди Дрейтон... она не... Служанка низко присела, указав на закрытые двойные двери слева от вестибюля с мраморным полом.

Флора не стала притворяться, будто не слышала, как рядом с ее домом остановился экипаж. На ней по-прежнему было темно-синее платье, расшитое золотом. Она сидела с прямой спиной за столом у камина. Пальцы лежали на странице книги, в кожаном переплете, которую она читала.

На столе горела масляная лампа. По обеим сторонам от беломраморного камина, отбрасывая желтые отблески, висели газовые лампы; в камине ярко пылал огонь. Чевииот заметил под глазами у Флоры темные круги.

Когда он открыл двери, Флора не шевельнулась, она по-прежнему сидела неподвижно, горделиво выпрямив лебединую шею. Через мгновение в глазах ее отразился страх — вдруг он ранен. Поняв, что он невредим — по крайней мере, с виду, — она поднялась.

Чевииот поспешно положил конторские книги и драгоценности на стул, обитый вишневым бархатом. Флора подбежала к нему и обвила его шею руками так страстно, что он невольно поморщился — она задела ссадины. Когда его возлюбленная запрокинула голову, он принялся пылко целовать ее, но вскоре заставил себя отступить — от греха подальше.

— Позволь заметить, любовь моя, что из всех женщин на свете ты самая непредсказуемая! — хрипло произнес он.

— Какой чудесный комплимент! — Флора едва не расплакалась. Она действительно сочла его слова комплиментом. — Вот видишь, ты умеешь быть любезным, если захочешь!

Она тут же напустила на себя важность, вспомнив о своих обязанностях хозяйки дома. Несмотря на то что ее тянуло к нему, она отстранилась и сморщила носик в притворном отвращении:

— Фу! Ты опять курил!

— Разумеется, курил. Но ведь не опиум и не гашиш, а всего-навсего табак!

В глазах у Флоры стояли слезы.

— Табак, — заявила она, — грязная и отвратительная привычка, которой не место ни в одном приличном доме. Если уж мужчине вздумалось курить, то пусть поднимается наверх и курит в дымоход.

— Он... что делает?!

— Садится на плиту, — она величественно указала на пол камина, находящегося рядом с ней, — засовывает голову в дымоход и выпускает дым вверх по трубе. Конечно, — поспешила добавить она, — если там нет огня.

Чевиоту вдруг стало легко и весело; он желал Флору, и вместе с тем ему хотелось ее подразнить.

— Да уж, — проговорил он с серьезным видом. — Если бы меня заставили засунуть голову в дымоход над камином, я опалил бы бакенбарды, не докурив сигары!

— Но у тебя нет никаких бакен... ой, что это я! Ты опять шутишь! Я тебя ненавижу!

— Флора, посмотри на меня. Ты на самом деле против курения?

— Конечно нет. Поцелуй меня еще раз... — И потом, после паузы: — Вечером я вела себя отвратительно...

— У тебя был веский повод.

— Нет, нет! Я пришла в ярость, — Флора отбросила всю важность и снова стала самой собой, — потому что очень боялась. Ты думаешь, я не знаю, какая репутация у Вулкана? А он попросил тебя остаться, и ты... впрочем, не важно! Но ведь у тебя действительно были неприятности, да?

— Да, мелкие. Не о чем говорить.

— Слава богу, — едва слышно прошептала она. — Милый! Пойдем, сядь рядом и все мне расскажи. Позволь я возьму твой плащ.

— Нет, нет! Только не плащ!

Но Флора уже отстегнула застежку и тяжелый каракулевый воротник. Когда плащ упал ей на руки, она испуганно вскрикнула.

Ни воротничка, ни шейного платка на Чевиоте не было. Рубашка висела клочьями и в двух местах пропиталась запекшейся кровью. Брюки, порванные на обоих коленях, были в пыли, как и порванный

фрак. На правом рукаве фрака, который он подвернул, умываясь у насоса, чернела прожженная дыра.

— Да... понятно, — тихо прошептала Флора. — Всего лишь мелкие неприятности, не о чем говорить. — И вдруг расхохоталась. Она смеялась и смеялась и никак не могла остановиться.

— Флора! Флора, хватит! Нельзя так распускаться!

Смех тут же смолк. Крепко прижав плащ Чевииота к груди, Флора подняла на него взгляд, исполненный такой невыразимой нежности, что ему стоило большого труда не отвести глаза.

— Нет, Джек, дело не в нервах и не в капризах. Мне правда стало смешно. Но я... у меня сердце изболелось. Я скажу тебе, что я решила... какое решение приняла сегодня. — Она облизала губы и еще крепче прижала к груди плащ. — Не скрою от тебя, милый, я многого не понимаю. Я не понимаю тебя. Иногда мне кажется, что ты человек из иного мира. Я не понимаю, почему ты так настаиваешь на «своей работе». — От смущения она прикусила губу. — Джентльмены не работают — им нет нужды работать. Нет, нет, никогда — так говорил мой отец.

Не возражай мне... Да и к чему мне понимать? Неужели мне надо стать глупышкой, такой, как другие женщины, и воображать, будто мои чувства и есть настоящая жизнь? Вчера я повела себя глупо — да, да! — и сегодня тоже. Но если ты меня любишь, я постараюсь поумнеть. И если ты так предан своей полиции... что ж, тогда и я предана ей тоже! Это никакая не добродетель с моей стороны. Я просто люблю тебя таким, какой ты есть.

Чевииот смотрел вниз, на ковер. Головы он не поднимал. К горлу подступил ком.

Флора подошла ближе. Он протянул руки. Она перекинула плащ на левый локоть, а он поднес ее правую руку к лицу и прижался к ней губами.

И тут, когда между ними воцарилось полное взаимопонимание, окутавшее их теплом, которое, казалось, невозможно нарушить, где-то далеко, в вестибюле, послышалось треньканье колокольчика.

Флора отпрыгнула от него и возмущенно топнула ногой.

— В такой час?! — воскликнула она. — Нет! Я велю Мириам никого не принимать. Сегодня они не заберут тебя у меня!

— В этом можешь быть уверена, — подтвердил Чевиот. — Ни одна сила на земле не способна соперничать с тобой.

Кто-то легонько, деликатно постучал, затем последовала долгая пауза, и в дверь скользнула статная экономка.

— Миледи... — несколько смущенно начала она. — Я бы ни за что не побеспокоила вас, если бы не... К вам леди Корк.

— Леди Корк? — безо всякого выражения переспросила Флора.

Костяшки пальцев под перчатками саднили; когда Чевиот сжал кулаки, боль стала сильнее.

— Лучше нам принять ее, — прошептал он.

— Ты... уверен?

— Да. Сегодня, Флора, я вплотную подошел к разгадке тайны.

— Тайны убийства Маргарет Ренфру?

— Да. Где были мои глаза? Я ведь видел, кто совершил преступление, а сегодня, у Вулкана, я понял, как оно было совершено. Мне недостает одной мелочи и ответа на один вопрос, который я могу узнать только у тебя и у леди Корк.

Флора глубоко вздохнула:

— Мириам, пожалуйста, просите леди Корк войти.

Как только дверь закрылась, Чевиот заговорил стремительным шепотом:

— Пожалуйста, не тревожься, но... Сегодня утром мистер Ричард Мейн, один из комиссаров полиции, всячески старался доказать, что Ренфру убила ты, а я тебя выгораживал. Нет, прошу тебя, не начинай или закрой рот рукой!

Чевиот покосился на дверь и зашептал еще быстрее:

— Я без труда оправдаю тебя. Но для этого необходимо признаться, что мы с тобой оба лгали и скрыли улику, что еще опаснее. Единственная моя надежда на то, что я сумею показать, как было совершено убийство. И сейчас, как мне кажется — повторяю, только кажется, — я смогу это доказать.

Чевиот сделал жест, призывающий Флору к молчанию. Взяв из ее рук плащ, он накинул его на плечи и застегнул воротник. В тот же миг Мириам объявила о приходе графини Корк и Оррери.

Они услышали сопение леди Корк и стук ее палки-костыля еще до того, как приземистая, тучная старуха решительно проковыляла в комнату. Вместо белого чепца с оборками леди Корк надела белый

капор с полями, из-под которых глядели ее умные глаза. Поверх вчерашнего белого платья она накинула серую меховую мантилью.

Ее словно обступали призраки восемнадцатого века; в их присутствии даже пламя газовых горелок заплясало.

— Ради бога, милочка! — обратилась старуха к Флоре; несмотря на вызывающий тон, ясно было, что она извиняется. — Я бы не стала доставлять вам столько хлопот, да еще в такой час, если бы не заметила, что у вас на первом этаже горит свет. — Она слегка подчеркнула слово «первый».

Всего два или три дня назад Флора взволновалась и смутилась бы. Но сейчас она была само спокойствие и грация и потому с улыбкой ответила:

— Вы для меня всегда желанная гостья, леди Корк. Неужели вы до сих пор не ложились?

— Я никогда не ложусь рано. Не спится. — Леди Корк с трудом повернула голову. — Нет, нет, голубушка, капор и мантилья останутся при мне. И не суетись вокруг меня!

Последнее замечание было адресовано хорошенькой молодой служанке, Соланж, которая топталась в дверях. Нежные, карие с поволокой глаза Соланж внимательно глядели на хозяйку из-под зеленого капюшона. При виде Флоры девушка пришла в замешательство.

— Сядь там, — леди Корк концом палки ткнула в кресло в противоположном углу, — и не мешай мне. Я ненадолго.

— Как и я, — пробормотал Чевииот, запахиваясь в плащ.

— Неужели сын Джорджа Чевииота? — язвительно переспросила леди Корк. Она перевела взгляд с него на Флору и обратно. — Неужели? Фи! Сознаться, и будь что будет!

— То же самое, мадам, я настоятельно рекомендую сделать вам.

— Что такое? Так я, по-вашему, лгу?

— Не всегда, мадам. Зато вы редко говорите всю правду. Он понимал: старуха ни за что не приступит сразу к делу.

Леди Корк фыркнула. Она не спеша оглядела комнату, оклеенную серебристо-серыми обоями, стулья, диван и оттоманку, обитые вишневым бархатом. Фыркнула еще раз, затем, хромя, добралась до кресла Флоры под лампой у камина и тяжело опустилась в него. На

столе рядом лежала открытая книга, которую Флора читала перед тем, как пришел Чевиот.

Леди Корк, моргая, посмотрела на страницы книги. Похоже, запах типографской краски вывел ее из забытья.

— Знаете, где я была сегодня ночью? Нет? Так вот! Я обедала с Джоном Уилсоном Крокером, — торжественно объявила леди Корк, — и с целым выводком прочих краснозадых тори. Можете себе представить, что Крокер имел нахальство предложить?

— Да, — парировал Чевиот. — Мистер Крокер предлагает отредактировать и выпустить новое издание сочинений Босуэлла, на что ему понадобится года два или больше. Несомненно, он желал услышать ваши воспоминания?

— Да, вот именно. Черт бы его поб...

— Не бойтесь, мадам!

— Что такое?

— Молодой Маколей, который пишет такие восхитительные статьи в «Эдинбург ревью», ненавидит мистера Крокера больше холодной вареной телятины. В свое время он устроит ему такую трепку, что ее будут помнить и через сто лет!

— А, еще одно пророчество! — задумчиво протянула леди Корк, сцепив руки на набалдашнике своей палки. — Но какая разница? Еще совсем недавно у меня запросто бывали все наши так называемые литературные львы — от Вашингтона Ирвинга до молодого Бена Дизраэли; он еще удивил весь Лондон своим романом «Вивьен Грей». Но где теперь остроумцы? Где светлые головы? Их нет... Никого нет.

— Ах что вы! — воскликнула Флора. — Разве мистера Дизраэли сейчас нет в Лондоне?

— Боже мой! — фыркнула леди Корк, свирепо поводя толстой короткой шеей. — Всем известно, что он путешествует по континенту. Говорят, по возвращении будет баллотироваться в парламент.

— Он оставит свой след в истории, мадам, — серьезно произнес Чевиот. — Я вам обещаю!

— Кто, Бен Дизраэли? А чего это вы ухмыляетесь?

— Просто вспоминаю «Вивьена Грея». Там одного из персонажей зовут лорд Биконсфильд. Мистер Дизраэли в юности даже не мечтал, что в один прекрасный день он сам станет...

— Кем, молодой человек? Не останавливайтесь так, словно вы язык прикусили! Кем станет?

— Я хотел сказать — выдающимся деятелем.

Большой диван подвинули к самому камину, рядом с креслом леди Корк. Флора села ближе к гостю, а Чевиот рядом с хозяйкой.

От него не ускользнула резкая перемена состояния леди Корк. Опершись на палку, старуха втянула щеки и сказала:

— От Крокера я слышала кое-что еще.

— А именно?

— Примерно в половине первого к Джону Уилсону подошел лакей и прошептал ему на ухо... — видимо, слова давались леди Корк с трудом, — что суперинтендент, сын Джорджа Чевиота, всего с восемью сыщиками вломился к Вулкану — точно с неба свалился. Так вот, они побили всех «подсадных» и спустили их с лестницы — всего за семь минут, кто-то засек по часам!

Чевиот вздохнул:

— Мадам, ваши сведения не слишком точны.

— Так что же там случилось? — язвительно поинтересовалась старуха. — Ну же, молодой человек! Что там произошло?

Чевиот посмотрел на леди Корк в упор.

— Мой рассказ может подождать, — заявил он. — Достаточно будет сказать следующее: вся шайка-лейка...

— Кто?! — переспросила потрясенная Флора.

— Прошу прощения. Я имел в виду джентльменов, честных игроков. Их возмутило то, что игра велась нечестно. Они набросились на «подсадных» — и сражались на нашей стороне. В результате мы настолько превзошли числом наемников, что нашу... стычку едва ли можно назвать дракой. Мы победили их не за семь минут, а за пять! — Отчитываясь, он по-прежнему не сводил взгляда с леди Корк. — Но едва ли, мадам, вы приехали сюда в три часа ночи ради того, чтобы узнать подробности потасовки у Вулкана. Может быть, вас интересует судьба вашей броши?

Леди Корк сверкнула глазами и опустила голову, как будто из нее вдруг выпустили воздух.

— Не стану отрицать, — пробормотала она. — Понимаете, эта брошь — свадебный подарок. Первый полученный мной подарок!

Четыре другие безделушки мне не так жалко — пусть бы их забирал Вулкан, но брошь...

Чевиот поднялся на ноги и подошел к стулу рядом с дверью. На его сиденье, поверх двух конторских книг, лежал узелок, сделанный из его носового платка.

Подойдя к леди Корк, он положил узелок ей на колени, развязал его и расправил платок. В искрах газового света, под лампой с серо-вишневым абажуром сияли и переливались драгоценные камни.

— Позвольте вернуть вам все пять, — произнес он.

Леди Корк опустила голову. Нет, она не издала ни звука — некоторое время казалось, что старуха вообще находится в прострации. Она прижала морщинистые руки к губам ладонями наружу и принялась раскачиваться в кресле.

Наконец она взяла одну из вещиц — маленький кораблик с алмазами и рубинами, — прижала его к губам, потом к щеке и тихо запела песенку, которая была в моде шестьдесят лет назад.

Флора отвернулась. Через секунду леди Корк откашлялась и подняла голову.

— Знаете, молодой человек, — проговорила она, — немного отыщется в наши дни таких, как вы.

— Но я почти ничего не сделал! — искренне возразил Чевиот. — Если уж хотите кого-нибудь похвалить, хвалите Сигрейва, Балмера и шестерых констеблей. Клянусь, мадам, они вели себя великолепно! В рапорте, который я направил обоим комиссарам, я выразил им мое величайшее одобрение.

— Ну конечно! — фыркнула леди Корк. — А вы что же, стояли в сторонке и ничего не делали?

— Я...

— Хватит! — произнесла леди Корк с истинным достоинством. Она выпрямила спину. — Мистер Чевиот, не могу выразить словами, как я вам признательна. Но я напишу Бобби Пилю. Да что там — я напишу самому герцогу!

— По-моему, не стоит.

— Что такое?!

— Если хотите отблагодарить меня, мадам, скажите лучше правду.

Темная тень снова набежала на лицо леди Корк.

Брошка упала на колени, смешавшись с остальными украшениями. Тихое шипение газа и стиснутые руки Флоры напомнили Чевiotу о том, что между ними до сих пор находится женщина, убитая выстрелом в спину.

— Вчера ночью, — продолжал Чевiot, — вы кое-что мне рассказали. По вашим словам, четыре ваших главных сокровища, включая и брошь, вы спрятали во вторник в кормушках для птиц у вас в спальне.

— Так я и сделала! Вы ведь сами видели!

— Правда, не отрицаю. Однако что произошло ночью в четверг?

Леди Корк отвернулась.

— По вашим словам, в четверг вы расставили ловушку для вора. — Чевiot подался вперед и извлек из кучки драгоценностей единственное кольцо. — Вы положили якобы ничего не стоящее колечко в кормушку канарейки в галерее, да?

Леди Корк хотела что-то сказать, но передумала.

— Далее вы утверждали, что поддались искушению и выпили настойку опия. Выпили настойку — и потому не увидели вора.

— Я...

— Простите, но позвольте мне усомниться. Вы были очень взволнованы, вы были в ужасе. Вам непременно нужно было найти вора, даже если вы всего лишь подозревали его. Взять, к примеру, кольцо, которое вы спрятали.

Чевiot поднял его повыше. Крупный бриллиант злобно сверкнул.

— Судя по счетной книге Вулкана, кольцо заложили (заложили, а не продали!) за сто гиней. Ничего себе никчемная безделушка! Хорошую наживку вы положили для своего вора! И можно ли предположить, чтобы вы выпили лауданум перед появлением того, кто украл ваши драгоценности? Нет! Вы видели вора, точнее, воровку, не так ли? — спросил он, помолчав. — И опознали Маргарет Ренфру.

— Да, — призналась леди Корк после долгой паузы.

— Вы подтвердите ваши показания в суде, мадам?

— Да, я выступлю и скажу! — Леди Корк гордо вскинула голову. Затем она погрузилась в раздумья; умные глаза проницательно посверкивали. — Я видела ее! — неожиданно поведала леди Корк. — Босую, в тонкой ночной сорочке, со свечой в руке. Боже! Пег никогда не была ханжой. Я всегда догадывалась, хотя и знала, — она

прищурилась, — что ее любовник не вы. Но... увы! Пока я не увидела ее тогда, ночью, с открытым ртом и пылающими щеками, когда она рылась в кормушке, стараясь отыскать кольцо, я даже не представляла себе, сколько в девчонке жизни и дьявольского огня!

— «Огонь, гори! — процитировал Чевит. — Котел, кипи!»

— Что такое, молодой человек? Что вы бормочете?

— Простите, — сокрушенным тоном сказал Чевит. — Я просто процитировал строчку из шекспировского «Макбета», слова, которые кое-кто употребил по отношению к ней. Огонь слишком уж разгорелся. Котел выкипел. И она снова замкнулась в себе, и ее замучила совесть.

— Неужели? — спросила леди Корк очень странным тоном. Он положил кольцо к другим драгоценностям.

— У меня остался всего один вопрос, мадам; он касается письма, которое вы написали в ночь убийства. Вопрос также связан с присутствующей здесь леди Дрейтон.

— Со мной? — удивилась Флора.

Чевит улыбнулся. Над камином, между газовыми рожками, висел портрет самой Флоры в полный рост, написанный три или четыре года назад стареющим сэром Томасом Лоуренсом, который сейчас, после того, как стал президентом Королевской академии искусств, редко брался за кисть.

Чевит помимо своей воли то и дело сравнивал Флору, изображенную на портрете, с настоящей Флорой, которая казалась более живой не только потому, что была из плоти и крови.

— Да, — кивнул он. — Дорогая моя, когда мистер Ричард Мейн днем забросал меня вопросами, я больше всего боялся, что он вспомнит о том письме. Тогда я не знал бы, что ему ответить. — Встав на коврик у камина, Чевит снова обратился к леди Корк: — Вчера, в ночь убийства, писали ли вы полковнику Роуэну в Скотленд-Ярд?

— Да, ну и что из того?

— Вы запечатали письмо желтым воском? Позвольте узнать, почему вы велели вручить письмо только полковнику Роуэну, а не обоим комиссарам полиции?

— Ах, молодой человек! Чарльз Роуэн — частый гость в моем доме. Он даже был знаком с бедняжкой Пег.

— Понятно. — Чевит оглянулся. — Флора! Ты помнишь, как ждала меня на улице, в карете? Потом подъехал верховой лакей. Вы

остановили его и попросили дать вам письмо.

— О боже! — Флора вдруг выпрямилась. — И правда! Я забыла...

— К счастью, мистер Мейн тоже запомнил. Зачем вы хотели взглянуть на письмо?

— Как ты и говорил, оно было запечатано крупной печатью желтого воска. Я увидела ее при свете фонаря в карете... — Флора замялась и покраснела. — Всему свету было известно, — дерзко продолжала она, — что я собиралась поехать с тобой. И все знали, куда ты направлялся в тот вечер. Я подумала, что письмо, может быть, предназначено мне.

— Ты взламывала печать на письме?

— Господи помилуй, нет! Оно было адресовано полковнику Роуэну. И потом... печать уже была взломана!

Чевиот некоторое время молча смотрел ей в глаза.

— Отлично! — воскликнул он. — А сейчас, леди Корк, позвольте еще один вопрос... Кому вы передали письмо после того, как написали его?

— Конечно же Пег Ренфру! Я была наверху, у себя в будуаре, и...

— А она... кому отдала письмо она?

— Лакею, кому же еще?

— Печать, — пробормотал Чевиот, глядя на огонь, — была взломана, когда письмо попало в руки полковника Роуэна. Значит, вероятнее всего, ее взломала сама Маргарет Ренфру. — Он хлопнул в ладоши. — Да! Она раскусила (прошу простить мне вульгарное выражение, мадам) ваши, как всегда, косвенные намеки на украденный птичий корм. Она поняла, что в дом нагрянет полиция. Леди Корк! Вы помните, как она вела себя потом?

— Да, — угрюмо кивнула старуха. — Я все видела.

— Она замкнулась в себе от стыда, дерзила... Но стыдно ей было главным образом потому, что... стойте! Не кажется ли вам, что ее мучила совесть? Если бы я тогда как следует нажал на нее, могла бы она признаться во всем?

— Вполне, — согласилась леди Корк, щелкнув пальцами. — Скажу больше: я так и думала, что она сознается. Или я бы... впрочем, не важно! Кто может сказать, что творится в душе у одинокой женщины? Может, она и созналась бы, а может, и нет. Но...

— Убийца заткнул ей рот.

Чевиот продолжал задумчиво смотреть на огонь; жар обжигал лицо. Картина постепенно прояснялась.

— Он застрелил ее. Убил, намеренно и хладнокровно. И все из-за того, что она могла его выдать! Из-за пригоршни драгоценностей... и из-за пачки бумажек... прошу прощения, банкнотов...

— Джек! — вмешалась Флора. — Ради всего святого, где ты набрался таких странных выражений? «Супершикарные», «шайка-лейка», «бумажки»! И еще многое другое. Откуда?

Чевиот пожал плечами:

— Я... не знаю.

— Я спрашиваю, — нерешительно продолжала Флора, — потому что некоторые из них встречаются в книге, которую я читала, когда ты пришел.

— В книге? — спросил он, резко поворачиваясь к столу.

К изумлению обеих женщин, он схватил книгу в кожаном переплете. Раскрыв ее, пробежал глазами титульный лист.

— Она была издана пять лет назад, — сказал он. — Я вполне мог прочесть ее, но почти забыл о ней — а может, так и не дочитал. Но такая книга едва ли подходит тебе, Флора. «Роковые последствия азартных игр, показанные на примере убийства Вильяма Вира, а также судебный процесс над убийцей Джоном Тартеллом и его сообщниками...».

Флора поспешно перебила его:

— Нет, не то! Вторая часть книги. Посмотри ниже!

— «Бедствия игрока, — прочел он вслух, — Полное описание всех столичных азартных игр...».

Название было длинным, и Чевиот, не дочитав его до конца, раскрыл книгу и принялся листать страницы. Флора снова вмешалась:

— Нет, ты уже пролистал ту часть, где говорится об азартных играх. Ты смотришь приложение. Оно посвящено злодею по фамилии Проберт, обвиненному в убийстве Вира. Он дал показания после того, как ему была предоставлена отсрочка исполнения смертного приговора... Джек! В чем дело?

Чевиот вдруг страшно побледнел — таким она его еще не видела — и поднес раскрытую книгу к свету. Руки его дрожали.

У него были все основания для волнения. На четыреста восьмидесятой странице ему в глаза бросились несколько строчек.

Казалось, что они набраны жирнее остального текста. Он медленно перечел их. Потом прочитал следующую страницу и еще три — безрезультатно. Наконец, наверху следующей страницы шесть строчек ужалили его, как ядовитая змея.

— Что такое? — проворчала леди Корк, беспокойно разглядывая суперинтендента. — Что там еще случилось?

— Конец, — произнес Чевиот.

— Конец?

— Да. — Он закрыл книгу. — Не так уж она мне была и нужна. Но в ней подтверждаются мои выводы. В книге говорится, где мне искать то, что мне нужно. — Он улыбнулся. — Так что вы говорили об убийце, мадам?

— Я ничего не говорила, но...

— Я знаю, кто он, — ровным тоном произнес Чевиот. — Он у меня в руках! — И он сжал правую руку в кулак. — Вот где!

— Боже! — Леди Корк ударила палкой об пол, отчего драгоценности едва не свалились с ее коленей. — Но кто же он? И как сотворил свое черное дело?

— Извините, мадам. Пока я оставляю это в секрете.

— И мне не скажете?

— Не могу.

— Ну-ну! Хорошие манеры, нечего сказать! В таком случае я забираю украшения — спасибо вам большое — и удаляюсь.

Обиженная старуха, злясь, сама не понимая на что, дрожащими пальцами начала связывать углы носового платка, но пальцы ее не слушались. Чевиоту пришлось помочь леди Корк. Затем он очень бережно вынул узелок у нее из рук.

— Леди Корк, мне очень жаль, но пока я не могу вернуть вам драгоценности. Они послужат вещественным доказательством.

Измученная гримаса исказила лицо старухи.

— Нельзя? Даже брошь?! Даже свадебный подарок?

— Мадам, мне очень жаль! Их вам, разумеется, отдадут. Если хотите, я напишу расписку.

— Расписку! — негодуя каркнула леди Корк. — Расписку!

Она с трудом встала, опираясь на палку, и запахнула на шее мантилью.

— Спокойной ночи, мадам, — обратилась она к Флоре. И, повернувшись к Соланж, которая устроилась в довольно развязной позе, закинув ногу на ногу: — Пойдем, милочка! — Соланж, поспешив к дверям, распахнула их перед своей хозяйкой. Леди Корк величественно проплыла в них, точно военный корабль.

— Кучер замерзнет, и я тоже, — проворчала она. Стоя на пороге, она обернулась и посмотрела на Чевиота в упор: — Ну и ну! Я и не думала, что вы умеете так бледнеть. Нечего сказать, хороший будет у вас завтра вид на встрече с... — Переведя взгляд на Флору, она прикусила губу и замолчала. Видимо, ей стало стыдно.

Интересно, подумал Чевиот, глядя на старуху, откуда ей все становится известно? Наверное, от Фредди Деббита; Фредди не заткнешь рот. Но завтра, постреляв по мишени на спор, ему предстоит драться на дуэли с капитаном Хьюго Хогбенем, о чем он совершенно позабыл.

Леди Корк остановилась, опершись на палку; сзади ее фигуру подсвечивал газовый рожок. Она снова помялась и вдруг решительно объявила:

— Мистер Чевиот! Своенравная старуха с мерзким характером просит у вас прощения. Как вам известно, вы мне нравитесь. Я ваша должница; и это вы тоже знаете. — В глазах ее сверкнули слезы. — Удачи вам, молодой человек! Пусть Господь укрепит вашу руку!

Двери за леди Корк закрылись. Издалека донеслись голоса, потом шум запираемых засовов — это за гостьей заперли тяжелую входную дверь.

Флора, вставшая со своего места в тот миг, когда поднялась леди Корк, не вернулась на диван, но подошла к Чевиоту, все еще смотревшему на двери.

— Джек, о чем она? Зачем нужно... укреплять твою руку?

— Ерунда! Завтра в девять утра я стреляю по мишеням в тире Джо Мантона. Вот и все.

— Ах!

Чевиот не сводил глаз с закрытых дверей. Он никогда не имел дела с гладкоствольным оружием. Он понятия не имеет, сколько оно весит, как лучше стоять, какова дальность полета пули. Может быть, он больше никогда не увидит Флору!

В камине вспыхнуло полено, взметнув рой искр. Чевиот огляделся. Потом наклонился и рывком подхватил Флору на руки.

Глава 17

Шесть выстрелов по мишени

В длинном кирпичном зале с железной стеной пистолет стрелял гулко, словно пушка на поле боя. Пороховой дым настолько сгустился, что даже Джо Мантон-младший, привычный ко всему, почти не видел лица клиента. Чевииот, упрямо сжавший губы, поднял руку для последнего выстрела.

Вжик! — свинец ударил по металлу. Сплющенная пуля упала на каменный пол.

В тире воцарилась мертвая тишина, так что можно было слышать через открытую дверь, как в оружейной мастерской на стене тикают часы с белым циферблатом. Без десяти девять. Суперинтендент Чевииот тренировался уже полчаса.

Джо Мантон-младший подлез под закопченный металлический барьер и пробежал тридцать шесть шагов, отделявших клиентов от стены, на которой висели мишени. Потянув за канат, он поднял люк в потолке, чтобы дым вышел наружу.

Кирпичные стены были оштукатурены; их нужно было штукатурить заново примерно каждые две недели. Справа находилось окно в мелкий переплет с приподнятой рамой. Едкий дым, клубясь и закручиваясь колечками, потянулся наверх, к люку.

Копоть ела глаза; в носу першило. Но как только дымовая завеса рассеялась, из-за нее показалось лицо Чевииота. Оно, как и у владельца тира, было в копоти.

— У вас хорошо получается, сэр, — кашляя, заметил Джо. — Неплохо. Но... — На самом деле, по его мнению, способ стрельбы гостя оставлял желать лучшего. — Простите, мистер Чевииот, но вы все делаете не правильно!

— Знаю.

— Но как же...

На полке, вделанной в стену над разделительным барьером, лежал один дуэльный пистолет среднего размера. Чевииот испробовал уже двенадцать: от убийственного двенадцати-калиберного, почти бесполезного, потому что пуля вылетала из ствола слишком высоко, до

маленького карманного, очень похожего на тот, что принадлежал покойному мужу Флоры.

После каждого выстрела Джо-младший откладывал в сторону использованный пистолет, проворно вытаскивал взорванный капсюль, чистил ствол шомполом, протирал его промасленной тряпкой и клал на длинную стойку у левой стены.

Чевиот, не двигаясь, разглядывал, куда угодила последняя пуля. Казалось, смотреть особенно не на что. Железная стена была закопчена от пороха, в некоторых местах виднелись царапины или остатки сгоревшей белой бумаги.

Джо-младший беспокойно переминался с ноги на ногу. Это был плотный рыжеватый молодой человек с высокими скулами и серьезными глазами. Лицо его было черно от сажи, как у гоблина. На нем был темный сюртук, коричневый жилет и темно-красные брюки с черными гетрами. Ему пока не слишком хорошо удавалось подражать безукоризненной вежливости и вместе с тем откровенной прямоте своего отца, оружейника с 1793 года.

«Ну же! — подбадривал себя Джо. — Скажи ему!»

Ему бы так хотелось, чтобы этот широкоплечий сероглазый джентльмен улыбнулся, рассмеялся, отпустил какую-нибудь шутку — как другие. Но мистер Чевиот, если не считать безупречно белой сорочки, был весь в черном, даже жилетка и то черная.

«С чего бы? — недоумевал Джо. — Никакой дуэли вроде бы не предвидится... Он говорит, у них будет всего лишь состязание. И потом, на дуэлях дерутся обычно рано утром».

— Прошу прощения... — начал он вслух.

— Знаю. — Чевиот повернулся к нему и улыбнулся. — Но я не могу стрелять по правилам, Джо, то есть, если я хочу победить, выбить как можно больше очков.

— Что, сэр?

— Ведь тебе хочется, чтобы я встал вот так, верно? Повернулся боком к барьеру, правую ногу чуть вперед, левую отвел вбок?

Джо энергично закивал.

— В то же время, — продолжал Чевиот, становясь в нужную позицию, — я постепенно опускаю вытянутую правую руку, пока она не окажется на одном уровне с мишенью. Ведь так принято?

— Сэр, это единственно возможный способ! Клянусь вам! — воскликнул Джо, воодушевляясь. — Клянусь, даже отец не придумал бы лучше!

— Но существует другой способ. Ты ведь видел. Тут главное не форма, а содержание!

— Простите, сэр...

— Некоторые самые меткие выстрелы (не все, но некоторые) производятся именно так, как это делал я. Ты не целишься сознательно. Похоже... как если бы ты вытянул вперед руку и показывал на мишень пальцем. Зато стреляешь очень быстро. Вот так! Назови мой способ сноровкой, уловкой. У кого-то выходит, у кого-то нет. — Чевииот задумался. — А можно здесь где-нибудь умыться?

Джо-младший просиял от удовольствия: наконец-то речь зашла о простых и понятных вещах.

— Сюда, сэр! Вода уже приготовлена.

Слева за барьером, около двери, ведущей в лавку, находилась коричневатая каменная раковина с краном; рядом торчала короткая металлическая рукоятка насоса. Зеркальце над раковиной было тщательно протерто, тощее полотенце на гвозде — чистое.

Чевииот умылся желтым мылом, время от времени подкачивая в раковину воду из насоса. Касторовая шляпа плотно сидела на голове; шишка начинала рассасываться. Зато, когда он наклонился, дали о себе знать кровоподтеки, уже начавшие покрываться коркой.

Проклятая дуэль! Неизвестно, где и когда она состоится. Он принял вызов Хогбена только для того, чтобы раззадорить его. Дуэль стала частью их состязания и пари. Если он стреляет лучше Хогбена, Хогбен и Уэнтуорт расскажут ему все, что им известно о Маргарет Ренфру. Однако теперь ему больше ничего не нужно знать; следствие окончено. И на первый план постепенно выходила сама дуэль.

Если он потеряет Флору после вчерашней ночи...

И сегодняшнего утра — нескольких упоительных часов...

Если он из-за дурацкого вызова получит пулю в голову...

Может быть, именно в этом заключается разгадка его короткого кошмарного сна?

Большие часы с белым циферблатом в лавке все тикали. Без четырех минут девять!

Повесив полотенце на гвоздь, Чевиот отогнал мрачные мысли и вернулся к железному барьеру с широкой стойкой.

— Джо! Будь любезен...

Джо-младший, успевший вычистить, отполировать и повесить на место последний пистолет, из которого стрелял клиент, поспешил на зов. Чевиот поднял с пола папку зеленой кожи, похожую на бювар с ручкой, которую захватил с собой из «Олбани».

На самом деле это и был бювар, хотя он вынул оттуда все письменные принадлежности и заменил их экспонатами, которые намерен был продемонстрировать позже — если останется в живых. Поставив бювар на полку, он извлек оттуда маленький пистолет с ромбовидной золотой пластинкой на рукоятке.

— Джо, ты когда-нибудь видел эту вещь?

— Наше изделие, мантоновское! — обрадовался Джо, рассматривая пистолет. — Вот, видите — наша марка? Его сделали еще до меня, но ведь и я работаю недавно. Инициалы «А.Д.». Значит, делали на заказ.

— Да. Его прежний владелец уже умер. Не найдется ли у тебя пули, которая подходила бы к этому пистолету? Будь любезен, заряди его.

— Его надо сначала почистить. Посмотрите, какой грязный ствол!

— Отлично, почисть. А потом заряди. Только побыстрее!

Чевиот постучал пальцами по полке и оглянулся. Ни капитан Хогбен, ни лейтенант Уэнтуорт, ни даже Фредди Деббит еще не объявлялись. Фредди мог бы, по крайней мере, сообщить ему час и место настоящей дуэли и, что более важно, с какого расстояния предстоит стреляться.

С фасада тир напоминал обычную лавку: по обе стороны от двери большие окна-фонари. Сквозь стекла он видел Дэвис-стрит: ровные линии каменных стоек, как и повсюду, и железные перила коновязей. Больше ничего. Погода в октябре стояла изменчивая — то светило солнце, то небо затягивали тучи. Даже сюда, в тир, проникал запах прелой листвы.

Джо у левой стены заряжал пистолетик. Отвинтив крышку, он отсыпал нужное количество пороха из металлической пороховницы. Смазал и выбрал крошечную пульку из коробки — на полке их было множество с пулями разных калибров. С помощью пыжа, сделанного

из обрывка газеты, аккуратно свернул заряд, сунул в ствол и утрамбовал его шомполом.

— Куда повесить мишень, сэр?

— Сейчас мишень не понадобится. Выстрелю просто в стену.

Щелкнул курок. Щелчок был тихий, еле слышный. Вместо того чтобы разглядывать железную стену, Чевиот перегнулся через барьер и схватил Джо за руку.

— Он небольшой, — сказал он, показывая на пистолетик. — Но запах пороха чувствуется? Ведь явственно пахнет порохом!

— Разумеется! — вскричал Джо. — Так всегда бывает!

— Хорошо. А теперь принеси мне, пожалуйста, пулю.

— Что, сэр?

— Принеси пулю, которой я только что выстрелил. Дай ее мне.

Джо неуклюже заковылял к задней стене, спотыкаясь на пулях, валяющихся на полу. Он взгляделся, поднял с пола одну из них и вернулся.

— Осторожно, сэр, она еще горячая.

Чевиоту было все равно, обожжет он пальцы или нет. Пулька совершенно сплющилась о стену; крупинки горелого пороха вплавились в мягкий свинец. Он кивнул, убрал пулю в бювар и достал оттуда книгу в кожаном переплете.

— Джо, я не сошел с ума и не пьян. И у меня есть веская причина для расспросов. Пожалуйста, прочти эти двенадцать строчек. И еще шесть, вот здесь.

Последовала пауза. По небу быстро ползли облака; то прояснялось, то снова становилось темно.

— Ну и что, сэр? — спросил Джо. — Тут все просто и понятно.

— Но оружие? Я-то по глупости даже не подумал о том, что его уже изобрели!

— Как так изобрели? — изумился Джо. — Что вы, мистер Чевиот! Да оно существует уже много лет! Разве вы не смотрели на коронацию восемь... нет, девять лет назад?

— Нет. Меня... не было.

— Ну а я тогда был еще мальчиком на побегушках. Помню, отец тогда еще долго хмурился. Мне было не лучше, хотя я и не мог сказать почему. Толпы на улицах, повсюду полно народу, но никто не кричит от радости, не приветствует нового короля. Все молчат.

— Да?

— Карета у него была роскошная. Как в сказке. Я ни прежде, ни после не видал короля, потому что он больше не любит Лондон. Но он был такой огромный и жирный, до невероятности. Глаза полузакрытые, как будто ему на все наплевать. Да только то была одна видимость. Он все отлично знал и, видно, злился, потому что никто ему не радовался. В общем... Разве вы не помните, какая дыра была от пули в стекле окошка его кареты? И еще сначала никто не мог взять в толк, откуда она взялась?

— Да! Кажется, я читал... впрочем, не важно. Продолжай!

— Как это не изобрели?! — снова воскликнул Джо, досадуя на собственную несдержанность. — Да что там, сэр, одно такое и у меня имеется!

— У тебя? Можно посмотреть?

Напустив на себя отцовскую серьезность, Джо поднял перекладину барьера и вышел.

— Прошу вас, — пригласил он, — пройти в лавку.

Здесь часы с белым циферблатом тикали еще громче. Повсюду чувствовался приятный запах масла и дерева, особенно приятный после пороховой вони. Здесь имелось несколько ружей, в основном охотничьи одностволки, начищенные и новенькие, с блестящими коричневыми деревянными прикладами. Джо зашагал между ними...

Хлоп!

Чевиот был настолько поглощен своими мыслями, что не услышал, как подъехали лошади. Он очнулся только тогда, когда гулко ухнула тяжелая входная дверь. С улицы вошли трое.

— Поставь на место! — быстро приказал Чевиот Джо Мантону. — Поставь на стойку!

На пороге мастерской стоял капитан Хьюго Хогбен.

Хогбен был не в форме, как и лейтенант Уэнтуорт, находившийся чуть позади. На нем был черный костюм и белая рубашка; шляпа надвинута на лоб, через руку перекинут плащ. Два его спутника оделись не столь щегольски, хотя жилетка Фредди Деббита своей пестротой могла бы посрамить радугу. Хогбен поморгал маленькими глазками.

— Чевиот уже здесь, — бросил он Уэнтуорту через плечо. — Насколько я понимаю, упражняется в стрельбе.

Он ни разу не взглянул Чевииоту в лицо, не заговорил с ним, хотя они стояли друг против друга. На бледном лице с тощими черными бакенбардами застыло невозмутимое выражение, лишь кончики губ изогнулись в едва заметной усмешке.

— Здравствуй, Джо! — сказал капитан владельцу тира. — У нас пари на тысячу гиней. Ну и где же его денежки?

Он развернулся и широким шагом зашагал в помещение тира.

Фредди, семенивший за Уэнтуортом, кивнул Мантону-младшему, жестом приказывая ему следовать за ним, и Джо повиновался. Как будто смущаясь, Фредди тихо обратился к Чевииоту:

— Господи, Джек! Где ты был? Я повсюду тебя искал! Ведь я же... должен сообщить тебе условия вашей... встречи.

— Где она пройдет?

— За старыми увеселительными садами Воксхолл-Гарденз — на другом берегу, у Воксхоллского моста. Там есть одна беседка в греческом стиле; она стоит на поляне, окруженной деревьями. Знакомо тебе это место?

— Да, — ответил Чевииот, которому это место конечно же было незнакомо. — На каком расстоянии стреляемся?

— Двадцать шагов. — Фредди еле сдерживал волнение. Дистанция была значительно короче обычной. — Согласен?

— Согласен. Когда?

— Сегодня в пять вечера.

— Вечера?! — Ответ застал Чевииота врасплох; он зачем-то достал часы и открыл крышку. Потом посмотрел в окно. — Никогда не слышал о вечерних дуэлях. И потом, посуди сам: сегодня тридцать первое октября...

— Канун Дня всех святых, — напомнил Фредди, безуспешно пытаясь пошутить. — Верно? Когда по земле расхаживают привидения, а на облаках разъезжают духи.

— Фредди, в пять вечера уже стемнеет. Как мы увидим друг друга?

— Знаю, знаю! — жалобно отозвался Фредди. — Но таковы условия Хогбена. Разумеется, он передал их через Уэнтуорта. Так раньше никто не делал, однако нарушений тут нет. Мы специально просмотрели дуэльный кодекс. Джек, черт побери, почему ты так взволнован?

— Разве я сказал, что взволнован?

— Нет, но... — Забыв об осторожности, Фредди повысил голос: — Старина, ты ведь стреляешь гораздо лучше его!

Из примыкающей к лавке галереи послышался голос Хогбена, обращенный в пространство.

— Так пусть он войдет, — насмешливо заявил капитан, — и покажет, на что способен!

— Спокойно, Джек! — крикнул Фредди.

Фредди прав. Нельзя терять самообладание в присутствии этого гвардейца! Чевиот расправил затекшие плечи, кивнул и следом за Фредди вошел в тир.

Глянув на улицу в окно, он увидел Флору в открытой карете у обочины.

В карету — низкую, черную, лакированную с позолотой и белой обивкой — были впряжены гнедые. Флора, в короткой меховой накидке, сидела, сунув руки в муфту. Белая шляпка, кокетливо сдвинутая набок, очень шла ей. Увидев, что Чевиот на нее смотрит, Флора приложила пальцы к губам и помахала. Ее глаза и губы досказали остальное.

Чевиот приподнял шляпу и поклонился, надеясь, что его глаза также выражают все чувства, какие он к ней питает. Он не смел смотреть на нее дольше секунды-двух; он боялся, что в противном случае у него дрогнет рука. Чевиот не ждал ее; ее приезд стал потрясением, и он поспешил отвернуться от окна.

Все приготовления к состязанию были почти завершены — ими громогласно распоряжался Хогбен. Джо Мантон зарядил шесть дуэльных пистолетов и разложил их на барьере на расстоянии два фута друг от друга. Никакого сравнения с современным оружием; пуля весила около двух унций. Затем Джо взял коробку с мишенями, или, как их тогда называли, «вафлями».

Они были изготовлены из плотной бумаги, которую впоследствии назовут «патронной бумагой», белого цвета, круглые, около двух дюймов в диаметре. С тыльной стороны каждая была намазана тонким слоем клея.

С мокрой тряпкой в одной руке и коробкой в другой Джо подошел к черной стене. Он счистил обрывки расстрелянных мишеней. То отходя, то подходя ближе, чтобы правильно рассчитать расстояние,

Джо намочил заготовленные мишени и ударами кулака приклеил их к стене, такой же прочной, как железная дверь Вулкана. Как и пистолеты, мишени находились на расстоянии двух футов друг от друга, на высоте плеч. С расстояния тридцать шесть шагов они казались крошечными.

— Ну, пора! — заявил Хогбен, топнув ногой, словно собираясь бежать наперегонки. Он обратился к лейтенанту Уэнтуорту: — Тысяча гиней! Где деньги этого типа?

Без формы у Уэнтуорта был еще более странный вид, чем у Хогбена. Он изумленно воззрился на приятеля. Наконец понял, что Хогбен не шутит.

— Хогбен, — произнес лейтенант, — позвольте сказать, что я не намерен дольше терпеть подобное обращение. Так нельзя! Каким бы ни был спор, ни к одному джентльмену не подобает...

— Где его деньги, черт побери?

Не говоря ни слова, Чевиот подошел к левой стойке, рядом с которой, прислонясь к стене, стоял Джо Мантон. Он отсчитал тысячу — главным образом, в банкнотах, но попадались и золотые соверены, и немного серебра. Затем, по-прежнему не говоря ни слова, вернулся и встал рядом с Фредди спиной к окну.

Хогбен сбросил плащ и в первый раз посмотрел Чевиоту прямо в глаза.

— Ну, давай! — Он дернул головой в сторону барьера. — Ты первый!

Чевиот шагнул вперед. Фредди, увидев выражение его лица, загородил его собой:

— Бросьте жребий! Так будет справедливо. Бросьте монету!

— Как вам будет угодно, мистер Деббит, — с поклоном отвечал Уэнтуорт, доставая из жилетного кармана монету в два шиллинга. — Хогбен, вас вызвали на состязание — вам выбирать.

— Орел! — объявил Хогбен, когда монетка взмыла в воздух.

— Решка! — констатировал Уэнтуорт, наклоняясь над упавшей монетой. — Чего хотите вы, мистер Чевиот?

— Пусть он стреляет первым.

Сохраняя невозмутимость, Хогбен поправил шляпу и взял первый пистолет слева. Послышался тихий, мелодичный щелчок взводимого

курка. Хогбен развернулся боком и поставил ноги в правильную позицию.

Часы в лавке громко тикали. Правила не разрешали шевелиться, поздравлять по случаю удачного выстрела или сочувствовать стрелку, которому не повезло.

Хогбен посерьезнел. Речь шла о крупной сумме, и он вел себя осторожно. Он не спешил, чего нельзя было себе позволить на настоящей дуэли. Его правая рука поднялась, опустилась и вытянулась. Он ждал, пока луч света не упал на крошечную мишень.

Щелк!

Струя огня, громкое эхо от удара по железу. Мишень, пораженная в самое яблочко, разлетелась на кусочки.

Хогбен не спеша положил первый пистолет и перешел ко второму. Вторым выстрелом он задел верхний край мишени; пуля порвала бумагу, однако мишень уцелела и продолжала висеть на стене, а пуля отскочила от стены и покатила по полу.

Третий выстрел пришелся мимо. Сплющенная пуля высоко отскочила и ударилась о пол на полпути между мишенями и барьером. Хогбен с секунду стоял, опустив голову. Однако он по-прежнему хранил невозмутимость. Вокруг густел едкий пороховой дым. Капитан ждал, пока дым поднимется вверх.

Четвертым выстрелом он задел только угол мишени. Зато пятый и шестой пришлись точно в цель. Более того, шестая мишень даже вспыхнула ярким пламенем, сгорая.

Хогбен положил последний пистолет и расправил плечи.

— Ну вот! — весело произнес он, косясь на кучку банкнотов и монет. — Попробуй-ка побить меня, ты!

Стрелял он отменно. Однако никто не произнес ни слова, пока Хогбен умывался над раковиной, а Джо Мантон водил тряпкой по железной стене, смывая остатки мишеней и приклеивая новые.

Насвистывая сквозь зубы, капитан Хогбен принялся слоняться по тире, скрестив руки на груди. Джо чистил и перезаряжал пистолеты. Казалось, он трудился нескончаемо долго. Часы все тикали, а Хогбен насвистывал «Лягушку».

— Ваша очередь, мистер Чевиот, — произнес наконец лейтенант Уэнтуорт.

У Чевииота пересохло в горле. Он не посмотрел из окна на Флору. Фредди тронул его за плечо. Поколебавшись, Чевииот подошел к барьеру с левой стороны.

Щелк! Щелк! Щелк! Щелк! Щелк! Щелк!

Фредди, презрев все правила, подпрыгнул и громко завопил от восторга.

Измученным наблюдателям показалось, что Чевииот даже не сдвинулся с места, так быстро он отстрелялся. Однако все слышали громкие хлопки. Над головами за клубился черный пороховой дым. Не прошло и нескольких секунд, как были произведены все шесть выстрелов.

На улице заржали гнедые, нервно зацокали копытами. Чевииот положил последний пистолет и присоединился к стоявшему у окна Фредди. Дым уже почти весь вышел в трубу и через окно.

Каждая из шести мишеней, простреленная точно посередине, либо сгорела, либо разлетелась на куски. Серьезный и искренний Уэнтуорт, который до этого не отрываясь задумчиво смотрел на Хогбена, очень вежливо обратился к Фредди:

— Мистер Деббит, полагаю, вы не сомневаетесь, что ваш друг выиграл?

— Да! Да! Черт возьми, какие могут быть сомнения?

— Отлично. — Уэнтуорт повернулся к Чевииоту: — Сэр, мы согласны сообщить вам некоторые сведения...

Но Чевииот, кашляя от дыма, жестом остановил его:

— Сэр, данные сведения мне больше не нужны. Я освобождаю вас от взятых обязательств.

— Вот и хорошо! Вот и отлично, черт побери! — заявил Хогбен и расхохотался. — Ты бы так и так ничего не узнал.

Светловолосый, белокожий Уэнтуорт густо покраснел.

Можно было бы предположить, что меткая стрельба Чевииота слегка охладит пыл задиристого гвардейца. Нетрудно было догадаться, что на расстоянии двадцать шагов обоим дуэлянтам угрожает смертельная опасность. Но Хогбен по-прежнему держался надменно и вызывающе.

— О, я сдержу слово! — заявил он, поднимая с пола плащ и накидывая его на плечи. — Тут ты ошибся, приятель. Я сказал, что

сообщу кое-какие сведения, но не сказал, кому я их сообщу, верно? Я не обещал передать сведения тебе.

Он выпучил глаза, довольный собственным коварством, и снова расхохотался.

— Я как можно скорее сообщу все твоему начальству — как-бишь-их-там — на Уайтхолл-Плейс. Кстати, Уэнтуорт... Вы договорились с Деббитом относительно времени и места встречи?

— Да.

— Стреляемся моими пистолетами?

— Стойте! — воскликнул Фредди, потирая запачканное лицо. — Я забыл упомянуть...

— Пистолеты любые, — сухо заявил Чевииот и направился умываться к раковине.

— Значит, все решено, приятель, — ухмыльнулся Хогбен, — и тебе крышка! — Он зашагал к двери. — Идете, Уэнтуорт?

— Нет.

— Идете, Деббит?

— Да, да! То есть... не с вами. У меня нет лошади. Я должен кое с кем встретиться. Джек, старина! Поздравляю, позволь пожать твою руку. — Фредди понизил голос: — Насчет вечера даже не сомневайся. Ты его победишь. Встретимся на месте. Пока!

За окном Флора, поднявшись во весь рост в карете, бросала в сторону Чевииота молящие взгляды. Он, закончив умываться, помахал ей рукой и улыбнулся.

Хогбен вышел, хлопнув дверью, вскочил на белую лошадь и галопом помчался на юг, по направлению к Беркли-сквер. Фредди последовал за ним. Он остановился лишь для того, чтобы, приподняв шляпу, поклониться Флоре и (как показалось) отвесить ей цветистый комплимент. Затем поспешил на север, к Оксфорд-стрит.

Не подозревая, какой удар ждет его через несколько секунд, Чевииот заплатил Джо уговоренную заранее скромную плату за то, что они стреляли в его тире, и выслушал поздравления. Затем, отвернувшись от вспотевшего на радостях Джо, поднял с пола у барьера свой зеленый бювар.

Лейтенант Уэнтуорт, стоя у умывальника, мрачно смотрелся в зеркальце. Чевииот вежливо попрощался с ним и открыл дверь.

— До свидания, сэр! — крикнул Джо Мантон-младший. — Я было подумал, что ждуть беды... Ей-богу, так и подумал!

Уэнтуорт дернул ручку насоса. В умывальник мощной струей хлынула вода, заливая его костюм. Отраженное в зеркале лицо исказилось в гримасе, не предназначенной для посторонних глаз.

— Мистер Чевиот, — произнес лейтенант, отряхнувшись, — позвольте поговорить с вами по делу, имеющему жизненно важное значение!

Глава 18

Ловушка у Воксхолл-Гарденз

Из приоткрытой двери тянуло теплым, приятным осенним воздухом, в котором, однако, уже чувствовалось холодное дыхание. Чевиот шире распахнул дверь.

— Да? В чем дело?

Он нехотя повернулся. Флора из боязни нарушить приличия не позволила себе выпрыгнуть из кареты и войти в тир; она состроила нетерпеливую гримаску. У Чевиота болела голова; спал он меньше получаса, к тому же ему приснился страшный сон.

— Сэр, — начал лейтенант Уэнтуорт, — возможно, я нарушаю оказанное мне доверие. Или усомнился в друге. Однако высказаться — мой долг. Вы не заметили ничего странного в поведении Хогбена?

Чевиот взмахнул рукой, в которой держал бювар.

— Откровенно говоря, — заявил он, — я устал от капитана Хогбена. Даже если мы с ним убьем друг друга на дуэли, что вполне вероятно...

— По-моему, никакой дуэли не будет, — заявил Уэнтуорт.

— Как так?

Теперь они остались в тире одни. При первом упоминании страшного, зловещего слова «дуэль» Джо Мантон шмыгнул за барьер и скрылся в лавке.

Уэнтуорт поплескал водой в лицо, не удостоив вниманием мыло, вытерся и подошел ближе. Без формы он казался не военным, а скорее студентом: вежливый, суховатый, однако вовсе не заносчивый. Видимо, за прошедшую ночь он немного повзрослел.

— Что вы говорите? — спросил Чевиот. — Дуэли не будет? Значит... никакой опасности?

— Этого я не сказал. Опасность, возможно, очень велика — для вас.

— Но Хогбен?...

— О, Хогбен ничем не рискует. Многие скажут вам, что он никогда не играет честно.

Так говорила и Флора. Чевиот посмотрел в окно. Флора по-прежнему стояла, придерживая шляпку; ветер трепал ее юбку. Ее губы беззвучно шевелились: «Что такое? Почему ты не идешь?»

— Но что может Хогбен? — удивился Чевиот. — Ведь там будете и вы, насколько я понял, и мой секундант...

— Да, если Хогбен придет. Больше, сэр, я ничего не могу вам сказать. Я не знаю, а только подозреваю. Я старался быть ему другом, однако у меня это плохо получается. Если нас там не будет...

— То что?

— В сумерках к вам может выйти кто-то другой. А Хогбен просто жаждет вашей смерти.

Вспомнив о плаще, Чевиот взял его с полки у окна. Открытая дверь раскачивалась и скрипела. Из сумрака возник призрак Хогбена; он высокомерно ухмылялся и прятал в рукаве козырной туз.

«В сумерках к вам может выйти кто-то другой»... В сумерках в канун Дня всех святых!

— Лейтенант Уэнтуорт, — Чевиот запахнулся в плащ и взялся за ручку двери, — я очень благодарен вам за предупреждение. — Он поклонился, закрыл за собой дверь и поспешил через дорогу к Флоре.

Ни Флора, ни Чевиот не стали говорить о том, что их тревожило, пока Чевиот не устроился поудобнее в карете.

— Во сколько ты сегодня от меня ушел?... — спросила Флора, но тут же осеклась, заметив, как выпрямился кучер Роберт. На запятках лакеев не было. — Я слышала, — сказала она чуть погодя, — что ты отличный стрелок. Мне же неприятно смотреть даже на то, как люди упражняются в стрельбе. Но ты утер нос капитану Хогбену! — Она испытывала гордость за Чевиота, и все же ее мучила неопределенность. — Надеюсь... вы с ним не поссорились?

— Как ты видела, нет.

— Милый, но я ведь ничего не слышала, кроме выстрелов.

— Больше и нечего было слышать.

— Я решила, — пылко заявила Флора, кивая на корзинку, стоящую на полу, — что мы поедем покататься куда-нибудь за город, если ты не против. В корзине еда и вино. Давай уедем из Лондона на весь день?

— Да! Мне нужно заехать в Скотленд-Ярд, но ненадолго. Что ты скажешь, дорогая, если мы отправимся в Воксхолл-Гарденз?

— Прекрасно! — Флора просияла. — Хотя сезон уже кончился, и в Воксхолл-Гарденз никто уже не ходит, кроме черни. Но там до сих пор устраивают фейерверки и летают на воздушных шарах.

— Не говори так!

Флора пришла в смятение.

— Как... как не говорить?

— «Чернь». Пора бы уже понять, что... — Чевиот с трудом сдержался.

— Джек! Я тебя обидела?

— Нет, нет! Ты никогда меня не обижала, прости за срыв. Кажется, в северо-восточном углу сада есть греческая беседка?

— Да, есть! — Флора заговорила громче. — Слышите, Роберт?

Карета покатила в сторону Беркли-сквер; лица им обдувал свежий ветерок. Флора вытащила руку из-под короткого коричневого мехового манти с синей и белой прошивкой и вложила ее в руку Чевиота. Поскольку ей, как и ему, больше всего хотелось поговорить о них самих, ей трудно было сдерживаться.

— В Скотленд-Ярд, говоришь? — продолжала она с наигранной веселостью. — Наверное, из-за облавы у Вулкана. Ты ведь ничего мне не рассказывал. А весь Лондон только о том и говорит, и все наперебой расхваливают тебя.

— Меня?!

— Да, и твоих полицейских тоже.

— Так-то лучше! На это я и надеялся.

— Прошу тебя, объясни! Когда полицейские устраивают облаву в игорном доме, разве не считают игроков такими же виновными, как и тех, кто содержит притон? Разве их не следует арестовывать?

— Теоретически да.

— Но говорят, что ты не взял под стражу ни одного игрока! И даже наоборот. Будто бы пожал каждому руку и поблагодарил за отвагу, а еще заверил, что их фамилии не будут упоминаться в связи с происшествием. Это правда?

Чевиот рассмеялся. Нервное напряжение, в котором он до сих пор пребывал, разрядилось раскатистым хохотом.

— Милая, как я мог арестовать тех, кто мне помогал? И потом, в ходе стычки нам пришел в голову удачный выход из положения. Жаль,

что ты не видела инспектора Сигрейва и сержанта Балмера! «Подсадные» так и валились под ударами их дубинок...

— Прошу тебя, не так подробно!

— Сигрейв или Балмер усаживали их у стены и кричали: «Вот и Джимми Вырвиглаз; разыскивается за кражу со взломом!» или «Вот Том Чума: разбой, поджог, грабеж... и так далее». Мне бы раньше догадаться: Вулкан собрал в своем притоне половину преступного мира Лондона. Когда мы погрузили их в повозки...

— Не смейся! Мне совсем не смешно!

— Нет, милая Флора, это очень смешно. Я получил возможность заверить игроков в том, что мы не искали подпольный игорный дом, а просто устроили облаву на самых известных преступников. Так оно и получилось — сейчас все камеры битком набиты. Вот почему я так опоздал.

— Да. Ты опоздал.

Карета ехала по Беркли-сквер. В скверике няни в причудливых высоких чепцах качали детские коляски под деревьями с еще зеленой листвой. Карета выехала на оживленную Пикадилли.

Задумавшаяся было Флора снова подала голос.

— Вулкан! — пробормотала она. — Вулкан и та его женщина... Джек, что с ними?...

— Это тема неприятная. Сейчас он в тюрьме.

— Тогда я больше не желаю слышать о нем ни слова. Нет, погоди, все-таки расскажи!

— Женщину мы освободили. Но Вулкан... скажем так, заснул у себя в кабинете в наручниках. К тому времени, как я отыскал ключ от ящиков бюро (видишь ли, Кейт де Бурк выбросила с балкона кольцо с ключами), Вулкан очнулся и, несмотря на «браслеты», попытался уничтожить свою конторскую книгу. Я даже не подозревал, что у него пистолет.

— Вот почему у тебя прострелен рукав! Веселость покинула Чевиота.

— Да, — кивнул он, — я и не подозревал, что у него пистолет. Когда мы гонялись друг за другом вокруг стола, он даже не попытался его вытащить. Вулкан, на свой, конечно, лад, человек честный. Но Хогбен!...

— Что такое с Хогбеном? — очень тихо спросила Флора. — Я прекрасно понимаю, что история еще не окончена. Мне станет легче, если я все узнаю.

— Выбрось проклятого Хогбена из головы. Хогбен припрятал в рукаве козырной туз — по крайней мере, он так считает. Хотелось бы мне знать, что он задумал, вот и все.

Больше Чевииот ничего не мог сказать. Карета повернула, начала подниматься вверх по Хаймаркет-стрит, потом налево, на Кокспур-стрит, и выехала на Уайтхолл.

— Можно отдать распоряжение твоему кучеру? — обратился Чевииот к Флоре. — Роберт! Будьте любезны, остановитесь у дома номер четыре по Уайтхолл-Плейс. Во двор не въезжайте, стойте у уличного фонаря.

— Слушаюсь, сэр.

Спрыгнув с подножки у краснокирпичного дома, Чевииот сказал:

— Скоро вернусь. А после, надеюсь, мы с тобой хорошо посмеемся.

Однако его не было довольно долго. Флоре, сжимавшей муфту, минуты ожидания показались часами. Шум от проезжающих карет — скрип колес, цоканье копыт — действовал на нервы несчастной, которую, несмотря на мечты о скором блаженстве, терзали дурные предчувствия.

Чевииот отсутствовал более часа. На лице его, когда он влез в карету, застыло покаянное выражение, однако губы расползались в улыбке. Он подал Роберту знак трогать.

— Боюсь, — произнес Чевииот, — тебе придется пробыть в моем обществе до самого вечера!

— Но как же иначе? — вскричала Флора. — Чего тут бояться? Или ты... шутишь?

— Нет, к сожалению. Мне не следует держать тебя при себе, и все же, возможно, так будет лучше всего. Видишь ли, я обещал к восьми вечера доставить им убийцу Маргарет Ренфру.

Карета покачнулась и покатила быстрее.

— И еще, — добавил Чевииот, — меня освободили от одной обязанности. В случае, если у Пиннера случится мятеж, я не буду командовать отделением.

— Джек, прошу тебя, — сдавленным голосом попросила Флора, — перестань говорить загадками. Какой еще мятеж?

— Есть один портной. Его фамилия, кажется, Пиннер. По-моему, вчера, — Чевиот закрыл глаза ладонью, — кто-то говорил при мне о некоем портном, который обожает произносить зажигательные политические речи. А теперь и полковник Роуэн с мистером Мейном сообщили о нем. Его лавка находится на... кажется, Парламент-стрит.

Карета быстро катила на юг. Уайтхолл, каким Чевиот его помнил по прошлой жизни, исчез бесследно. Впереди высился массивный дом-утюг, закопченный от дыма. Он делил улицу на два рукава. Чевиот решил, что правый рукав, скорее всего, Кинг-стрит, а левый, идущий вдоль берега реки, — Парламент-стрит.

И оказался прав. Роберт дернул поводья, лошади побежали налево. Здесь карет и колясок было мало. Фасады домов потемнели; они были из искрошившегося камня или кирпича. В большинстве зданий размещались лавки — свечная, зеркальная, лавка мясника. Но попадались и жилые дома, правда, без медных табличек с фамилией владельца и без дверных молотков.

— Жуткие развалины, — пробормотал Чевиот. — Ты только посмотри!

На Парламент-стрит собралась небольшая толпа; люди обступили невысокого человечка с широкой грудью и копной седых волос. Он поднялся на деревянный ящик у самой двери в лавку под вывеской: «Т.Ф. Пиннер. Закройщик и портной».

По противоположной стороне улицы расхаживал полицейский. Он наблюдал за происходящим, но не вмешивался. Оратор — из кармана его сюртука торчала бутылка виски — постепенно распался.

— Разве вы не хотите, чтобы отменили Хлебные законы? — кричал он. — С голодом не поспоришь! Даже они не справятся с голодом! Найдется ли среди вас хоть один, — портной поднял вверх сжатый кулак, — кто не голодал бы или у кого не голодали бы дети?

— Нет! — крикнул кто-то.

Толпа, впрочем немногочисленная, заворчала и задвигалась. Люди вывалились на мостовую. Роберт в ожидании помехи занес над головой хлыст.

— Проезжайте! — приказал Чевиот, вставая в полный рост. — Не трогайте никого. Вперед!

— Единственный способ добиться отмены, — продолжал оратор, — это реформа избирательной системы! Факты, истинные факты...

Они миновали толпу; голос оратора постепенно затихал вдали.

— Джек, — попыталась успокоить Чевииота Флора, которая не огорчилась, а скорее удивилась его реакции, — такое случается каждый день! При чем здесь мы?

— Да, сегодня днем или вечером ни при чем. Во всяком случае...

Он все еще стоял в шаткой карете, держась за поручень за спиной кучера. Ему было не по себе, потому что прошлое, частью которого он являлся, неожиданно зловеще и резко схватило его за горло.

Справа высились скромные старинные башни Аббатства. Слева, за Вестминстерским мостом, он увидел еще одну башню: приземистую, квадратную, рядом с группой кружевных нарядных зданий, протянувшихся к массивному каменному Вестминстер-Холлу. Через пять лет все, что находится слева, кроме самого Вестминстер-Холла, будет уничтожено пожаром и сгинет навеки. Он смотрел на старый Парламент; с вершины его квадратной башни свисал флаг, свидетельствующий о том, что сейчас проходит заседание.

А за Вестминстерским мостом и квадратной башней текла Темза, еще не окаймленная гранитными набережными. Вода была коричневой от грязи и мусора. Хорошая река, которая вскоре принесет холеру!

— Джек, — удивилась Флора, — ради бога, что ты бормочешь?

Чевииот не отдавал себе отчета в том, что заговорил вслух. Сев рядом с Флорой, он взял ее за руку.

— Прости меня. Конечно, тот пьяный портной кажется тебе глупым и нелепым? А ведь он прав. Все так и будет, как он говорит.

— Ты что, за реформу?!

— Флора, я ни на чьей стороне. Я только сожалею о несчастье, которое принес тебе и, возможно, еще принесу из-за того, что не могу ничего объяснить. А сейчас мы едем за город. Так что давай постараемся забыть обо всем остальном.

Им действительно удалось обо всем забыть. Когда они пересекли Воксхоллский мост, железный и сравнительно новый, суррейский берег реки предстал их глазам во всей своей осенней красоте. В Воксхолл-Гарденз царило затишье: пусты были аллеи, площадка для

оркестра, никого не было у двух статуй Аполлона и одной (странная компания!) — Генделя.

Однако приятнее было побыть наедине. Карета выехала на поляну, окруженную деревьями. За деревьями мелькали очертания изящной беломраморной беседки со статуей внутри. Так как построена беседка была в греческом стиле, статую, вероятнее всего, назвали Афродита.

На поляне Роберт развернул лошадей, намотал поводья на рукоятку хлыста, спрыгнул на землю и произнес небольшую речь. Насколько он понимает, заявил кучер, он не понадобится госпоже часик-другой. У входа в Воксхолл-Гарденз имеется пивная «Собака и гриф». Так не позволено ли будет ему отлучиться ненадолго?

Флора в столь же пышных выражениях даровала ему свое согласие. И Роберт не мешкая удалился.

— А сейчас, сэ, — заявила Флора, напустив на себя притворно-жеманный вид, хотя сердце ее сжимала тревога, — будьте так добры, расскажите о том, о чем вы намекали весь день. Неужели ты хочешь свести меня с ума? Я... Что случилось?

Чевиот смотрел на небо.

— Время, — проговорил он, не думая. — Должно быть, давно перевалило за полдень. Позже, чем я думал!

Проще было бы посмотреть на часы. Однако Чевиот не осмеливался.

— Время?! — возмущенно переспросила Флора. — Какое оно имеет значение?

— Да нет, нет, вовсе не то! Разве что...

— Хочешь есть или пить? — спросила Флора, высокомерно постукивая носком ботинка по корзине. — Здесь всего много, раз ты находишь мое общество таким утомительным!

— Прекрати! Не сейчас...

— Ах, понимаю! Но вчера ночью, или, скорее, сегодня утром, было так... так...

— Да, — ответил он с таким же жаром. — Все было прекрасно и замечательно. Я повторяю: прекрасно и замечательно! Вот почему я должен задать тебе вопрос: Флора, мы с тобой когда-нибудь были женаты?

— Женаты?!

— Да. Я не шучу.

— Ничего себе! Ну и вопрос! Если... если и были, — вскричала Флора, — то я, должно быть, приносила обеты у алтаря во сне! И потом, ты... ни разу не просил меня выйти за тебя!

— Ты уверена? Тебе самой никогда не казалось, что мы женаты? А вот у меня возникло такое чувство. Когда я утром крался по лестнице вниз и вышел, никого не разбудив, то подумал...

— Меня удивило, — перебила она, — как тебе удалось не разбудить меня. Я всегда просыпаюсь, когда ты уходишь. Я протянула руку, но тебя рядом не оказалось. Ужас! Мне показалось, что ты ушел навсегда...

— Флора, остановись! Не говори ничего... сейчас не надо!

Он опустил голову и увидел зеленый бювар. Но он не думал о нем. Деревья с еще не облетевшими листьями — желтыми и красными — тихо шептались на ветру вокруг греческой беседки.

— Нет, — Чевииот озадаченно покачал головой, — не может быть! Ты заключена в этом веке и всегда жила в нем. А я...

— Что?

— Слушай! Всего три ночи назад я обещал рассказать тебе все. Я должен так поступить, но ты все равно мне не поверишь. Как тогда, у леди Корк, ты отпрянешь от меня и решишь, что я сошел с ума или напился, хотя глаза у меня ясные, а язык не заплетается...

— Не поверю?

— И все же я должен сказать, — упрямо повторил он, как будто не слышал ее. — Бывают сны и предчувствия — может, они живут в душе. Я думаю, Флора, скоро нас с тобой разлучат.

— Нет!

Она бросилась в его объятия, но не как пылкая любовница. Они разговаривали шепотом, словно отчаянно и тихо ссорились.

— Но что может нас разлучить? Ты хочешь сказать... смерть?

— Нет, любовь моя. Не смерть. Но... да, нечто в таком роде.

Флора протестующе вскрикнула. Чевииот еще крепче прижал ее к груди, и между ними разыгралась одна из бесконечных, болезненных сцен, в которой каждая сторона не правильно истолковывает слова другого; ссора никак не могла прекратиться. Флора утверждала, что он, по его словам, умрет; он возражал, что ничего подобного не говорил. Ссора все длилась и длилась, а тени удлинялись, и росла тоска.

— Тогда будь добр, объясни, что ты имел в виду! — всхлипывала Флора.

— Я стараюсь. Вскоре настанет час, который окажется часом победы и ликования, но всесильное время все изменит — и все растворится. Все! Как там говорится — «бестелесный образ»? Впрочем, не важно! О, как мне будет тяжело!

— Не понимаю! Не понимаю!

— Я видел сон...

— Ах, сон! Всем известно, что сны сбываются наоборот.

— Когда-нибудь сны станут истолковывать по-иному. Нет, возможно, мне не стоило называть то, что я видел, сном. — Он перевел дух. — Отлично! Лучше тебе знать правду. Когда ты однажды сказала, что я кажусь человеком из другого мира, ты была близка к истине. Я действительно...

— Миледи! Сэр!

Ушедшие в собственный мир, они не услышали громкого покашливания, которое, видимо, продолжалось уже достаточно долго. Когда кучер Роберт решил, что вот-вот задохнется от собственной тактичности, он тихонько позвал их.

Флора и Чевиот очнулись и подняли головы. Словно пробудившись ото сна, Чевиот заморгал и оглянулся. Стемнело. Тени стали такими густыми, что он с трудом различил очертания Роберта с фонарем.

Стало сыро; поднялся туман. Греческая беседка смутно белела в отдалении.

— Простите, миледи, — произнес Роберт, — но я решил, не пора ли возвращаться. Сейчас двадцать пять минут шестого.

Рука Чевиота метнулась к жилетному карману.

— Шестого?!

— Да, сэр. И даже больше. В двадцать пять шестого я вышел из «Собаки и грифа», а оттуда еще дойти надо.

Тут они услышали цоканье копыт на дороге. Лошади мчались галопом. Они быстро приближались. Чевиот решил, что всадников должно быть трое. Раскачивающийся фонарь в руке первого всадника высветил зеленовато-желтую листву.

Значит, Хогбен все же приехал. Двое других, должно быть, лейтенант Уэнтуорт и Фредди Деббит. Но Хогбен мог послать кого-то

вместо себя...

— Роберт, — попросил Чевиот, — прошу вас, садитесь на козлы и как можно скорее везите леди Дрейтон домой.

Первый всадник выехал на поляну; другие следовали за ним. Лошади были в мыле; они бешено раздували ноздри. Когда первый всадник поднял фонарь, Чевиот замер в изумлении.

Хотя третьим всадником и вправду был лейтенант Уэнтуорт, вторым оказался сержант Балмер, а первым — инспектор Сигрейв. На его воротничке блеснул серебряный галун.

— Сэр, — прохрипел Сигрейв, опуская фонарь, — можно попросить вашего кучера гнать побыстрее?

— Что случилось? — спросил Чевиот. — И почему вы здесь? Я ожидал увидеть капитана Хогбена. У меня с ним... встреча в пять часов.

Сигрейв и Балмер переглянулись.

— Так вот оно что! — выпалил последний. — Теперь понятно, сэр. У капитана Хогбена в пять часов была назначена другая встреча. По всей вероятности, он хотел убедиться, что вы находитесь здесь и не помешаете ему. Он встретился с полковником и мистером Мейном в Скотленд-Ярде.

— С кем?!

— Сэр! Он обвиняет леди Дрейтон в убийстве мисс Ренфру, а вас — в сообщничестве. Он уже это сделал, он и мисс Луиза Тримейн. По их словам, они видели, как леди Дрейтон стреляла, как пистолет выпал из ее муфты и вы спрятали его под лампу. И они уже почти убедили в этом мистера Мейна!

Чевиот встал во весь рост. Он живо вспомнил галерею в доме леди Корк в ночь убийства. Вспомнил, как ему показалось, будто одна оранжевая с золотом створка дверей бальной залы открылась и тут же закрылась и в проеме мелькнуло что-то черное...

Его все-таки видели! И не кто-нибудь, а капитан Хьюго Хогбен.

Глава 19

Ответный удар

В четверть седьмого вечера допрос в резиденции полковника Роуэна и мистера Мейна был в самом разгаре.

— Готовы ли вы, капитан Хогбен, — спрашивал барристер, — подписать заявление в двух экземплярах, которое сейчас составляет наш клерк?

— Готов.

Будучи юристом, Ричард Мейн старался держаться предельно сухо, не выказывая ни радости, ни неудовольствия, однако в голосе его слышались мурлыкающие нотки. Он сидел за поцарапанным столом; свет лампы под красным стеклянным колпаком падал на стены, увешанные оружием. Полковник Роуэн стоял у стола, поигрывая желваками.

— Осторожнее, капитан! — сухо предупредил он. — Мы с мистером Мейном должностные лица, и ваши показания даются под присягой.

Хогбен, стоявший у стола, беззаботно скрестив руки на груди, окинул полковника надменным взглядом. Очевидно, он придерживался невысокого мнения о полковнике, командовавшем 52-м пехотным полком. Его чувства явственно отражались у него на лице.

— Что толку в пустой болтовне? — заявил Хогбен, тараща маленькие глазки. — Раз я так сказал, значит, так и есть.

— А вы, мисс Тримейн? — вежливо осведомился полковник Роуэн. — Готовы ли вы также подписать заявление?

Луиза Тримейн, сидевшая на стуле несколько поодаль, у окна, находилась на грани истерики. В конце концов, она была еще очень молода. Прижав муфту из чернобурой лисы к шубке из того же меха, она обернула к полковнику бледное лицо, на котором ее светло-карие глаза казались огромными.

В сером шелковом тюрбане Луиза выглядела совсем девочкой. И все же упрямство и настойчивость, унаследованные от человека, которого она называла милым, добрым и славным папочкой, помешали ей дать волю чувствам.

— Торжественно заявляю, как заявляла прежде, — подтвердила она четко, не глотая слов, — что я не видела, как леди Дрейтон... Я не видела, как она стреляла!

Последняя фраза привела ее в ужас; видимо, она не ожидала от себя, что произнесет такие страшные слова.

— Нет, нет! — тут же поправилась она. — Я верю Хьюго. А остальное я видела собственными глазами, что и подтверждаю. Правда, я пыталась обо всем рассказать вчера мистеру Чевиоту. Но я не видела, как леди Дрейтон кого-то убила.

— Осторожнее, дорогая! — Хогбен сделал предупреждающий жест и грозно нахмурился. — Мне вы говорили...

— Ничего я не говорила!

— Капитан! — отрывисто, приказным тоном бросил полковник Роуэн. Хогбен инстинктивно выпрямился, но тут же насмешливо скривился. — Помните, — продолжал полковник, — мы не потерпим, чтобы вы запугивали эту молодую леди!

Мистер Мейн, расположившийся в кресле, протестующе поднял руку.

— Полно, полно, мой милый Роуэн, — пробормотал он. — Ни о каком запугивании и речи не было. Мы обо всем договорились. Боюсь, теперь мы обладаем неопровержимыми данными против... Вы и теперь придерживаетесь столь же высокого мнения о своем мистере Чевиоте?

— Мы еще не выслушали его самого.

— Верно. Верно. Но он лгал нам, мой милый Роуэн! Хоть тут-то вы не сомневаетесь? Неужели вы думаете, что капитан Хогбен и мисс Тримейн все выдумали, особенно если учесть, что их слова лишь подтверждают мои подозрения?

Полковник Роуэн промолчал, и Мейн продолжил:

— Он ни словом не заикнулся о том пистолете... или о пистолете вообще! Он лгал нам, то есть совершил самый страшный проступок для полицейского. Будучи адвокатом, я...

— Для адвоката вы слишком пристрастны!

— Извините, Роуэн. Это вы слишком пристрастны. Мистер Чевиот нравится вам, потому что вы с ним одного поля ягоды. Он хорошо воспитан. Он спокоен. Он почтителен — с вами. Он никогда не

бьет первым, однако, если его задеть, он наносит ответный удар быстро и сильно.

— Вот еще один английский принцип, — вежливо возразил полковник Роуэн, — который я рекомендую вашему вниманию.

— Но, — продолжал мистер Мейн, стукнув по столу, — его нравственные принципы находятся на недопустимо низком уровне. Либо он защищал свою любовницу, леди Дрейтон, которая, как всем известно, ненавидела мисс Ренфру, либо, запутавшись в отношениях с мисс Ренфру и желая избавиться от нее, сам и замыслил преступление. — Мистер Мейн развел руки в стороны. — Я говорю не голословно, Роуэн. Когда мы получим чистовые экземпляры заявления... — Услышав, как перо царапает по бумаге, мистер Мейн нахмурился и повернулся кругом. — Хенли, разве вы еще не закончили переписывать начисто?

Над конторкой старшего клерка в углу горела зеленая лампа. Мистер Хенли отложил перо.

— При всем моем уважении, сэр, — заговорил Хенли грубым, хриплым голосом, — писать нелегко, коли рука дрожит. И снова — при всем моем уважении к капитану и леди — это не может быть правдой.

— Хенли!

— Мистер Мейн, — возразил старший клерк, — я там был! Алан Хенли умел, когда хотел, быть незаметным. Однако его сильный, решительный характер все равно брал свое. Из-за лампы показалось его широкое лицо с густыми рыжеватыми бакенбардами; карие глаза сверкали.

— Раз я там был, а я ведь там был... — В его кулаке перо показалось очень маленьким. — Я должен был видеть все, о чем они говорят. Если пистолет выпал из муфты леди, а суперинтендент Чевииот спрятал его под лампу, как я мог ничего не заметить?

— Мог. — Хогбен, потерявший было дар речи, разгорячился. — И я скажу тебе почему, канцелярская крыса! Ты находился к ним спиной. Ты переворачивал убитую на спину, лицом вверх. Разве не так, мальй? Да или нет?

— Да или нет, Хенли? — спокойно повторил мистер Мейн. На лбу мистера Хенли заблестели капельки пота.

— Возможно, — признал он, — чего-то я и не заметил. — Он кивнул в сторону едва не лишившейся чувств Луизы Тримейн. — Но ведь молодая леди говорит, что леди Дрейтон не стреляла из муфты! Да я ведь за ней наблюдал! И в муфте не было дыры от пули. Значит, она не могла стрелять.

— А что, если, — тихо спросил мистер Мейн, — она быстро отвернула край муфты, вот так... — он показал, — и выстрелила, чтобы на муфте не осталось следов пороха?

— Я...

— Вы могли бы присягнуть, Хенли, что такое невозможно?

Хенли начал медленно подниматься, опираясь на свою толстую палку из черного дерева. Но споткнулся и чуть не упал. Глаза его забегали, а потом устались в пол.

— Ну... — нерешительно начал он.

— Значит, не могли бы? — не отставал адвокат.

— Нет, сэр, не присягнул бы, потому что...

— Значит, ваши показания не имеют ценности. Вам предстоит написать всего полдюжины строчек. Садитесь, мой добрый Хенли, и заканчивайте скорее.

Легкая улыбка, исполненная невыразимого превосходства, искривила губы Хогбена, когда старший клерк неуклюже опустился на стул. Но тут полковник Роуэн вдруг поднял руку.

— Тише! — приказал он.

Несколько минут никто не произносил ни слова. Воцарилась абсолютная тишина, если не считать пера мистера Хенли, которое настойчиво царапало по бумаге. Луиза Тримейн закрыла лицо руками. Полковник Роуэн прислушался, пытаясь уловить далекий слабый шум. Затем он взял со стола колокольчик, издававший резкий металлический звук, и позвонил.

Дверь в коридор немедленно открылась, и на пороге показался сержант с бляхой номер 9 на воротничке.

— Сержант! — обратился к вошедшему полковник Роуэн. — Каковы последние известия от... относительно беспорядков на Парламент-стрит?

— Сэр! — отсалютовал сержант. — Пока мятежа нет, сэр. Но толпа все прибывает. И дело тут...

— В чем? Продолжайте!

— Сэр, дело не только в том малом, портном Пиннере. У них там еще с полдюжины говорунов. Как только наши убеждают одного заткнуться, тут же выскакивает другой, а народ освещает их факелами.

— Кто там присутствует, сержант?

— Инспектор Блейн, сэр. И сержант Кроссли тоже, и его констебли — с десятого по девятнадцатый номер. Сэр, из палаты общин жалуются.

Тут вмешался мистер Мейн:

— Говорю вам, Роуэн, мы не можем послать туда больше людей!

— Из нашего отделения возможно, — холодно улыбнулся полковник Роуэн. — Но с вашего позволения, Мейн, в отделениях "В" и "Г" имеется еще восемнадцать человек. Сержант! Они могут присоединиться к остальным. Никакого насилия, пока оно не станет неизбежным.

— Есть, сэр!

— Сержант! — снова вступил в разговор мистер Мейн. — Когда выполните приказ, будьте любезны, выйдите на улицу и приведите двух свидетелей. Они должны будут подтвердить показания, данные под присягой. Сойдут любые прохожие.

— Слушаюсь, сэр.

Из коридора донеслись топот и голоса. Очевидно, полиция в эту ночь развила бурную деятельность. Не прошло и минуты, как из-за плотно задернутых штор послышался цокот копыт и скрип колес. Во двор заехала карета и остановилась у дома.

Вскоре сержант номер 9 доставил двоих свидетелей. Одним оказался потрепанный субъект в мятой белой шляпе, другим — сморщенный пожилой джентльмен, который направлялся в клуб «Атенеум». Вид у обоих был совсем не радостный.

— Джентльмены, джентльмены, — поспешил успокоить их мистер Мейн, — не волнуйтесь. Я задержу вас всего на минуту... Вы дописали, Хенли? Хорошо. Очень прошу вас, уважаемые господа, удостоверить подлинность данного документа — расписаться на обоих экземплярах. Капитан Хогбен?

Хогбен нацарапал подпись с размашистой завитушкой. Следом за ним расписались и остальные. Копии запечатали и удостоверили, и свидетелей из полицейского управления выпроводили столь же бесцеремонно, как и доставили туда. Ричард Мейн срыл.

— Едва ли это важно, — продолжал он, — но могу ли я, мисс Тримейн, попросить вас дать капитану Хогбену вашу муфту?

— Мою муфту? — удивилась Луиза.

— Да, прошу вас. Пусть он покажет нам, как леди Дрейтон держала муфту — как отвернула край, чтобы выстрелить.

— Да! — послышался вдруг новый голос. — Ради всего святого, пусть покажет!

Голос был негромким, даже наоборот, почти тихим, даже слишком тихим и даже каким-то сдавленным.

На пороге стоял суперинтендент Джон Чевиот.

Лицо его было бледно, зубы стиснуты; он разжимал их, только когда говорил. Под плащом он был одет в черное, как и Хогбен, за исключением испачканной белой сорочки и золотой цепочки для часов с печатками. В руке он держал зеленый бювар.

Его тихий, почти дружелюбный голос прозвучал так зловеще, что у всех присутствующих по телу пробежал холодок. Луиза Тримейн даже вскрикнула.

За спиной Чевиота стояла Флора Дрейтон, а за ней — сержант Балмер. Чевиот с поклоном пропустил Флору вперед и поставил для нее стул недалеко от Луизы. Слегка кивнув всем присутствующим, Флора села. Она была еще бледнее, чем Чевиот, однако держалась спокойно, высоко подняв голову.

Чевиот подал какой-то загадочный знак сержанту Балмеру, который, кивнув, закрыл дверь. Затем тихо пересек комнату и подошел к столу, за которым сидел мистер Мейн. Среди груды бумаг там до сих пор лежал, словно злая усмешка, пистолет полковника Роуэна с серебряной рукояткой.

С гримасой отвращения, не говоря ни слова, Чевиот переложил пистолет на конторку старшего клерка, а на место пистолета поставил зеленый бювар.

Тишину нарушил, наконец, Ричард Мейн.

— Вы пришли довольно поздно, мистер Чевиот, — заявил он.

— Да, сэр. Совершенно верно. Но одному субъекту очень хотелось, чтобы я вовсе не приходил!

Он повернулся и посмотрел на Хогбена. Хогбен рассмеялся ему в лицо. Такое наглое поведение дисгармонировало со спокойной выдержкой двух комиссаров полиции.

— Позвольте заметить, мистер Чевиот, — напомнил Мейн, — что довольно смело с вашей стороны было обещать доставить нам убийцу мисс Ренфру к восьми вечера.

— Я так не думаю, сэр. — Чевиот снял плащ, шляпу и аккуратно положил их на стул. Затем вернулся к столу. — И потом, сейчас только без четверти семь.

— Мистер Чевиот! — не выдержал полковник Роуэн; в голосе его послышались едва ли не умоляющие нотки. — Капитан Хогбен сделал заявление под присягой, подписанное и засвидетельствованное...

— Мне известно об этом, сэр. Разрешите взглянуть?

Мистер Хенли передал ему копию.

В камине рядом с большим, изъеденным молью чучелом медведя горел нежаркий огонь. Никто не произнес ни слова, пока Чевиот медленно читал заявление. Флора Дрейтон, по-прежнему с высоко поднятой головой, переводила взгляд с полковника Роуэна на мистера Мейна и капитана Хогбена; на Луизу она не смотрела.

— Понятно, — произнес Чевиот все тем же холодным, спокойным тоном. Затем положил документ на стол. — Капитан Хогбен, конечно, готов ответить на вопросы, связанные с его показаниями? — Он посмотрел на Хогбена в упор.

Хогбен, скрестив руки на груди, смерил его взглядом, в котором читалось изумление.

— Вопросы, малый? Да еще от тебя? Черт меня побери, не дождешься!

— Боюсь, ничего не выйдет, — негромко поддержал его полковник Роуэн.

Однако мистер Мейн, несмотря на свое предубеждение, проявил решительность.

— Конечно выйдет! — вскричал он, легонько ударяя по столу костяшками пальцев. — Вы обвинили леди Дрейтон и мистера Чевиота в сговоре с целью совершения убийства. Пока не последовали дальнейшие распоряжения, мистер Чевиот все еще суперинтендент данного отделения. В случае вашего отказа отвечать на вопросы мы усомнимся в истинности ваших показаний!

— Этому малому? — фыркнул Хогбен, но сдержался. — Спрашивайте!

Чевиот взял в руки его заявление.

— Вы утверждаете, что видели, как леди Дрейтон стреляла?

— Да! Докажи, что это не так!

— Далее, вы утверждаете, что орудием послужил маленький пистолет с ромбовидной пластинкой на рукоятке с некими инициалами? Вы утверждаете, что видели, как он выпал из муфты леди Дрейтон, а я его подобрал?

— Да!

Чевиот расстегнул замок бювара, вытащил пистолет, принадлежавший покойному мужу Флоры, и передал его Хогбену.

— Это тот самый пистолет, который вы видели?

Хогбен прищурился, опасаясь ловушки.

— Не медлите, — все тем же ровным голосом потребовал Чевиот. — Я признаю, что данный пистолет выпал из муфты леди Дрейтон. Вы узнаете его?

— Да! — торжественно заявил Хогбен, возвращая пистолет.

— Чувствовали ли вы запах пороха? Во время выстрела или потом пахло ли порохом?

— Нет! — выпалил Хогбен. — Странно... Я... — Он замолчал и плотно закрыл рот.

— Вы слышали выстрел?

— Я...

— Поскольку вы отказываетесь отвечать, мы спросим других свидетелей. Мисс Тримейн, вы слышали выстрел?

— Нет! — встrepенулась Луиза. — Правда, в то время играл оркестр...

— Мистер Хенли! Вы слышали выстрел?

— Н-нет, сэр. Как я и сказал. Но ведь молодая леди говорит вам...

Чевиот повернулся к комиссарам полиции и положил маленький пистолет на стол.

— Заметьте это, господа. Не было слышно выстрела, и, что еще важнее, не было запаха пороха. По глупости своей я в то время не придал значения последнему обстоятельству.

Стул мистера Мейна угрожающе закрипел.

— Мистер Чевиот! — Мейн поднял руку. — Так, значит, вы признаете, что леди Дрейтон убила жертву из данного пистолета?

— Нет, сэр.

— Но вы подтверждаете, что пистолет находился в муфте леди Дрейтон? Что он упал на пол? Что вы спрятали его под полное основание лампы?

— Да, сэр.

— Значит, вы лгали? Вы скрыли улику?

— Да, сэр.

— Ах! В таком случае, — медовым голосом продолжал мистер Мейн, — позвольте осведомиться о причинах вашего поступка.

— Это лишь повело бы вас по неверному пути, как ведет сейчас. — Чевииот перешел почти на шепот, отчего показалось, что он пригвоздил всех к месту. — Потому что данный пистолет не имеет никакого отношения к убийству Маргарет Ренфру. Позвольте мне доказать мои слова.

Не меняя выражения лица, он подошел к закрытой двери, коротко постучал и вернулся.

Открыв дверь, сержант Балмер пропустил в комнату низенького энергичного человечка с косматыми черными бакенбардами, в пестром жилете. Полуопущенные веки придавали ему вид человека бывалого, много повидавшего на своем веку, однако поджатые губы говорили о том, что он никогда, ни по одному делу не трепал понапрасну языком.

— Мистер Хенли, узнаете вы этого человека? — спросил Чевииот.

— Конечно, сэр! — живо откликнулся старший клерк. — Это хирург, которого я доставил три ночи назад, когда вы пожелали, чтобы из тела покойницы извлекли пулю. Это мистер Даниэль Сларк.

Мистер Сларк с серьезным видом снял шляпу и подошел к столу.

— Рад видеть вас, господа, — сказал он комиссарам. Однако голос у него был совсем нерадостным; вид же был настороженный и раздраженный. — Позвольте сообщить, что суперинтендент Чевииот вытащил меня из дому в самое неудобное время. Я... — Однако, повинуясь жесту Чевииота, он замолчал.

— Мистер Сларк, три ночи назад, двадцать девятого октября, приходили ли вы в дом номер шесть по Берлингтон-стрит и извлекали ли в моем присутствии пулю из тела мисс Маргарет Ренфру?

— Я извлекал пулю из тела женщины. Да.

— Послужила ли пуля причиной смерти?

— Да. Как показало вскрытие...

— Спасибо. Могли бы вы опознать пулю?

— Если бы я ее увидел, да. — Мистер Сларк пригладил кустистые бакенбарды и на мгновение закрыл глаза.

Чевиот снова открыл зеленый бювар. Из бумажного свертка, подписанного чернилами, он вытащил круглый и гладкий свинцовый шарик и передал его врачу. Шарик тускло сверкнул в свете красной лампы.

— Это та самая пуля?

Пауза. Затем мистер Сларк кивнул и вернул пулю Чевиоту.

— Та самая, сэр, — заявил он, приглаживая бакенбарды.

— Вы уверены?

— Уверен ли, сэр? Пуля не задела кость, она не сплющена, как вы можете заметить. На ней имеется царапина, похожая на вопросительный знак. Царапина оставлена моим зондом. Я еще тогда ее заметил. А вот более отчетливый след от моих щипцов. Хотите, чтобы я подтвердил мои слова под присягой? Я осторожен, сэр, иначе мне нельзя. И все же я готов присягнуть: да, это та самая пуля.

— Мистер Мейн! — позвал Чевиот.

Он положил на стол пулю и пистолет с золотой пластинкой и подтолкнул их в сторону адвоката.

— В силу вашей профессии вам нет нужды разбираться в пистолетах, мистер Мейн, — продолжал он. — Вам даже не было нужды прикасаться к оружию. Но возьмите пистолет и пулю, сэр. Спасибо! А теперь попробуйте всунуть пулю в дуло, как пробовал я сам три ночи назад.

Мейн недоверчиво взглянул на Чевиота, однако взял и пистолет, и пулю. Прошло некоторое время, и адвокат откашлялся.

— Она... не подходит! — воскликнул он дрожащим голосом. — Хотя пулька и мала, она все же велика для ствола пистолета.

— Следовательно, — заявил Чевиот, — невозможно, чтобы данную пулю выпустили из пистолета леди Дрейтон?

— Да. Согласен.

Тут Чевиот впервые повысил голос.

— И следовательно, — он указал на Хогбена, — тот человек дал ложные показания под присягой?

Возможно, дело было лишь во всеобщем напряжении, которое словно барабанным боем отдавало в ушах, однако некоторым

показалось, что вдали раздался какой-то рев. Обе женщины вскочили с мест.

Хогбен, опустив руки, быстро посмотрел в сторону открытой двери. На пороге стоял сержант Балмер, плотно сжав губы.

— Минуточку! — вмешался полковник Роуэн.

Когда Чевиот начал говорить, полковник принялся слушать его с выражением удовлетворения на худом красивом лице. Однако сейчас он хмурился и кусал губы.

— Я совершенно согласен, — начал он, когда все стихло, — что данная пуля не могла быть выпущена из этого оружия. Но... позвольте взглянуть на пулю, Мейн!

Адвокат передал ему пулю.

— Мистер Чевиот, — сказал он, — вы производите впечатление человека разумного. Что же касается меня, то я... кажется, снова поторопился. Однако, сэр! Произошедшее никоим образом не умаляет вашей вины в сокрытии улики и...

Его снова перебил полковник Роуэн.

— По моему мнению, — провозгласил он, — дело тут не только в пуле, выпущенной из пистолета леди Дрейтон. Данной пулей вообще не стреляли!

— Нет, стреляли, — возразил Чевиот. Полковник Роуэн подобрался.

— Как мне кажется, — заметил он со свойственной ему учтивостью, — у меня все же больше опыта в обращении с огнестрельным оружием, чем даже у вас, мистер Чевиот. Данная пуля, — он поднял ее повыше, — гладкая, и на ней нет следов пороха.

— Вот именно, сэр. Такой я и нашел ее три ночи назад.

— Но любая пуля, выпущенная из любого оружия, — продолжил полковник Роуэн, — обгорает дочерна. Крупинки пороха впечатываются в свинец к тому моменту, как пуля вылетает из ствола!

— И снова признаю вашу правоту, сэр, — звонко объявил Чевиот. Он опять полез в свой бювар и вытащил оттуда крошечную обгорелую пульку. — Вот, например, пуля, которой я выстрелил из данного пистолета в тире Джо Мантона сегодня утром.

— Тогда позвольте узнать... какого черта?...

Чевиот снова сунул сплюснутый кусочек металла в бювар.

— Однако так бывает не со всяким оружием, полковник Роуэн, — пояснил он.

— Вы издеваетесь надо мной, мистер Чевиот?

— Нет, сэр. Я ни за что не позволил бы себе издеваться над человеком, ставшим моим другом. Подумайте, полковник Роуэн! Ни шума! Ни запаха пороха! Наконец, ни пули, обгоревшей от пороха! Так из какого же оружия застрелили мисс Ренфру?

Полковник Роуэн недоумевал. И вдруг его озарило. Его бледно-голубые глаза зажглись...

— Вы догадались! — подтвердил Чевиот. — Признаюсь, я сам был слеп и глуп до вчерашней ночи, до того, как увидел механизм под рулеткой в игорном доме Вулкана.

— Вулкана? — ошеломленно переспросил мистер Мейн.

— Да, сэр. Когда колесо развалилось, я понял, на что еще годится тугая пружина, выталкиваемая мощной струей сжатого воздуха.

— Тугая пружина? Сжатый воздух?!

Чевиот вытащил из бювара книгу в кожаном переплете и стал листать страницы.

— Позвольте зачитать два очень коротких отрывка из тома, озаглавленного «Роковые последствия азартных игр...» и так далее, изданного фирмой Томаса Келли в 1824 году. Речь в книге идет о преступлении Джона Тартелла, убившего шулера по имени Вильям Вир, — он в буквальном смысле слова вышиб из него мозги стволом пистолета. Однако данная часть, а также главы, повествующие о способах жульничества в карточной игре, нас не интересуют.

Далее, в приложении, приводятся показания мошенника по фамилии Проберт. Истинные или ложные, но слова Проберта все разъясняют. Тартелл, утверждает Проберт, также пытался убить человека по фамилии Вуд. Запомните: Вуд!

— Но я все же хотел бы знать... — начал было мистер Мейн. Чевиот нашел нужное место в книге и отмахнулся.

— «Проберту, — зачитал он вслух, — нужно было рано вернуться домой и напоить домохозяйку и ее дочь на первом этаже после того, как Вуд лег спать; и когда тот заснет, Джон Тартелл, закутанный в морской плащ, должен был проникнуть в дом, отперев парадную дверь ключом Проберта, подняться в спальню Вуда и убить его выстрелом в сердце из духового ружья...».

Тишина в комнате, несмотря на отдаленный гул, сгустилась до предела.

— Духовое ружье! — пробормотал полковник Роуэн и щелкнул пальцами.

— Погодите! — попросил Чевииот и продолжил читать: — «... Затем он намерен был вложить в правую руку Вуда маленький разряженный пистолет, дабы создать видимость того, что Вуд застрелился сам».

Чевииот опустил книгу.

— Как видите, — заявил он, — преступление или преступное намерение повторяется. Впоследствии Тартелл мог обеспечить себе алиби.

Тут Чевииот щелкнул пальцами сержанту Балмеру, стоявшему на пороге.

— Как же именно выглядит в данном столетии духовое ружье? Ответ мы находим на странице 485. Позвольте мне снова зачитать отрывок. — Снова зашуршали перелистываемые страницы. — Вот оно! «Духовое ружье напоминало узловатую трость...»

— Что?!

— «Узловатую трость, — неумолимо повторил Чевииот, — и содержало не менее шестнадцати зарядов. Производят выстрел, нажимая пальцем на один из узлов, причем раздается лишь тихое жужжание, едва слышное даже человеку, который случайно окажется рядом».

Чевииот закрыл книгу и уронил ее на стол.

— Сержант Балмер! — вскричал он. — Покажите, что вы нашли там, где ему и следовало быть.

Балмер пошарил рукой за дверью, затем внес в комнату предмет, невольно приковавший к себе все взгляды. Мистер Мейн — тот даже вскочил со стула.

Чевииот показал на предмет рукой.

— Мы искали объяснения преступления, которое на первый взгляд невозможно было совершить. Однако невозможных преступлений не бывает. Убийца совершил преступление у всех на виду. Я собственными глазами видел, как он поднял оружие убийства, однако решил, что он просто собирается на что-то показать. Если

согласиться с тем, что я невиновен, то он был единственным человеком, стоявшим на одной линии с жертвой.

Набрав в легкие побольше воздуха, Чевиот в упор посмотрел на обоих комиссаров полиции:

— Господа, убийца — ваш старший клерк, мистер Алан Хенли!

Глава 20

Конец смертельной неизвестности

Флоре Дрейтон, вскочившей со своего места, показалось, будто изумленные лица перед нею расплываются в красном и зеленом тумане.

Лица Чевиота она не видела — и радовалась тому, что не может его видеть.

Однако она ясно видела лицо Алана Хенли. Старший клерк разинул рот, вытаращил глаза; лицо его побелело от ужаса. Он всем весом облокотился на тонкую палку черного дерева и все равно чуть не упал лицом на конторку.

Снова загремел голос Чевиота:

— Я продолжаю приводить доказательства! Когда я впервые увидел мистера Хенли в этой самой комнате три дня назад, я решил (тогда еще ничего не подозревая), что он дамский угодник, неутомимый кутила, любитель вкусно поесть и выпить. Несмотря на незнатное происхождение, он значительно преуспел и намерен был взлететь еще выше... Тогда он, как и сейчас, хромал и опирался на ту же самую тонкую трость. Другую трость, которая является одновременно и духовым ружьем, — она находится сейчас у сержанта Балмера — он не смел приносить сюда, на работу. Полковник Роуэн, опытный военный, а также спортсмен, сразу понял бы, что представляет собой на самом деле толстая узловатая палка.

Три дня назад, когда меня обязали поехать к леди Корк по делу, которое на первый взгляд показалось кражей птичьего корма, ему было приказано сопровождать меня в качестве стенографиста. Если бы он и не получил приказа, то все равно под каким-нибудь благовидным предлогом поехал бы туда. Но то, что случилось, и то, что может удостоверить сама леди Дрейтон... — Чевиот повернулся к Флоре.

Она не могла выносить его взгляда. Он казался холодным, нечеловеческим; широко распахнутые светло-серые глаза были суровыми и жесткими. Флоре, привыкшей к покою и уединенности, показалось, будто кто-то стиснул ее сердце железными пальцами; она не смела поднять глаза.

— Когда мы с леди Дрейтон выходили отсюда, — продолжал тем временем Чевиот, — мистер Хенли уже сидел на коне. Понимаете, ему нужно было намного опередить нас. Но вначале он подъехал к нашей карете и специально продемонстрировал мне толстую узловатую трость-палку, которой заменил обычную свою трость черного дерева... Пойми я, что в руках у него на самом деле духовое ружье, его план расстроился бы в самом начале. Но я, разумеется, ничего не понял. На трость был навинчен металлический набалдашник, который сейчас находится в руках сержанта Балмера. Однако я ничего не понял даже тогда, когда преступник отважно и цинично предложил мне осмотреть его трость сразу после убийства.

Но вернемся чуть назад. Итак, подъехав к карете леди Дрейтон, он недвусмысленно предупредил меня. Тогда еще я отметил, что ему как-то не по себе; на лбу у него выступила испарина (почему?), когда полковник Роуэн говорил, что на одежде человека, который стреляет с близкого расстояния, обязательно останутся следы пороха.

Сидя верхом, мистер Хенли сказал мне: «Будьте очень осторожны, когда беседуете с леди Корк. А также с мисс Маргарет Ренфру, то есть если вам придется с ней беседовать».

Вот когда было впервые упомянуто имя мисс Ренфру. Зачем? И откуда мистеру Хенли было известно о домочадцах леди Корк? Когда он был там, я заметил, что к нему относились пренебрежительно, почти как к лакею. На него едва обращали внимание. Леди Корк его не знала. Сама мисс Ренфру, казалось, не знала его. Но важно вот что. Когда мы с Флорой вошли в дом к леди Корк, навстречу нам по лестнице спустилась мисс Ренфру. Она пребывала в странном настроении, трудно было понять. Однако все сходится на том, что она держалась вызывающе — и в то же время явно чего-то стыдилась... Так вот, там же, на лестнице, она произнесла странные слова, причем произнесла их с жаром. Она сказала их после того, как мимо нее наверх проследовала группа молодых людей.

«Молокососы! — сказала она. — Какие скучные! Нет, мне подавайте человека постарше и поопытнее».

Она тогда смотрела не на меня. Нет! Ее глаза, в которых я подметил странное, загадочное выражение, устремились куда-то поверх моего плеча. Хотя вас моя просьба, безусловно, огорчит, леди

Дрейтон, тем не менее я вынужден просить вас говорить. Кто стоял сразу за мной на лестнице и следом за нами поднялся наверх?

Флора, у которой от ужаса пересохло в горле, не смогла вымолвить ни слова. Она тоже вспоминала сцену на лестнице.

— Там... там стоял мистер Хенли, — с трудом проговорила она. — Но я совсем про него позабыла.

Чевиот развернулся на каблуках.

— Мы все позабыли о нем, — сказал он. — Но взгляните на него, взгляните как следует! Он человек привлекательный, чего никто не сможет отрицать. В нем много мужского обаяния. Он возвысился из... из низов, как вы сказали бы, и стал старшим клерком в комиссариате полиции.

Когда и где он познакомился с Маргарет Ренфру? Не знаю и не смогу сказать. Однако примечательно, что одинокая и красивая женщина, презревшая любовь, презревшая страстность, свойственную ее пылкой натуре, и подчас демонстрировавшая подобие отвращения, которое никто не мог объяснить, — так вот, примечательно, что она пала жертвой пожилого человека, который отлично освоил искусство лести!

И даже более того! Разве вас удивляет то, что и у него голова пошла кругом?

Он поднялся из низов, надеялся взлететь еще выше. Околдованная им женщина крада для него деньги — по крайней мере, некоторое время. Она украла драгоценности леди Корк. Но зачем? Для того, чтобы он мог набить себе карманы и играть в заведении Вулкана, и для того, чтобы стать «настоящим джентльменом» в собственных глазах, каким он хотел быть.

Тем не менее одного он не учел. Хенли не учел того, что в глубине души мисс Ренфру такая же снобка, как и все ее окружающие. Оскорбите снобизм — и вам конец. Вспомните ее, ведь вы все ее знали! Страсть, бальзам комплиментов и лести еще могли на некоторое время вскружить ей голову. Но потом... Потом ей неизбежно стало стыдно, что она грабила леди Корк. И не только... Больше всего ее ужасало то, что она выбрала себе в любовники человека, которого никогда не сможет открыто предъявить всему свету. В ее глазах он был грубым и неотесанным, говорил как человек из простонародья, а манеры его были и вовсе неуклюжими. Короче говоря, для нее он был

человеком низкого происхождения. Вот почему ей было стыдно! Вот почему она готова была выдать его, что он отлично видел и понимал. И чтобы сохранить свое благополучие, Хенли убил ее из духового ружья, не дожидаясь, пока она заговорит!

Чевиот замолчал.

Мистер Алан Хенли за конторкой под зеленой лампой издал сдавленный крик. До этого момента он не произнес ни слова. Он дернул правой рукой, сжимавшей набалдашник трости, и документы разлетелись веером.

— Стойте! — потребовал мистер Мейн. Как будто очнувшись после сеанса гипноза, барристер потер лоб и надул щеки. — Вы говорите убедительно, мистер Чевиот, но этот человек, — кивком он указал на Хенли, — верой и правдой служил нам, в соответствии со своими способностями...

— Согласен! — подтвердил полковник Роуэн.

— И улики против него должны быть очевидными. — Мистер Мейн стукнул кулаком по столу. — Разумеется, духовое ружье — важная улика, которую можно предъявить в суде. При том условии, что необгоревшая пуля действительно выпущена из него...

Мистер Даниэль Сларк, который постукивал краем шляпы по подбородку, опустил взгляд к полу.

— Сэр, — обратился он к мистеру Мейну, — я мог бы сказать вам, что данную пулю выпустили из духового ружья. Будучи хирургом, сэр, я немного разбираюсь в пулях.

— Но вы ведь не сказали этого мистеру Чевиоту?

— Я, сэр, человек осторожный. Меня не спрашивали.

— Отлично! — Мистер Мейн посмотрел на Чевиота в упор. — Однако мало толку говорить в суде: «То-то и то-то видела эта женщина. Тот мужчина говорил так-то». Есть ли у вас доказательства того, что мисс Ренфру крада драгоценности леди Корк, и того, что Хенли присваивал их?

— Да! — ответил Чевиот, снова открывая зеленый бювар. — Здесь, — продолжал он, — письмо, написанное леди Корк и доставленное мне лично в «Олбани» сегодня утром. В нем содержится суть разговора, который я имел с ней вчера ночью. Леди Корк видела, как мисс Ренфру украла кольцо с бриллиантом, которое фигурирует в списке пропавших украшений. Леди Корк знала, что мисс Ренфру

готовится сознаться ей во всем, и, как видно из письма, она готова подтвердить свои слова под присягой.

Он снова полез в бювар и достал оттуда носовой платок, связанный узлом, в котором лежали драгоценности. Развязав платок, Чевиот высыпал их на стол и подвинул к мистеру Мейну. Следом Чевиот вытащил две конторские книги.

— Вот сами драгоценности, — заявил он. — Любой из моих подчиненных подтвердит, что я нашел их в игорном доме Вулкана. Леди Корк их опознала. А теперь взгляните на данные записи! — Он зашуршал страницами. — Посмотрите, чья фамилия фигурирует напротив этих описаний. Все пять украденных драгоценностей! И в каждом случае имя заложившего их человека — мистер Алан Хенли!

— Кажется... — начал было Ричард Мейн.

— Все ясно, — закончил за него полковник Роуэн и облегченно выдохнул.

— И вы, мистер Чевиот, догадывались обо всем с самого начала? — спросил мистер Мейн, со вздохом закатывая глаза.

— Нет, сэръ. Именно об этом я и пытаюсь вам сказать! У меня раскрылись глаза лишь вчера днем после одной фразы, оброненной мисс Луизой Тримейн.

— Какой именно? — изумилась Луиза.

Она подалась вперед, ее глаза казались огромными, губы дрожали.

Флора, не глядя, бросила муфту на сиденье стула. В этот миг она так ненавидела Луизу, что, казалось, готова ее убить.

— Вы высказали предположение, — продолжал Чевиот с язвительной улыбкой, — будто любовником мисс Ренфру мог оказаться я!

— Но на самом деле я никогда не думала, что...

— Неужели, мисс Тримейн? — ласково переспросил он. — Как бы там ни было, я все отрицал. Я сказал что-то вроде: «Послушайте! Да я впервые услышал имя этой женщины...» — и вдруг замолчал. Я вспомнил, когда я впервые услышал ее имя и кто произнес его: мистер Хенли. События прошлого начали приобретать истинные формы и вырисовываться яснее. В то же время я смотрел вниз, на стол, на котором лежал пистолет полковника Роуэна с серебряной рукояткой. То самое оружие, которое сейчас, как мы видим, положили на конторку мистера Хенли...

Алан Хенли застыл. Никто не видел его, кроме Чевииота.

— ...и я вспомнил, совершенно отчетливо, что в галерее, где была убита мисс Ренфру, не чувствовалось запаха пороха. Не раздался грохот выстрела, не оказалось обгорелой пули. Я совсем позабыл о духовых ружьях, пока не взорвался пружинный механизм под рулеткой в притоне Вулкана! Последовательность событий в ночь убийства стала мне абсолютно ясна. Маленький пистолетик, — Чевииот поднял оружие с золотой ромбовидной пластинкой на рукоятке, — предназначался для отвода глаз. Кто одолжил пистолет у леди Дрейтон? Официально — леди Корк. Однако, как нам известно, именно Маргарет Ренфру попросила пистолет на время. Как нам также известно, мистер Хенли прибыл в дом за полчаса до меня и леди Дрейтон. Ему нетрудно было выкрасть оружие из комнаты своей любовницы, которая больше ни на что не обращала внимания, потому что собиралась сознаться. Когда он убьет мисс Ренфру, никто не заподозрит, что его толстая узловатая трость на самом деле представляет собой духовое ружье!

Нужно было найти другой пистолет, причем разряженный, который сочтут орудием убийства. К такой же уловке, как вы помните, прибег и Джон Тартелл, замышляя убить Вуда. Сомневаюсь, что Хенли разрядил пистолет в доме. Вероятнее всего, он произвел выстрел в саду, в мягкую землю. У него осталось время, чтобы вернуться в дом, спрятать пистолет под столом в галерее наверху, рядом с будуаром леди Корк, и тихонько сесть под лестницей в вестибюле... Леди Дрейтон перед убийством нашла разряженный пистолет. Имея веские причины, которые она мне изложила, но которые я не стану излагать, она спрятала пистолет в муфту.

В будуаре, когда я допрашивал леди Корк в присутствии мисс Ренфру и мистера Хенли, правда едва не выплыла наружу. Видели бы вы, как вела себя мисс Ренфру! Как часто она украдкой взглядывала на Хенли, который не замечал ее взглядов, потому что был поглощен тем, что стенографировал вопросы и ответы. Но повторюсь, видели бы вы, как она держалась, выходя из будуара!

Он понял, что должен убить ее, причем не медля. И ему представился удобный случай.

Думаю, полковник Роуэн, вы бы угадали, что на самом деле произошло тогда в галерее, если бы мистер Мейн не так упорно

подозревал леди Дрейтон и меня. Подумайте сами! Мы с Хенли вышли из будуара, закрыли за собой двойные двери и обернулись. Леди Дрейтон находилась футах в двенадцати впереди. Она стояла значительно правее, спиной к нам. Мисс Ренфру открыла дверь будуара и вышла в галерею.

Что случилось дальше? Через две секунды Хенли поднял трость, как будто желая что-то показать. Я не видел, как он отвинтил металлический колпачок. Возможно, Хенли не хотел никому вредить, пока не увидел мисс Ренфру. Естественно, в тот момент я ничего не понял. Да и откуда мне было догадаться?

Мисс Ренфру двигалась по диагонали, как будто направляясь в бальную залу. Оказавшись посередине галереи, она вдруг развернулась и зашагала к лестнице; теперь к нам была обращена ее спина. Если бы вы внимательно перечли признание леди Дрейтон, которое я включил в свой рапорт, вы, возможно, и угадали бы правду. Что же содержалось в том признании?

Сама Флора настолько смешалась, что ничего не могла вспомнить. Чевииот, положив пистолетик на стол, заговорил громче:

— Флора Дрейтон заявила следующее. «Она, — имея в виду мисс Ренфру, — была значительно впереди и левее меня. Я почувствовала, как у моего плеча что-то тихо просвистело — словно легкий порыв ветра. Она прошла еще немного и упала лицом вниз».

Наконец, Флора все вспомнила, так, словно действие происходило сейчас у нее на глазах! Ужас той ночи вернулся.

— Иными словами, — продолжал Чевииот, — леди Дрейтон почувствовала, как мимо нее слева пролетела пуля. Хенли, который стоял на одной линии с жертвой, нажал на кнопку. Все шумы заглушались громкой игрой оркестра. Маленькая пулька, выпущенная с далекого расстояния, не причинила бы серьезного вреда, но пулька попала мисс Ренфру в сердце. Она прошла еще два шага и упала замертво... Такова была развязка, — сказал Чевииот. — Однако не она стала последним звеном.

— Не последним звеном, вы сказали? — неожиданно звонко переспросил мистер Мейн.

— Да, — кивнул Чевииот. — Вы полагаете, Алан Хенли служил вам верой и правдой?

— Да! — в один голос вскричали мистер Мейн и полковник Роуэн.

— Нет, — возразил Чевииот. — Хотя я не подчеркнул этого в своем втором рапорте, многое стало ясно после моего визита к Вулкану. Кто-то предупредил Вулкана о моем приходе, иначе он не собрал бы в игорном зале половину преступного мира Лондона. Кто предупредил его?

— Кто же?

— Мне... показалось странным, — продолжал Чевииот, — возможно, простым совпадением, что у Вулкана и Алана Хенли много общего. Оба всего добились сами. Вулкан, если не считать его любви к аляповатым перстням, выглядит как истинный джентльмен. У обоих имеется физическое увечье, приобретенное вследствие несчастного случая: мистер Хенли хромает, у Вулкана один глаз искусственный. Оба необыкновенно тщеславны, особенно в том, что касается их власти над женщинами.

Вулкан, оказавшись в своем кабинете, не мог удержаться от бахвальства. Он заметил: бывает, что мужчины, обладающие некоторым уродством, обладают в то же самое время огромной силой. Он заявил, имея в виду себя, что ему известен такой человек. А я, глядя на две трости, стоящие в противоположном углу комнаты, рядом с его столом для игры в рулетку, ответил, что тоже знаю такого человека.

Вулкан — малый сообразительный. Он понял, что я имею в виду мистера Хенли. Моя стрела угодила в яблочко!

На самом деле Вулкан испытывал меня, снова упомянув об этом. Сказал: мол, если полиция надумает нагрять в его игорный дом, его предупредят заранее. А я, не удивившись, ответил, что так и думал. Именно тогда Вулкан понял все окончательно. Он угадал, что я намекнул на старшего клерка комиссариата полиции. Снова стрела попала в яблочко.

Служил верой и правдой? Нет, ни в коем случае! Мистер Хенли помогал Вулкану не только тем, что закладывал у него драгоценности. Насколько тесно связан он с владельцами других игорных заведений? Думаю, ваш долг это выяснить. Не служил он верой и правдой! Никогда!

Из горла Алана Хенли снова вырвался сдавленный крик. Он ничего не отрицал, ничего не говорил. Левая его рука нерешительно протянулась вперед, как будто он собирался схватить пистолет, с серебряной рукояткой и направить его на себя. Однако ему не хватило духу покончить с собой. Глаза его подернулись пеленой; перед ними, казалось, замаячила тень виселицы. Он закрыл лицо руками. Трость черного дерева со стуком упала на пол. Старший клерк беззвучно повалился лицом на стол, в бумаги.

К горлу Флоры подступил ком — она вдруг увидела, как со своего места поднимается зловещая фигура капитана Хогбена. Капитан с плащом, наброшенным на руку, пятился к конторке мистера Хенли. Его отчасти скрывала зеленая лампа. Правая его рука поползла вбок...

— Разве не смешно?... — начал было мистер Мейн, но Чевииот оборвал его.

— Смешно?! — вскричал он. — Неужели вы не углядели тут злой иронии?

Всем, кто его слушал, показалось, что суперинтендент не в себе.

— Я, служащий отделения «С-1» уголовного розыска! Я, который всегда гордился своими познаниями в области научной криминалистики! И меня целых два дня водило за нос обыкновенное духовое ружье, поскольку я даже не вспомнил о том, что такое оружие уже изобретено. А ведь любой оружейник, живущий в 1829 году, мог бы меня просветить!

Все в изумлении молча смотрели на него. За спиной сержанта Балмера, который, как скала, непоколебимо высился в дверном проеме, столпились полицейские. Сержант с бляхой номер 9 на вороте попытался протолкнуться вперед. Когда ему это удалось, он, тяжело вздохнув, шагнул в кабинет и отдал честь.

— Сэр! — обратился он к полковнику Роуэну. — Мятеж начался. Тот портной, напившись пьяным, поджег собственный дом. Черт его знает, зачем он это сделал, но все просто обезумели. Сейчас шестьсот человек дерутся на Парламент-стрит. Нашим пришлось достать дубинки. Смутьяны напали на наших людей и выбежали на Кинг-стрит...

— Мы займемся ими, — сухо отвечал полковник Роуэн. — А пока... мистер Чевииот, что с вами происходит? О каком таком отделении «С-1» вы говорили? И что такое уголовный розыск?

Чевиот рассмеялся.

— Прошу прощения, — сказал он. — Я даже не мог вспомнить составленную мистером Фулфордом биографию короля Георга Четвертого и тот факт, что в стекле его кареты обнаружили отверстие от пули из духового ружья! Событие датируется 1820 годом. Должно быть, духовые ружья получили широкое распространение задолго до того времени. Однако Джо Мантону-младшему пришлось напомнить мне данный факт.

— Биографию короля?! — переспросил пораженный Мейн. — Но ведь король еще жив! И никакой биографии его величества пока не существует в природе!

— Да, сэр, — согласился Чевиот. — Я также позабыл, что биография мистера Роджера Фулфорда будет опубликована лишь через сто лет!

— Боже правый! — тихо произнес полковник Роуэн. — Мистер Чевиот! Возьмите себя в руки, иначе мы решим, что вы не в своем уме.

— Может быть, и так, — согласился Чевиот. — Однако остается еще один нерешенный вопрос. И он совершенно не связан с мистером Хенли.

Он указал на Хогбена, который продолжал шарить рукой по конторке.

— Я имею в виду вон того человека, — отрывисто произнес Чевиот. — Капитан Хогбен лгал под присягой. Он лжесвидетельствовал в присутствии должностных лиц. Он заплатит за свою ложь! А наказание за лжесвидетельство в данном веке...

И тут Хогбен вступил в игру. Присутствующим показалось, что все произошло в один миг. Правая рука Хогбена дотянулась до пистолета с серебряной рукояткой.левой же рукой капитан швырнул плащ, который тут же накрыл лицо и голову Чевиота.

Хогбен метнулся к двери, однако там было полно народу и он вынужден был броситься в проем между Флорой и Луизой. Послышался звон разбитого стекла и треск дерева. Закрыв рукой лицо, он спрыгнул из окна вниз.

Раздался глухой звук удара о землю. Капитан покатился кубарем, но тут же вскочил. Лошади, впряженные в карету, тревожно заржали, забили копытами и попятились. Однако для Хогбена лошади не было:

они с Луизой, подобно Чевииоту и Флоре, прибыли в комиссариат в карете.

В тусклом свете газовой лампы потрясенные наблюдатели смотрели, как капитан, спотыкаясь, бежит на площадь. Чевииот, которому наконец удалось сбросить с себя плащ, развернулся к своим подчиненным, столпившимся в дверях.

— Всем оставаться на местах! — рявкнул он. — Я сам его возьму!

Подбежав к окну, он также прикрыл рукой лицо, чтобы не пораниться о разбитое стекло. Затем высунул голову, сел на подоконник, перекинул ноги наружу и спрыгнул вниз. Он погнался за Хогбенем, который повернул налево и на юг, в сторону Уайтхолла.

Как только Хогбен совершил свой неожиданный выпад, сержант Балмер отвинтил металлический набалдашник трости и прицелился, готовясь выстрелить. Однако он не сразу нашарил на ручке трости нужную кнопку и упустил момент. Когда Чевииот выпрыгнул из окна, Балмер в сердцах швырнул духовое ружье на пол.

— Сэр, — обратился он к полковнику Роуэну, — я ни разу не нарушал приказов суперинтендента. Но сейчас намерен его послушаться, и у меня...

Рука его нырнула под мундир, в набедренный карман. После этого он, ни слова не говоря, также выпрыгнул в окно.

Алан Хенли по-прежнему лежал лицом вниз на конторке. Остальные стояли неподвижно, в абсолютном молчании: полковник Роуэн, мистер Мейн, мистер Сларк, Луиза, Флора... Тишину нарушила лишь тяжелая поступь Балмера — сержант разбивал каблуками мерзлую грязь. Потом и его шаги затихли вдали. Стало опять тихо, а где-то далеко шумела и ревела мятежная толпа.

— Нет! — вскричала Флора. — Нет!

Она словно очнулась от страшного видения — сердце и разум подсказали ей, что случилось неизбежное.

И вслед за ее выкриком вдалеке прогремел выстрел. Не прошло и двух мгновений, как за первым выстрелом последовал второй, такой же громкий и отчетливый.

Полковник Роуэн очень медленно подошел к разбитому окну, высунул голову и посмотрел налево.

— Балмер! — позвал он, хотя Балмер, скорее всего, не мог его слышать. — Балмер!

Где-то далеко, на юге, к небу взметнулся столб пламени. Побледневший полковник отошел от окна. Он расправил плечи под алым мундиром с темно-желтыми обшлагами и вернулся к конторке.

Все, казалось, находится под действием гипноза. Но гипноз не мог длиться вечно. Шляпа мистера Сларка выпала у него из рук на пол. Луиза Тримейн испуганно съежилась в кресле. И только Флора осталась стоять прямо, гордо подняв голову; глаза ее блуждали. Она находилась где-то далеко.

Послышались тяжелые шаги. Это медленно, словно волоча ноги, возвращался сержант Балмер. Никто не бросился к окну; никто не осмелился позвать его. Молча, с помертвевшим лицом, он пробился сквозь толпу в холле и появился на пороге кабинета с таким видом, будто сам еще не осознал до конца, что произошло. В руке его болтался пистолет, помеченный короной и правительственным клеймом; в ноздри присутствующим ударил запах пороха.

— Что? — спросил полковник Роуэн, откашлявшись. Гнев жег его. — Что случилось? Где... где суперинтендент Чевиот?

Казалось, Балмер погружен в тяжелое раздумье.

— Да, сэр, — медленно произнес он, — суперинтендент больше не вернется.

— Знаю! Где он?

Сержант Балмер поднял голову.

— Я вот что хочу сказать, сэр, — с трудом выговорил он, — он вообще не вернется. Я вот что хочу сказать: он умер.

И снова в красном и зеленом свете ламп воцарилась тишина.

— Ясно, — прошептал полковник Роуэн.

— Хогбен, — продолжал сержант Балмер, делая над собой явное усилие, — Хогбен и не думал убегать далеко. Он, значит, остановился и повернулся. А вы ведь знаете суперинтендента. Он побежал прямо на Хогбена — вот что он сделал, с пустыми-то руками! И Хогбен поднял пистолет и выстрелил ему в лицо.

Сержант Балмер умолк и лишь через несколько секунд продолжал:

— А я, значит, побежал за ними следом. Суперинтендент запретил мне таскать с собой заряженное оружие. Я поклялся, что не буду. Но пистолет у меня был. Я подался вперед, чтобы не промазать, и

выстрелил подонку Хогбену прямо между глаз. И вот как перед Богом истинным, я горжусь, что это сделал!

Мистер Мейн, наконец, нарушил общее оцепенение.

— Чевиот сам виноват! — вскричал он со злобой. Нервы его были взвинчены до предела. — «Огонь, гори! Котел, кипи!» Он говорил так про Маргарет Ренфру. А сам так и не понял, так и не узнал, что эти слова относились более всего к нему самому! — Мистер Мейн опомнился. — Леди Дрейтон! Прошу прощения... Я вовсе не имел в виду... — Голос его дрогнул и затих.

Флора все еще стояла без движения. Она ни на кого не смотрела и не говорила. Только губы у нее дрожали. А шум тем временем приближался. Языки пламени ярко окрасили небо.

Эпилог

«О, женщина! В часы свободы...»

Когда Чевиот увидел, как Хогбен разворачивается, черный на фоне пламени и дерущихся в отдалении людей, он понял, что сейчас произойдет, и тут же молния вылетела из серебристого пистолетного ствола.

Когда Хогбен спустил курок, Чевиот произнес единственное слово:

— Флора!

Что-то тяжелое ударило ему по голове. Так Чевиоту, во всяком случае, показалось, хотя вспышки он не видел и выстрела не слышал. В мозгу промелькнуло только: странно, что он падает вперед, а не назад, ведь он бежал навстречу пуле.

Потом — темнота и больше ничего.

Он не мог сказать, долго ли пробыл в темноте. Он слышал какое-то движение, дрожь; внешние края мрака подергивались рябью. Он что-то ощущал мышцами, сердцем и нервами. Одна мысль забрезжила у него в мозгу и изумила его.

Если он умер, то, разумеется, не может думать. И уж конечно, не может ничего слышать!

— Суперинтендент! — позвал чей-то голос.

Чевиот поднял голову, которая ужасно болела, и с трудом вгляделся в расплывчатое пятно. Он стоял на коленях, в довольно странной позе, прислонившись к дверце какого-то кеба.

— Я ничего не мог поделать! — повторял голос снова и снова в некотором отдалении. — Да и как мне увидеть, в таком-то тумане, если машина выезжает прямо из ворот и хрясь мне прямо в передний бампер!

— Пуля! — произнес Чевиот. — Должно быть, он промазал!

— Какая пуля? — спросил голос совсем близко. И тут он узнал голос.

Он поднял голову повыше, просунул ее в открытое окошко такси. Вокруг него белел октябрьский туман. Шляпа у него была мягкая, современная. В тумане слева маячили огни какого-то паба.

Вглядевшись, он увидел впереди высокие арки железных ворот — то был западный вход, разделявший Центральный и Южный Скотленд-Ярд. Его такси перегородила дорогу машина, на крыше которой, на светящейся панели, были написаны черные буквы «ПОЛИЦИЯ».

— Разве вы знака не видите? — спрашивал полицейский у таксиста. — Сюда запрещен въезд общественного транспорта!

— Осторожнее, мистер Чевиот! — сказал сержант Бойс, помогавший инспектору Гастингсу руководить ночной сменой в Центральном Скотленд-Ярде.

— Ммм... да.

— Вас здорово стукнуло по голове, — продолжал сержант Бойс. Как и все ночные дежурные, он был в форме. — Вас здорово стукнуло, когда машины столкнулись и вы ударились о ручку дверцы. Но кожа не содрана; только шишка. Берите меня за руку и вылезайте.

Чевиот взял сержанта за руку и вылез на гладкий тротуар. Время скользнуло назад; время скользнуло на место.

— Но не во сне же мне все приснилось! — проговорил Чевиот.

— Нет, нет, конечно, не во сне. Кстати, полчаса назад звонила ваша жена. Она сказала, что приедет за вами и отвезет вас домой на машине. Не пугайте ее! Сейчас она в кабинете и...

— Не приснилось же! — повторял Чевиот.

— Полегче, суперинтендент!

— Убийство полностью раскрыто, — продолжал Чевиот, все еще до конца не понимая, на каком он свете. — Все, до мельчайших подробностей. Но остального я так и не узнаю, и спросить не у кого. Я действительно находился в 1829 году. Прошлое повторяется! И ведь я никогда прежде не видел гравюр с изображением старого Парламента...

— Послушайте-ка, суперинтендент...

— ...не читал описания стрелкового тира Джо Мантона, не знал, в каком доме по Дэвис-стрит он находился. Смешались моя настоящая жизнь и та жизнь, о которой я и не мечтал... Я не могу разделить их. Если только она... она...

Послышались легкие шаги; каблучки стучали по тротуару все ближе, ближе... и вот в проеме арки показалась женская фигурка.

— Все в порядке, сэр? Вот ваша жена.

В голове у Чевиота прояснилось. И так же, только с трудом, прояснилось у него в сердце.

Руки женщины обвилились вокруг него, и он обнял ее в ответ. Из тумана на него смотрели те же синие глаза. Он увидел тот же рот, ту же белую кожу, те же золотые волосы под современной шляпкой — все было таким же, как тогда — перед тем, как растаять.

— Привет, любимый, — сказала Флора.

Примечания для любознательных

Во-первых, в доказательство того, что Чевиот цитировал не вымышленную книгу, позвольте представить фотокопию ее титульного листа. Лист значительно уменьшен в масштабе, иначе он не поместился бы ни в одну книгу обычного формата.

Нет необходимости указывать, что духовые ружья были хорошо известны в 1824 году, когда книга была издана, то есть за пять лет до того, как разворачиваются события в романе.

Чевиот в доказательство того, что и в то время преступники умело заматали следы, зачитывает следующий отрывок:

«...Духовое ружье напоминало узловатую трость и содержало не менее шестнадцати зарядов. Производят выстрел, нажимая пальцем на один из узлов, причем раздается лишь тихое жужжание, едва слышное даже человеку, который случайно окажется рядом».

И второй, где описано оружие, с помощью которого было совершено убийство в романе «Огонь, гори!»:

«...после того, как Вудлег спать; и когда тот заснет, Джон Тартелл, закутанный в морской плащ, должен был проникнуть в дом, отперев парадную дверь ключом Проберта, подняться в спальню Вуда и убить его выстрелом в сердце из духового ружья. Затем он намерен был вложить в правую руку Вуда маленький разряженный пистолет, дабы создать видимость того, что Вуд застрелился. После Тартелл собирался выйти из дома и отправиться спать. Спустя какое-то время Проберт должен был подняться наверх и обнаружить Вуда...»

FATAL EFFECTS of GAMBLING
EXEMPLIFIED IN THE
Murder of Wm. Weare,
AND THE
TRIAL AND FATE
OF
JOHN THURTELL, THE MURDERER,
AND
This Accomplices;
WITH
BIOGRAPHICAL SKETCHES OF THE PARTIES CONCERNED,
AND
A COMMENT ON THE EXTRAORDINARY CIRCUMSTANCES
DEVELOPED IN THE
NARRATIVE, IN WHICH GAMBLING IS PROVED TO BE THE
SOURCE OF
FORGERY. ROBBERY. MURDER AND GENERAL
DEMORALIZATION.
TO WHICH IS ADDED, THE
GAMBLER'S
SCOURGE;
A COMPLETE EXPOSE OF
THE WHOLE SYSTEM OF GAMBLING IN THE
METROPOLIS; WITH
MEMOIRS AND ANECDOTES OF NOTORIOUS BLACKLEGS.
« — Shame, beggary, and imprisonment, unpitied misery, the sting of
conscience, and the curses of mankind, shall make life hateful to him — till
at last his own hand end him.» — Gamester
ILLUSTRATED BY PORTRAITS DRAWN FROM LIFE, AND
OTHER COPPERPLATE ENGRAVINGS OF PECULIAR INTEREST.
LONDON:
PUBLISHED BY THOMAS KELLY. PATERNOSTER-ROW
MDCCCXXIV

[\[2\]](#)

Действительно, духовые ружья существовали и ранее. Почти во всех биографиях короля Георга Четвертого, от современной ему скандальной биографии Гюйша («Мемуары короля Георга Четвертого»

в 2-х тт. Лондон: Изд-во Томаса Келли, 1831) до блестящего современного исследования Роджера Фулфорда («Георг Четвертый». Лондон: Дакуорт, 1935), упоминается о пулевом отверстии в оконном стекле его кареты. Следовательно, духовые ружья были изобретены в начале XIX века.

Манеры, обычаи, речь

Выражаю надежду, что читателям захочется больше узнать о двадцатых — начале тридцатых годов XIX века. Данный период сравнительно скупо представлен в литературе. Возмущенные выходками короля Георга и его распутных братьев в период Регентства (1811 — 1820), представители высшего общества и среднего класса ударились в другую крайность: их отличали строгие правила приличия и рафинированность манер и речи. Многие из того, что называют «викторианскими нравами», существовало задолго до королевы Виктории. Тем не менее в целом в обществе начала XIX века царили разнузданность и разврат.

Какими же были на самом деле люди той эпохи? Как они думали, действовали, разговаривали?

Кое-что можно почерпнуть у широко известных официальных летописцев, например Джона Уилсона Крокера («Записки», под ред. Луиса Дженнинга, в трех томах. Лондон: Изд-во Джона Мюррея, 1884) и Томаса Криви («Записки», под ред. почтенного сэра Герберта Максвелла. Лондон: Изд-во Джона Мюррея, 1913).

В 1829 году Крокер занят переработкой книги Босуэлла и пишет мало. Но Криви откровенно раздражает обычаи нового века.

"Итак, — пишет он мисс Орд в марте 1829 года, — наш маленький «ранний» званый ужин^[3] прошел мило, как всегда, если не считать потрясения, какое испытали добродетельная леди Сефтон и ее великовозрастные дочери, воспитанные в полном неведении относительно существования человеческих пороков".

Криви далее клеймит «бесстыдные» и «наглые» речи гостей, среди которых, между прочим, были княгиня Эстерхази и молодой лорд Палмерстон.

Однако не нужно забывать, что Криви, как и леди Сефтон и княгиня Эстерхази, был в то время человеком пожилым; он уже забыл о том, что когда-то и сам был молод. Представляется маловероятным, чтобы в наши дни тридцати — сорокалетняя старая дева упала в обморок от разговоров, которые велись на подобном званом ужине.

Что же касается истинных воззрений тогдашних женщин, следует обратиться к «Журналу Клариссы Трент, 1800 — 1832» (под ред. С.Г.

Гарда. Лондон: Изд-во Джона Лейна «Бодли-Хед лимитед», 1925). Или если брат более высокий общественный слой, к изданию «Три сестры Говард: Избранные сочинения леди Кэролайн Ласелль, леди Дувр и графини Говер, 1825 — 1833» (под ред, покойной леди Леконфилд, переработанные и дополненные Джоном Гором. Лондон: Изд-во Джона Мюррея, 1955).

Кларисса Трент прелестна и в речах своих, и в поведении. Она не ханжа, не трусиха и исписала добрых триста страниц большого формата. Она родилась в 1800 году, а дневник заканчивает своей свадьбой, состоявшейся в 1832 году. Вот что мы читаем в дневнике Трент от 5 октября 1829 года:

«Пришлось провести еще одно бессмысленное утро, отмеченное визитом леди Т, и трех ее дур-дочерей. Как обычно, не успела она усесться, как тут же заявила, что не позволит дочерям выходить замуж до своей смерти. **Х в а т и т з а л и в а т ь!**» (разрядка принадлежит самой Клариссе).

К сожалению, мало кто из очевидцев в 1829 году смел так отзываться о чьих-либо речах. В сходных обстоятельствах иногда мы встречаем и такие выражения, как «подшофе», то есть «пьяный». Оно имеется на страницах «Пиквика». Или «язык у него хорошо подвешен». Широко известно восклицание Джорджа Стефенсона, изобретателя знаменитого паровоза «Ракета»: «Из всех даров природы величайшим является хорошо подвешенный язык!» (см, книгу А.А.В. Рэмзи «Сэр Роберт Пиль». Лондон: Дакуорт и К0 лимитед, 1928. С. 368).

Многое можно узнать из первого романа Дизраэли «Вивьен Грей» (1826), где живо описываются нравы и обычаи той эпохи, хотя и поданы они в сатирическом изображении. Позже Дизраэли отрекся от этого романа. Вот что он пишет в предисловии к изданию 1835 года: «Книги, написанные мальчиками, всегда страдают манерностью».

Разумеется, в «Вивьене Грее» Дизраэли еще не достиг таких высот, как в своих классических произведениях, таких как «Конингсби» или «Лотар». Однако он отрекся от первого романа, скорее всего, по другой причине.

«Вивьен Грей» пестрит измышлениями и забавными анекдотами о подлинных людях, причем выведенных под настоящими именами. Например, герой рассказывает, как Вашингтон Ирвинг, по прозвищу

Монсеньер Джеффри, всегда засыпает за обедом. Однажды его, спящего, незаметно переместили в другой дом. Пробудившись, Монсеньер Джеффри начал говорить, не заметив, что его окружают совершенно другие лица. Однако такое могло случиться с любым. Принимая же во внимание описанный самим Ирвингом обед, после которого он сочинил леденящие душу истории о привидениях, вошедшие в его «Путевые заметки» (1824), анекдот уже не кажется не правдоподобным.

В отличие от Диккенса, персонажи которого действуют и говорят как обычные люди, большинство персонажей «Вивьена Грея» неестественно высокопарны и напыщенны. Герой не просто берет пистолет — он «подружился с Мантоном». Однако в первой книге Дизраэли содержится и немало любопытных сведений о той эпохе, и в этом смысле она равноценна свидетельствам летописцев и авторов дневников. В то время лондонцы любили пирожки с курятиной и салат из омаров; они часто держали в доме редких птиц, как в нашем случае леди Корк; женщины терпеть не могли табак, однако не возражали, если их мужчины употребляли совершенно невыносимые для желудка спиртные напитки.

По страницам «Вивьена Грея» проходит чудовищный парад косноязычных политиканов, раболепных прихлебателей, знатных замужних шлюх. Уже тогда Дизраэли был мастером эпиграмм и острот.

«Если хотите завоевать сердце мужчины, — поучает он, — позвольте ему разбить вас в споре». Мы с интересом читаем о помолвке некоего молодого джентльмена, «у которого финансы находились в таком плачевном состоянии, что он, дабы избежать Исправительной палаты, устремился в Палату общин».

Скотленд-Ярд против воров и мошенников.

Места и события

За одним исключением действие романа «Огонь, гори!» разворачивается в реально существовавших местах.

У нас имеется множество источников, например книга Г.Б. Уитли «Лондон в прошлом и настоящем. История, связи и традиции. В трех томах» (Лондон: Из-во Джона Мюррея, 1891). Откройте книгу в любом месте — на улице, на площади, у любимого вами здания, — и вы попадете в прошлое. Имеется также «1829 год день за днем» — одновременно повседневная история и обзор событий заданный период. Существует «План Лондона и его окрестностей» Дирдена, изданный в 1828 году. Хотя размерами и качеством иллюстраций он уступает Горвудовскому плану Лондона 1792 — 1799 годов, это карта огромной исторической ценности.

Дом номер четыре по Уайтхолл-Плейс, то есть первоначальный Скотленд-Ярд, который уже тогда был известен под этим именем, описан — с иллюстрациями — в великой книге моего друга Дугласа Г. Брауна «Возвышение Скотленд-Ярда: История лондонской полиции» (Лондон: Джордж К. Хэррап и К0 лимитед, 1956), в которой также имеются портреты полковника Роуэна и мистера Мейна. Есть и другие книги по истории полиции, среди которых следует отметить «Историю Скотленд-Ярда» Джорджа Дино (Лондон: Джеффри Блез лимитед, 1929) и «Историю сыщиков с Боу-стрит» Гилберта Армитиджа (Лондон: Уизхарт, 1932). Однако книга Брауна остается для меня самым авторитетным изданием, которому я многим обязан.

Как ни удивительно, Вулкан — реальное историческое лицо. В уже упомянутом «Проклятии игрока» приводится несколько анекдотов о нем, включая и историю о том, почему Вулкан получил свое прозвище. Однако о нем так мало известно, что я нарисовал его портрет по своему вкусу, и читатель волен считать данный персонаж вымышленным.

Тем не менее его игорный дом стоял на том месте, где он находится в романе. Каретная мастерская Хуперов, в которой теперь выставлены «роллс-ройсы» и «бентли», по-прежнему стоит по

соседству, хотя почти вся южная сторона Беннет-стрит была разрушена в годы войны. Описание внутреннего убранства притона взято из «Проклятия игрока», а также с гравюры, изображающей типичное игорное заведение того времени. Оттуда же можно узнать, как играть в «красное и черное»; там же описан механизм под рулеткой, который разоблачил Чевикот. В «Проклятии игрока» описаны поведение и жаргон представителей преступного мира.

Дома леди Корк больше не существует. Однако Уитли и Дирден сообщают нам его номер, адрес и дают описание. Это был шестой дом с запада по Берлингтон-стрит, по правой стороне, если идти от Верхней Риджент-стрит. А дом, который сейчас стоит на его месте, отлично виден из нового здания полиции Вест-Энда. На Нью-Берлингтон-стрит зародился обычай прикреплять к парадной двери медную пластинку с фамилией хозяина.

О тире Джо Мантона многое говорится в книге воспоминаний капитана Гроноу (1814 — 1860. Лондон: Изд-во Джона Ниммоу, 1900). Описаний Воксхолл-Гарденз так много, и существует столько иллюстраций, что нет смысла приводить источники. Беседка в псевдогреческом стиле, построенная около 1788 года, была стерта с лица земли в 50-е годы XIX века. Раскрашенная вручную иллюстрация в «Знамени Лондона», раритетном трехтомнике, вышедшем в 1814 году и приводящем только адрес издателя — Пэлл-Мэлл, дом 11, — показывает нам вид с реки на Вестминстер, старые здания Парламента, Вестминстер-Холл, Вестминстерское аббатство.

Только дом Флоры Дрейтон на Кавендиш-сквер вымышлен.

Исторические личности

В наши дни не всем понятно, насколько великим человеком был сэр Роберт Пиль. Не всем это было понятно и при его жизни. Он не обладал выигрышной наружностью лорда Мельбурна или Сидни Герберта; он не обладал магнетизмом, способным заморозить толпу. Только среди близких друзей, которых он хорошо знал и которым доверял, Пиль мог расслабиться, посмеяться или пошутить. Даже книга «Сэр Роберт Пиль — из его записок, в 3-х томах» (под ред. Чарльза Стюарта Паркера. Лондон: Изд-во Джона Мюррея, 1899) его подлинный характер описывает скупно. Он был скромнен от природы, как пронизательно заметила молодая королева Виктория (см. упомянутую выше книгу мисс А.А.В. Рэмзи), и его манеры казались сухими, официальными.

Величайшим его достижением было не создание полиции, а реформа английской пенитенциарной системы. Думаю, нет нужды рассказывать читателям, какой страшной была данная система до Пилля, или приводить список преступлений, за которые мужчину или женщину могли повесить во втором десятилетии XIX века. Дадим слово мисс Рэмзи, которая говорит об ужасах старой системы:

«Мужчину могли повесить за то, что он срубил дерево, посылал письма с угрозами, высмеивал гринвичских пенсионеров, подрывал набережную, совершал кражу в лавке, крал сорок шиллингов в жилом доме и т. д.».

Присяжные отказывались выносить смертные приговоры; они просто выносили вердикт: «Невиновен». Судьи впадали в ярость; они утверждали, что страна катится в пропасть. И все же до того, как сэр Роберт ушел с поста министра внутренних дел, он успел провести через парламент свой акт и отменил смертный приговор более чем за сто преступных деяний.

Достаточно подробную историю жизни полковника Чарльза Роуэна и мистера Ричарда Мейна можно найти в издании 1875 года «Национальный биографический словарь». Все, что говорится о них в данной книге, — правда, однако воссоздать их характеры можно, лишь руководствуясь их поступками.

Ссылки на леди Корк имеются во многих журналах, письмах и биографиях — от Босуэлла до Тома Мура. Она действительно держала попугая ара, который курил сигары; попугай клюнул и короля, и леди Дарлингтон; она действительно угрожала (в письме) вывесить в окне знамя реформаторов; ее характер передан со всей возможной точностью. Существует ее восхитительное описание в книге Майкла Садлера «Блес-сингтон-д'Орсэ: Маскарад» (Лондон: Констебль и Ко лимитед, 1933).

В заключение хочется ответить на несколько вопросов, какие могут возникнуть у читателей. Я только что упомянул о леди Блессингтон и графе д'Орсэ, очень известных фигурах; почему в романе о них не говорится ни слова? Потому что в то время они находились за границей; они вернулись в Англию только в 1830 году.

Почему в книге всего один раз упоминаются железные дороги, хотя в то время они уже существовали? Литературные критики часто задаются тем же вопросом применительно к «Пиквикскому клубу». Однако ответ лежит на поверхности.

Все имевшиеся на тот момент железные дороги находились на севере; они не дотягивались до центральных графств Великобритании, не говоря уже о Лондоне (см. Криви от 18 ноября 1829 года, где он живо возражает против планов строительства ветки от Ливерпуля до Манчестера). Хотя «Пиквик» был написан в 1836 — 1837 годах, главным образом действие романа происходит в 1827 — 1828 годах.

Из книги Гамильтона Эллиса «Четыре главные линии» (Лондон: Аллен и Ануин, 1950) мы узнаем, что движение по знаменитой ветке Лондон — Бирмингем от Юстонского вокзала было открыто лишь в сентябре 1838 года, хотя в 1836 году существовала небольшая соединительная линия. Диккенс ни за что не посадил бы пиквикистов в поезд, так как сам никогда не путешествовал по железной дороге.

Были ли в 1829 году общества трезвости? Да, отсылаю читателей снова к «Пиквику». Существовали ли программки танцев? Конечно. Они упоминаются уже в романах Джейн Остин, которая скончалась в 1817 году. Широко ли использовалось газовое освещение в жилых домах? Только в домах людей богатых, и притом не боявшихся, что дом взлетит на воздух. Уличное освещение было широко распространено, ведь Пэлл-Мэлл была освещена еще в 1807 году.

Наконец, костюмы и привычки военных взяты из книги майора Р. Мани Барнса «История полков и формы британской армии» (Лондон: Сили Сервис и К0 лимитед, 1951). Замечательные описания и красочные иллюстрации майора Барнса отличаются скрупулезной точностью. В частности, если бы действие романа происходило всего на год позже, военные уже не носили бы белых портупей, отмененных в 1830 году.

Что касается моды, мебели, украшений и аксессуаров, я многим обязан «Английскому костюму девятнадцатого века», книге Айрис Брук и Джеймса Лейвера (Лондон: Адам и Чарльз Блэк, 1947), книге «Совершенная леди» доктора Уиллета Каннингтона (Лондон: Макс и К0 лимитед, 1948), где дамы описываемого нами времени именуется «несовершенными леди»; а также прекрасным цветным иллюстрациям «Костюмной кавалькады» Хенни Харальд Хансен (Лондон: Метьюин и К лимитед, 1956).

notes

Примечания

1

Вот и все! (фр.)

"Роковые последствия азартных игр, показанные на примере убийства Вильяма Вира, а также судебный процесс над убийцей Джоном Тартеллом и его сообщниками с биографическими данными всех сторон; комментарии необычайных обстоятельств, где доказывается, что азартные игры — источник мошенничества, грабежа, убийства и общей деморализации. Иллюстрировано портретами, нарисованными с натуры, а также гравюрами, представляющими особый интерес.

Приложение: Бедствия игрока, или полное разоблачение азартных игр в метрополии; с мемуарами и анекдотами об известных мошенниках.

Лондон: Издательство Томаса Келли, Патерностер-роу".

3

он имеет в виду ужин у леди Сефтон

Содержание

[Джон Диксон Карр Огонь, гори!](#)

[Глава 1 «Кого пошлешь ты привести его?»](#)

[Глава 2 Кража из кормушки](#)

[Глава 3 Празднество в газовом свете](#)

[Глава 4 Женщина на лестнице](#)

[Глава 5 Убийство в ритме вальса](#)

[Глава 6 Кошмар в галерее](#)

[Глава 7 «Как сильно я тебя люблю!...»](#)

[Глава 8 Толки в кофейне](#)

[Глава 9 Невинность Флоры Дрейтон](#)

[Глава 10 Драка в Ярде](#)

[Глава 11 Луиза Тримейн и ее папочка](#)

[Глава 12 Чертова дюжина](#)

[Глава 13 Встреча отверженных](#)

[Глава 14 На дне](#)

[Глава 15 Обряды Венеры](#)

[Глава 16 «Сначала поцелуй... Потом меня убили»](#)

[Глава 17 Шесть выстрелов по мишени](#)

[Глава 18 Ловушка у Воксхолл-Гарденз](#)

[Глава 19 Ответный удар](#)

[Глава 20 Конец смертельной неизвестности](#)

[Эпилог «О, женщина! В часы свободы...»](#)

[Примечания для любознательных](#)

[Манеры, обычаи, речь](#)

[Скотленд-Ярд против воров и мошенников. Места и события](#)

[Исторические личности](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)